

ВИЛМА ЯКОВЛЕВА

ПРОГУЛКА
ЗА
РУБИКОН

ЧАСТЬ 3

18+

Вилма Яковлева

Прогулка за Рубикон. Часть 3

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вилма Яковлева

Прогулка за Рубикон. Часть 3 / Вилма Яковлева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В первых двух частях романа латвийский журналист Эдд Лоренц с трудом выпутывается из перипетий бурных событий начала 90-х годов в Латвии, став чужим среди чужих и чужим среди своих. В то же время офицер российского спецназа Виктор Шевардин, пытаясь как-то повлиять на происходящее в России, также проигрывает свою маленькую войну и уезжает на большую войну в Боснию. Британская журналистка Вивиан Белчер мотается по горячим точкам локальных войн. Древнеегипетская принцесса Таисмет борется за власть в Фивах, но, потерпев неудачу, бежит из города. В третьей части романа судьба забрасывает Эдда, Виктора и Вивиан в Йемен, где начинается война Севера и Юга. Там же за три тысячи лет до этого оказываются и египетские беглецы.

© Вилма Яковлева, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Йемен, Сана. 18 ноября 1993 года	5
Йемен, Ходейда, Таиз, побережье Индийского океана. 19–21 ноября 1993 года	16
Отель у старого маяка. 22–23 ноября 1993 года	30
Аден. 23 ноября 1993 года	59
Аден. Следующий день. 24 ноября	72
Аден. 2 декабря 1993 года	83
Аден. 3 декабря 1993 года	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Йемен, Сана. 18 ноября 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

Стюардесса приблизилась ко мне, демонстрируя темные, немного старомодные колготки.

– Что будете есть?

Я поставил стаканчик в углубление на столике, взял меню и выбрал рыбу.

Она пошла дальше, а я вдохнул сильный, но ненавязчивый запах ее духов.

Рядом со мной сидел пожилой мужчина с желтым гигиеническим пакетом в руках и потухшими глазами.

Вытянув ноги, я попытался ни о чем плохом не думать. Не думать о чем бы то ни было. Вообще не думать. Но это плохо получалось. И я подумал, что путешествие – это всегда испытание судьбы, финишная ленточка горизонта, которая в тебе самом, поэтому она далека и недосягаема.

Я вынул из пакетика круглую конфету, покрытую кокосовой стружкой, и плотнее закутался в одеяло плед. Стружка закрипела на зубах, как шаги на свежем снегу. Это напомнило мне о том, что ближайшая задача – несмыываемый загар, скрывающий все неровности кожи. А там посмотрим.

Ночная пересадка в Аммане прошла как во сне.

Четыре часа утра. Самолет завис над Аравийским полуостровом. Горы, ветер. Самолет сильно трясло. Йеменские стюардессы переоделись во все черное, напугав группу европейцев.

До Аль-Джамхурии аль-Йаманиии оставалось лететь еще два часа.

Я вынул из сумки rocketbook с текстом Корана и открыл его на первой попавшейся странице:

Что же на всяком возвышении (вокруг вас) вы, забавляясь, строите себе (своих годов) затейливые вежи? Себе заводите прекрасные места для почиванья с надеждой в них почить (навечно)¹?

Почить навечно в мои планы не входило.

Я положил Коран обратно в сумку и вынул путеводитель. Оказалось, что Йемен от еврейского слова «ямин» – правый. Страна, лежащая справа. Древние евреи определяли стороны света по отношению к стороне солнечного восхода. Римляне называли Южную Аравию – счастливой², а греки прозвали местных жителей «удачливыми арабами».

Еще я узнал, что йеменское законодательство базируется на шариате и в стране действует сухой закон. Ну, это мы еще посмотрим...

При посадке самолет глухо стукнулся о взлетную полосу. В иллюминаторе промелькнули жестяные ангары, торчащий из земли остов разбитого самолета, обшарпанное здание аэропорта и склоны подступающих к нему гор.

В здании аэропорта суровые воители пустыни щеголяли в клетчатых юбках и помятых пиджаках. На голове клетчатый платок. На животе широкий кривой нож. Шлепанцы, надетые без носков.

Круто я попал.

Женщины были закутаны в черное до пят, все закрыто, кроме глаз. Вполне элегантные дамы.

Таможенник смотрел на меня почти ласково, но заставил открыть обе сумки.

– Вы задекларировали старинный крест. Покажите его.

Я показал.

¹ Коран. Сура «Поэты». С. 128–129.

² Arabia felix.

- Он какой-то не такой.
- Это крест «анх».
- Вы собираетесь его продать?
- Нет, как ввез, так и вывезу. Это талисман.

Время шло. Таможенный досмотр грозил превратиться в настоящий кошмар. Но все обошлось.

На выходе меня попросили пройти в полицейский участок и подождать. Я ждал. Наконец полицейский подозвал меня, но и после этого он еще несколько минут не отрывал глаз от своих бумаг. Что поделаешь, Восток.

- Цель приезда? – спросил он, ткнув пальцем в соответствующую графу.
 - Телевидение.
 - Это не цель. Повторяю, с какой целью вы приехали?
 - Я журналист. Делаю репортажи...
 - Тележурналист?
 - Можно и так сказать.
 - Вы не похожи на тележурналиста.
 - Видимо, не очень удачный день... Я действительно хочу снять фильм.
 - Где ваша телекамера?
 - Я приехал искать натуру.
 - Для чего?
 - Для съемок «Тысячи и одной ночи».
 - Вместо телекамеры у вас какой-то крест.
 - Это не крест, это ключ.
 - И где же «та» дверь?
 - «Та» дверь находится между жизнью и смертью.
- Полицейский поднял брови и улыбнулся:
- Можете засунуть свой ключ в задницу. Ладно, идите.

На выходе я увидел водителя, размахивающего табличкой с моим именем.

После непродолжительной перепалки юркие носильщики погрузили мои сумки в старый джип. И я покатил.

Итак, первая часть задуманного мною плана выполнена – теперь, как здесь говорят, я сам себе султан. И если мне суждено опять во что-то вляпаться, то пусть это произойдет под зорким оком Аллаха.

Было довольно прохладно. Восходящее солнце освещало горные склоны голубовато-фиолетовым светом. Непривычные краски, необычные звуки, запахи. Горы с плоскими вершинами, башни, крепости, глинобитные стены старинных построек.

Мимо проехал «башмак», в его кузове, держась друг за друга, стояло человек 10. Еще пять человек сидели на крыше и на капоте.

Наконец за поворотом появилась Сана. Я попросил остановить машину и минут десять разглядывал высоченные средневековые небоскребы, похожие на рождественские пряники, с торчащими между ними минаретами.

В самолете я успел прочитать, что этот фантастический архитектурный стиль называется «тахрим», и здесь, в Йемене, он сохранился в своем первозданном виде.

Издали протяжный голос муэдзина. Когда он замолк, стали слышны звонкие голоса маленьких птичек.

Через полчаса мы въехали в одни из девяти ворот города.

Водитель огласил список городских отелей:

– В Сане безопасно только в трех отелях: в Sheraton, Taj и Moevenpick. Okay! Если нет money – надо ехать в Arabia Felix. Из окна ничего не видно, но нет шума. Хороший вид на

старый город только в Sheraton. Но лучше всего в Тај, это 10 минут от старого города. Или Old Manakhla – рядом с центральной площадью Мидан Тахрир.

– В «Шератон»!

Поездка до центральной площади города Мидан Тахрир, которая, как я знал, находится в 25 км от аэропорта, обошлась мне в 10 долларов. Нормально.

Отель оказался лучше, чем я думал. Вооруженная охрана. Поле для мини-гольфа. Бассейн. На стене висел портрет Али Абдалла Салеха (президент Йемена. – Ред.). В бытность офицером-десантником его называли орлом. Он и смотрелся орлом.

Я снял одноместный номер за 150 долларов.

Носильщик быстро занес мой багаж в номер и получил от меня «по прејскуранту Бориса» три доллара.

В гостиничном ресторане Golden Oasis меня накормили свежесдобитым хлебом и зеленым перцем. Я дал чаевые в размере десяти процентов от суммы счета и, презрев законы шариата, купил про запас литровую бутылку джина за 20 долларов.

Разрешение на проезд до Ходейды и далее до Адена еще не было готово, и я пошел бродить по городу.

В меняльной конторе за три сотни долларов мне отвалили большую пачку денег. Я пересчитал йеменские реалы и рассовал их по карманам.

Знакомство с Востоком надо начинать с базара. Ориентируясь по стройному силуэту Большой Мечети аль-Джами аль-Кабир, построенной еще при жизни Мухаммеда, я вышел к крепостной стене старого города. У ворот сидели калеки, выставив напоказ култышки рук, которых их лишили по законам шариата за воровство. Путеводитель бесстрастно сообщал, что раньше у этих стен публично забивали камнями прелюбодеек.

Большую часть старого города занимал базар³. У выхода меня подхватил людской поток и понес вдоль торговых рядов.

Чего тут только не было. Справа навалом лежали тряпки из Индии и Китая. Слева продавали жареную саранчу и липкие финики. Вдоль стен громоздились корзины, доверху заполненные восточными пряностями. Гирляндами свисали связки красного перца, лука и чеснока. В какофонии запахов я различил аромат гвоздики, корицы, мускатного ореха, тмина и табака. Кружилась голова.

Я бесцельно бродил по рынку между прилавками, прислушиваясь к выкрикам продавцов, половина которых была обращена ко мне. Однако никто не хватал меня за одежду и не пытался чего-нибудь всучить.

Навязчивым был только продавец пиджаков, который ухитрился надеть всю продаваемую охапку на себя. Но пиджак был мне не нужен.

Я бегло осмотрел прилавки. Ничего стоящего. Рынок мне вообще противопоказан. Я никогда не торгуюсь – или плачу сразу, или ухожу. На восточном рынке это не только глупо, но и оскорбительно.

В некоторых местах я еле продрался сквозь толкотню и хлопающих на ветру грязных пластиковых пакетов.

Мне приглянулась только лавка благовоний. Ладан, мирра, сандаловое дерево, розовое масло, душистая трава галанга, кожура мускатного ореха, эбеновое дерево, черепаший панцирь, камфара. Все, о чем я когда-то читал, но никогда не видел.

Пока я изучал весь этот ассортимент, вокруг меня начала собираться небольшая разновозрастная толпа, чтобы помочь советами. Путь к отступлению был перекрыт.

Лавочник суетился, подбирая английские слова:

³ Сук-аль-Мильх – «Соляной базар».

– Господин, не уходите без покупки. Пророк Мухаммед больше всего ценил молитвы и приятные запахи. Ароматный дым выкуривает шайтанов.

Я взял в руки кусок ладана и стал его рассматривать со всех сторон. «Золото древнего мира» напоминало комок детской неожиданности. Тем не менее я его понюхал.

Лавочник озабоченно осведомился:

– Окау?

На кой черт мне сдался этот ладан.

– Нет, не окау! В торговом законе Рамсеса III написано, что цвет ладана – это лунный свет или цвет бледно-зеленого нефрита, а все остальное не имеет ценности.

Лавочник округлил глаза, а я достойно отступил.

Поняв, что к чему, я купил фрукты, местный кофе «Мокко», чай из Кении, козий сыр. И не купил масляную лампу, которая, как меня уверяли, стояла у изголовья Шехерезады. Наверно, зря.

Пора было сматываться. Быстрым шагом я пошел по узким проходам к выходу. Шум рынка остался позади.

За воротами рынка торговали свежавыжатым соком. Увидав меня, один из продавцов включил миксер и прокричал: «Большой манговый для назрани⁴! Лед, манго, молоко, окау».

– Кям кымта?⁵

Продавец назвал цену. Это был форменный грабеж. Но торговаться не хотелось. Ото льда я сразу отказался, и мне смешали охлажденный сок из термоса со сгущенным молоком из банки. Это было действительно окау.

За продавцами соков, немного в стороне, продавали свежесрезанные ветки, связанные в пучки наподобие веников. Путеводитель сообщал, что это кат, листья которого обладают слабонаркотическим действием. Большинство йеменцев жуют кат каждый день – это стиль местной жизни.

Остатки городской стены внезапно оборвались. Налево уходило русло высохшей реки, по которой носились машины. Направо простиралась площадь Аль-Тахрир.

Я сразу увидел лавку древностей, о которой писал Карл. Но прежде чем туда войти, надо было осмотреться.

На город надвинулись тучи, и начался ливень. Вода падала стеной. Бурлящие потоки сбивали на край тротуара пластиковые бутылки и пустые пачки сигарет.

Все кинулись искать убежище. Я тоже побежал под ближайший навес, подняв над головой сумку. Но все места были заняты. А до ближайшей подворотни было метров сто.

К счастью, ливень кончился так же внезапно, как и начался. В канавах вдоль тротуаров негромко журчала вода. От влажной земли поднимался пар, похожий на сухой лед, с мучительным запахом глины.

Я все никак не мог поверить в реальность происходящего. От того, что было, до того, что стало, прошло всего несколько часов.

В этот момент я впервые почувствовал слезку. Некто топтался на другой стороне улицы и сразу отвернулся, поймав мой взгляд.

На Востоке главное – не торопиться. Я зашел за ограждение открытой кофейни и долго выбирал столик. Потом заказал то, о чем знал: знаменитый кофе – «Мокко Матари». В Риге он стоил бешеные деньги.

Пока официант колдовал над турками, я прочитал на обложке меню, что в Европе «Мокко Матари» зовется «кофе лордов», поскольку его пьет вся европейская знать. Я бла-

⁴ Так в Йемене зовут христиан – от слова Назарет.

⁵ Сколько стоит? (араб.).

женно вытянул ноги и произнес вслух: «Кофе для сэра Лоренца Аравийского». И тут только заметил, что сижу за советским общепитовским столиком с алюминиевыми ножками.

Ждать пришлось недолго. Тот же араб и еще один, весьма неопрятного вида, озабоченно высунулись из подворотни и стали оглядывать улицу. Когда наши глаза встретились, они быстро нырнули обратно. Потом снова появились.

Я встал, чуть не опрокинув столик, и помахал им рукой. Они сначала растерянно уставились на меня, а потом бросились бежать.

Мое внимание привлек более интересный объект – стайка местных женщин, сидевших недалеко от меня. Они были без мужчин, в абаях. Но у одной из них из-под задравшегося балахона торчали джинсы. Изящные ступни с хорошим педикюром были обуты в не менее изящные сандалии. В прорези черной накидки блестели потрясающе красивые глаза, обведенные тонким контуром и умело подкрашенные, отчего они казались необычно большими. У другой дамы, неосторожно снявшей перчатки, были тонкие пальцы, расписанные хной. Наверно, я случайно увидел то, что не имел права видеть.

Женщины весело смеялись, изредка поглядывая на меня. Похоже, я им нравился. Или мне так казалось?

Несмотря на непринужденность обстановки, я понял, что в этой стране не погуляешь. В голове промелькнула только одна хулиганская мысль – снимают йеменки чадру в постели или нет?

Я допил дерьмовый кофе, расплатился и напрямик направился в лавку древностей.

Там все было так, как описывал Карл: небольшое полуподвальное помещение, вывеска на арабском и английском языках, имя владельца, масляная лампа на входе. За пятьдесят пять лет тут, видимо, ничего не изменилось. Что касается торговых записей, то они сохраняются в Аравии тысячелетиями.

Пригнувшись, я вошел.

Вдоль стен довольно большого помещения тремя ярусами тянулись деревянные полки, на которых в беспорядке были разложены археологические трофеи. Чего там только не было! Курильницы для ладана, письма на камнях, фрагменты скульптур, бронзовое зеркало, могильные эмблемы древних шейхов, черепки с причудливым орнаментом, куски посуды самой различной формы, несколько неплохо сохранившихся кувшинов, глиняные фигурки – символы рогатого бога луны, вездесущие лампы Аладдина, ковры, религиозная утварь и старое оружие.

Чтобы соблюсти приличия, я побродил между старых сундуков и покрытых ржавчиной сабель и только потом направился к продавцу.

– Вы хозяин?

– Да.

– Могу я говорить по-английски?

– Конечно.

– Вот какое дело. Один из друзей моего деда в 1937 году вел археологические раскопки в районе Мариба. Как написано в его дневнике, он посетил вашу лавку и заложил найденное им на раскопках древнее изделие, букет цветов из горного хрусталя. Нельзя ли выяснить что-либо об этом букете подробнее.

– В каком году это было?

– Двадцать третьего ноября 1937 года. У меня есть фотография букета.

Хозяин лавки взял фотографию и долго ее рассматривал. Потом ушел куда-то за кулисы и вернулся с большой книгой.

– Так, будем искать... Это изделие мог взять в залог мой отец, вот, видите, тут на фотографии видна старая отметка нашего магазина. До войны я учился в Каире. Если в этой сделке не было ничего противозаконного, то запись о ней мы обязательно найдем.

Запись была найдена довольно быстро.

– Вот она! Все правильно. Букет цветов, вернее, букет стеблей иерихонской розы из горного хрусталя, великолепной работы, был заложен за сто фунтов. Что вы еще хотите узнать?

– Где сейчас этот букет?

– Об этом тоже есть запись. Букет был продан, поскольку деньги – сто фунтов – не были возвращены в срок. До войны наши власти были абсолютно равнодушны ко всем древностям из «времен невежества»⁶, и мой отец никаких законов не нарушал. Сейчас положение изменилось.

Хозяин лавки говорил на хорошем английском языке, аккуратно формулируя мысли.

Мне надо было во что бы то ни стало продолжить разговор, и я продемонстрировал свои познания в истории религии.

– «Времена невежества» часто называют «временами неведения».

Хозяин лавки пристально посмотрел на меня и устало сказал:

– Какое вам дело до наших баранов.

На этом разговор мог и закончиться. Я стал судорожно думать, что еще сказать, но ничего не придумал и просто спросил:

– Скажите, а кому был продан букет?

– Этого я сказать не могу.

Что мне оставалось делать? Я вынул фотографию скульптуры египетской принцессы, крест «анх» и положил их на прилавок.

– Смотрите, этот букет и вот этот крест, – я потряс «анхом» в воздухе, – когда-то составляли единую композицию, и я хочу ее восстановить. Ничего плохого у меня и в мыслях нет. Все участники той сделки были добросовестными приобретателями. Я это прекрасно понимаю. Прошло пятьдесят пять лет, какие могут быть претензии. У меня есть деньги, и я хочу купить этот букет. Знаете, кто такие новые русские? Так вот, я новый русский. Посмотрите! – я постучал по фотографии. – Эта скульптура стоит в холле моего загородного коттеджа, и я рассказываю о ней своим друзьям. Такой вот... аттракцион. Без букета никак нельзя.

Хозяин взял в руки фотографию и долго ее изучал.

– Древний Египет?

– Да.

– Вам не кажется странным, что эта скульптура была найдена в Аравии?

– Более чем странным.

– Друг вашего деда сумел разгадать тайну?

– Только наполовину. Я надеюсь разгадать ее до конца.

Хозяин лавки задумчиво почесал затылок:

– Вот что! Я знаю одного человека, с которым вам надо поговорить. Он ищет легендарный Пунт⁷. Он считает, что Пунт – это юго-западная оконечность Аравийского полуострова, древний Катабан. Его интересует все, что связывает Аравию и Египет. Он даже что-то там раскопал. Если у него не будет возражений, я дам вам его адрес.

Хозяин лавки опять ушел за кулисы и на этот раз пробыл там довольно долго. Наконец он появился с листком бумаги в руках.

– Этот человек согласен с вами встретиться. Его зовут... зовите его просто Капитан. Он любит, когда его так называют. Тут я нарисовал схему, как до него добраться. Это далеко. Капитан – смотритель на маяке к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива. Там есть гостиница.

Хозяин лавки протянул мне бумаги.

Я сверился с картой и сразу понял, что маяк находится именно там, где, по мнению Карла, древние египтяне высадились на берег Аравии. Все совпадало – сам маяк, очертание

⁶ До появления Корана.

⁷ Местность, куда плавали древние египтяне за ладаном.

берега, изгиб залива, расстояние до Баб-эль-Мандебского пролива и до ближайшего населенного пункта. Одно из двух – или меня заманивают в ловушку, или же мне везет.

Самый верный способ бороться с опасностью – это идти ей навстречу. Тем более что через два дня рядом с этим маяком должен появиться египетский иероглиф. Как считал Карл – первый иероглиф имени Таисмет.

Я бережно сложил лист бумаги пополам.

– Скажите, у вас в запасниках не осталось чего-нибудь древнеегипетского? Меня очень интересуют тексты.

Хозяин отрицательно покачал головой.

– Нет. Египтяне писали на папирусе, а здесь нельзя оставить даже книгу, чтобы в течение нескольких дней на ее страницах не появились большие дыры. Пауки, знаете, разные насекомые. А надписи на древних стенах были сбиты воинами Мохаммеда. Правда, – он на мгновение задумался, – у меня есть древнеегипетское украшение, кулон. Но смогу ли я его найти?

– Буду вам очень благодарен...

– Хорошо, подождите.

Прошло четверть часа. Наконец послышались шаги. Хозяин лавки, весь обсыпанный пылью, вышел из-за кулис и положил на прилавок коробочку с кулоном. Это был маленький крест «анх», обвитый стеблями иерихонской розы. Редкая удача.

– Я покупаю. И еще вот этот старый револьвер, – я показал на полку с оружием, – если, конечно, он стреляет.

– Стреляет. И у меня нет никаких оснований вам отказать. Но к этому револьверу у меня только несколько патронов.

– Давайте сколько есть.

Хозяин отобрал нужные мне патроны из ведерка, а я за это время рассмотрел кулон.

– Простите за любопытство, как этот кулон к вам попал?

– Все записано в книгах. Но я не смогу эту запись так быстро найти. Скорее всего, его принес кто-то из местных жителей, работавших на раскопках в районе Мариба. Наверно, украл. Но это было давно. Не знаю.

– Если Пунт, куда плавали древние египтяне, действительно, как утверждает Капитан, находился где-то в районе Аденского залива, то почему кулон нашли в районе Мариба? Это на пятьсот километров севернее.

Хозяин лавки опять как-то странно на меня посмотрел. Немного снисходительно и чуть озабоченно. Но не как на покойника.

– Желаю вам успеха. Я сам уже не в том возрасте, чтобы отгадывать исторические загадки. Но интересуюсь. У меня диплом искусствоведения Каирского университета, и я раньше писал о связях культур. А все эти древности, – он обвел рукой амфитеатр полук, – просто хобби.

Выйдя из лавки, я снова уловил движение, выпадающее из общего ритма, и обшарил взглядом городскую толпу. Сыскари стояли на другой стороне улицы у большой витрины магазина, используя ее как зеркало заднего обзора. Похоже, им поручили следить за моими передвижениями по городу, и они это делали как умели. Зачем за мной следить? Куда я должен был пойти, ничего не зная об этом? Или кто-то принял меня за другого? Я показал труженикам частного сыска кулак и пошел в гостиницу.

Светило солнце. Слышались громкие голоса и смех.

В отеле меня ожидал блеклый факс от Бори. Ничего нельзя было разобрать. Я попытался позвонить, но помехи на линии были чудовищны.

Первое, что надо было сделать, это подробно изучить карту. От Саны до Ходейды было 230 км извилистой горной дороги. Восемь часов езды.

Через полчаса портье принес мне еще один факс, который уже можно было прочитать. Борис сообщал, что завтра утром мне надо быть в Ходейде во что бы то ни стало и встретиться там с сотрудницей аденского филиала фирмы, которая передаст мне документы на груз. Она будет ждать меня в гостинице. Я успевал.

Портье вручил мне пакет с эмблемой турфирмы. Из пакета выскользнули документ с полудюжиной подписей и печатей, карта местности, обстоятельная инструкция и счет. Оказалось, что самостоятельно по стране передвигаться нельзя. Только с охраной. Без охраны мне грозило похищение с требованием выкупа, а в случае отсутствия денег – осклопление и место при гареме одного из племенных вождей.

Портье добавил к общей картине еще несколько штрихов:

– Не дай бог вам кого-то задавить. Согласно племенным законам, сумма компенсации за погибшего кормильца начинается с полумиллиона долларов. А семьи здесь многодетны. Задавленная курица обойдется вам в тысячу долларов.

– А если денег нет?

– Казнить не будут, но заставят отработать.

– Где? В постели вдовы?

– Моя задача предупредить. С иностранцами у нас не церемонятся. На пропускных пунктах – через каждые 30-40 километров вам придется предъявлять «тасри», пропуск. Что подразумеешь, война. Никакие другие документы не годятся. Солдаты и даже офицеры читают только по-арабски и то с трудом. Снимите по возможности больше копий с документов.

Я внимательно изучил «тасри» и сопроводилровку к нему. Оказалось, что это не просто пропуск, а охранная грамота и даже государственная страховка от дорожно-транспортных происшествий. Правда, по документам я превращался из телевизионщика в ветеринара, специалиста по здоровью ослов Южной Аравии.

Интересно, как Борис все это устроил. Всем, кто хоть раз побывал в Израиле, Йемен отказывает даже в визе. Наверно, йеменские ослы начали дохнуть в больших количествах.

– Аренда джипа с водителем стоит у нас 100 долларов в сутки, – продолжал портье, – плюс охранник. Я могу вам порекомендовать хорошего водителя. Его зовут Хайдар и у него «Лейла Алави».

– Это джип?

– Да, «лэндкрузер».

подавив внезапную дрожь в коленках, я сел в кресло и стал думать. На дороге в Аден нет диких бедуинских племен – все придорожные племена подписали с правительством договор о ненападении на туристов. Но кто знает, может быть, в каком-то гареме именно сейчас не хватает светловолосого евнуха, и его усиленно ищут. А ведь так хочется проехать в одиночку по некогда счастливой Аравии, населенной удачливыми арабами. Что касается возможных аварий, то мой опыт вождения не оставлял вымогателям ни единого шанса. Я мог зеркалом заднего обзора смахнуть соплю с подбородка опекаемого мной осла. Надо только обмотать голову белым полотенцем, чтобы не напекло.

– Хорошо, я беру машину с Хайдаром, но охранника мне не надо, – я показал портье свое «тасри».

Он удивленно наморщил лоб:

– Как вам удалось добыть такое разрешение, не понимаю.

– Я сам не понимаю.

– Вы первый, кто собирается путешествовать по Йемену в одиночку.

– Надо же кому-то начинать. Скажите Хайдару, что если он будет молчать всю дорогу, я не обижусь.

Я решил не задерживаться в Сане и в этот же день добраться до Ходейды. Тем более что был шанс доехать до Манахи, где находится дом Фатха, к четырем часам. Если, конечно,

Хайдар умеет водить машину. В четыре часа, как следовало из письма Карла сестре, на дом Фатха, падает тень минарета. Надо рискнуть.

Наличие Хайдара создавало и ряд преимуществ – можно было запастись спиртным. На юге лучше всего пить джин и запивать его холодной минеральной водой. Я купил еще одну литровую бутылку джина, коробку тоника, сделал несколько десятков ксерокопий путевой грамоты, перенес свои вещи из номера в фойе и расплатился.

Через несколько минут появился Хайдар. Из-за сафьянового пояса под недвусмысленным углом торчала рукоятка джамбии.

Хайдар перехватил мой взгляд и сказал на неплохом английском:

– Без джамбии ни один йеменец из дома не выйдет. У вас – галстук, у нас – джамбия, – он распахнул для меня дверь своего «лэндкрузера».

– Почему вы назвали свой джип по имени египетской кинозвезды?

– Эту машину все так зовут. Видите, какие у нее округлые формы, – Хайдар бережно погладил изгибы своей машины. И добавил: – Бисмилла!

Мы двинулись на запад.

Я взял словарь. «Бисмилла» по-арабски – это «с Богом». Этим возгласом йеменцы предваряют даже совершение супружеских обязанностей.

Мы выбрались из Саны только в середине дня, долго петляя по улицам, а потом по извилистому серпантину дороги. Вираз влево, вираз вправо.

Я внимательно следил за дорогой. Только редкие прямые участки давали возможность соскочить взгляд в боковое окно.

Там было на что посмотреть. Склоны гор опоясывали вековые террасы. Кое-где на отвесных скалах стеной стояли светло-коричневые дома, разделенные приземистой белой мечетью.

И вот первый блокпост.

Воитель пустыни долго изучал мои документы, а я вдыхал опьяняющий горный воздух. Наконец он скрылся в глинобитном дзоте. Минут через пятнадцать оттуда вылез офицер и, с трудом подбирая английские слова, произнес длинный монолог. Его суть сводилась к тому, что назрани, то есть меня, без конвоя в Тихаму пускать никак нельзя, а свободных бойцов для сопровождения у него нет. Все ушли на фронт.

Я стал возражать. И нарвался на отповедь. Оказывается, в Йемене всем глубоко плевать, что думают назрани, которые, между прочим, свинину едят и виски пьют. И если мне в моей жизни назначено лечить ослов, то я, наверно, сам осел.

Поскольку мне тоже было глубоко плевать, что думают обо мне герои пустынных горизонтов, я сунул ему в карман 4 000 риалов и сказал, что если меня остановят и на следующем посту, я буду жаловаться президенту Салеху.

Отрулив от блокпоста, Хайдар развил такую скорость, что два следующих патруля не успели нас остановить.

До Манахи мы добрались довольно быстро.

За пятьдесят пять лет здесь также ничего не изменилось. Мечеть, рядом небольшая площадь, трактир. Все как описал Карл.

До четырех часов оставалось еще пятнадцать минут. Хайдар пошел навестить какую-то дальнюю родственницу, а я отправился в трактир.

В дверях мне в лицо ударил неприятный запах растопленного масла, свист газовых горелок, шум и гам. Я инстинктивно повернул назад, но хозяин кинулся к окну и отдернул висевшую на окне тряпку: «Тамам, садык?⁸»

«Тамам», – ответил я, поскольку выхода у меня не было. Только из этого трактира можно было незаметно наблюдать за домами, окружающими площадь с северной стороны.

⁸ Порядок, друг? (араб.).

Стол у окна был свободен. Я выглянул в окно и действительно увидел тень от минарета. Она падала на стену из прижавшихся друг к другу шестиэтажных глиняных башен, как бы приклеенных к горному склону. Которая из них дом Фатха?

Во дворе с грохотом ополаскивали помойные ведра.

За длинными столами и на корточках вдоль стен, подобрав юбки, сидели до зубов вооруженные мужики и ели кур, разрывая их руками.

Повар орудовал в грязнувшей рубахе навывпуск.

Хозяин предложил мне сольту, огурцы и курицу. Его голова была замотана кефией-арафатовкой, толстый живот перевязан сафьяновым поясом, а из-за пояса торчал традиционный кинжал. Прямо Тартарен из Тараскона. Очень колоритно.

Я взял миску сольты и стал в ней потихоньку ковырять. Это была та самая еда, которая, по меткому выражению Чехова, требует много водки. Водки у меня не было. Я незаметно хлебнул из фляги джин.

В четыре часа тень минарета упала на глинобитную стену сочно-коричневого цвета с узорчатыми проемами окон.

И тут раздалась автоматные очереди. Я инстинктивно присполз под стол. На полу валялись остатки еды и патронные гильзы. Да, холостыми здесь не стреляют.

«Если стреляют длинными очередями – значит, от радости, – спокойно сказал хозяин, – у Махмуда сын родился».

Я жестом пригласил хозяина к своему столу. «Скажите, чей это дом?» – я прочертил пальцем дугу от миски до интересующего меня дома. «Почему он вас интересует?» – хозяин удивленно поднял брови. «Я собираюсь снимать фильм о Йемене, и сам Господь указывает мне на то место, где должны развернуться события. Видите, как легла тень от минарета?». Хозяин заметно оживился. «Это мой дом. Я его недавно купил. Сейчас там никто не живет. Очень удобно снимать фильм».

Утратив всякую бдительность, я пошел на пролом. «Скажите, а у этого дома есть история?» К моей радости, хозяин принял более непринужденную позу и стал рассказывать, похлопывая себя по животу. «Этот дом – прибежище несчастья. Во времена имама там жил один из самых уважаемых людей города. Его звали Фатх. Он ушел и не вернулся. Его сын погиб во время гражданской войны. Тяжелое было время. А вот внук недавно вернулся с Севера с большими деньгами. Не знаю, чем парень там занимался. Он ничего не умеет, только стреляет хорошо. Он продал мне этот дом и купил другой. В Таизе. Город быстро отстраивается на деньги Саудии, и там сейчас много красивых домов. Есть что купить. Но, говорят, парень остался без денег и подался куда-то в Хадрамаут. Его видели по дороге из Сеюна в Шибам».

Значит, Таиз или Шибам. Таиз по дороге в Аден. А Шибам у черта на куличках.

Спрашивать больше было не о чем, кроме имени бывшего владельца дома. Им оказался Айдид Фарах. Как и следовало ожидать.

Вспомнился старый еврейский анекдот: «... здравствуйте, Абрамович». «Откуда вы меня знаете?» «Я вас вычислил».

Я перевел взгляд на улицу. Там, наискосок от второго окна трактира, стояла женщина, пытаюсь заглянуть вовнутрь. За мной опять следили.

– А можно осмотреть дом? – спросил я у хозяина, убиравшего с соседнего стола посуду.

– Конечно! Мой сын вам его покажет, – у хозяина не мелькнула и тень сомнения. – Али!

Иди сюда!

Быстро доев сольту, допив из фляги джин и оставив на столе хорошие чаевые, я отправился через площадь в «дом несчастий». Женщины, промелькнувшей тенью, нигде не было видно.

Сопровождающий меня веселый паренек лет десяти безостановочно что-то говорил по-арабски, а я ему улыбался и согласно кивал головой.

Войдя в дом, я сразу понял «секрет» небоскребиности йеменских домов: в основе дома-башни лежала несущая пирамида. Вокруг нее по спирали закручивалась лестница.

На первом этаже еще сохранился запах курятника.

Мы поднялись по глиняной лестнице на второй этаж. В одном углу – очаг, в другом – свалены огромные корзины. Дырка в потолке. На камнях очага – горшки и чайник.

На третьем этаже начались жилые комнаты, примерно три на четыре метра.

На четвертом этаже весь пол был завален мусором. Подождав, пока Али взбежит на следующий этаж, я принялся ворошить ногой кучу бумаг. Все они были исписаны арабской вязью.

Неожиданно мне на глаза попался фирменный бланк с дублирующей английской надписью. Это был бланк риелторской фирмы по адресу в Таизе. Подняв глаза к потолку, я сунул его в карман и отправился вслед за Али на пятый и шестой этажи, а оттуда на крышу.

На крыше все было перемотано бельевыми веревками, а по центру торчала телевизионная антенна. Я прошелся по периметру крыши, поглядывая вниз. Оказалось, что во внутренних дворах, невидимых с улицы, прятались зеленые огороды.

Больше тут делать было нечего.

Я поблагодарил хозяина трактира и записал номер его телефона. Подошел Хайдар, и мы рванули из Манахи с крейсерской скоростью.

Дорога совсем опустела. Мы петляли среди нагромождения голых, сухих холмов. Ближе к горизонту они покрывались синевой и сливались с небом.

За очередным поворотом два гигантских грифа сидели на туше дохлой козы.

От выпитого джина хотелось спать, но сюрреалистичность окружающего мира не давала закрыть глаза.

Мы быстро скатывались к прибрежной равнине с красивым названием Тихама. Воздух казался сладким и спускался с покинутых нами гор прозрачным шелковым платком.

Спуск становился все круче и круче. Я был уверен, что мы вот-вот сделаем сальто, но обошлось. Хайдар был отличным водителем.

И наконец, горизонт, скрытый до того нагромождением холмов, широко распахнулся во все стороны.

Перед нами простиралась огромная равнина, прорисованная до самого горизонта невысокими холмами и впадинами, поросшими чахлой травой. Далеко впереди парили огромные облака Красного моря. Все казалось огромным, первобытным и опасным.

Это была Тихама, каменистая равнина вдоль побережья Красного моря. Самая жаркая и сухая часть Йемена.

Стемнело. Сразу же стало грустно. Нет большего одиночества, чем в машине на закате дня.

Йемен, Ходейда, Таиз, побережье Индийского океана. 19–21 ноября 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

В Ходейду мы прибыли за полночь.

Гостиница, в которой я остановился, находилась на берегу моря. Поднявшийся ночью ветер громко хлопал какой-то дверью, но, как потом оказалось, это были рыбацкие лодки, бьющиеся друг о друга вдоль старых причалов. Наверное, из-за этого равномерного стука мне приснилось путешествие на йеменском доу – парусном судне древности. Я следил за погрузкой в трюм керамических сосудов с кокосовым маслом, тюков с вяленой рыбой, йеменского холодного оружия в ножнах ювелирной работы. Потом я вместе с отважными купцами набирал в ювелирных рядах красные и черные кораллы, поделочные и драгоценные камни, готовые ювелирные изделия и помогал им укладывать все это в кожаные сумки стоящего тут же каравана верблюдов.

Утром, глядя из окна гостиницы, я понял, что Ходейда большая деревня. Перед гостиницей на истоптанном газоне сидели люди. Несколько человек обливались водой из шланга. Другие кормили ястребов, бросая в воздух куски хлеба.

Выйдя из гостиницы, я пошел к морю. По обеим сторонам дороги, ведущей к пристани, теснилось с десятков глинобитных домов. У причала покачивались рыбацкие лодки. На грубых деревянных шестах, вбитых в травянистый берег, сушились сети и корзины для лобстеров.

Зафрахтованный фирмой Бориса корабль стоял в трехстах метрах от берега под либерийским флагом, одиноко и подозрительно.

Я зашел в небольшой ресторанчик на берегу в надежде посидеть под кондиционером. Хозяин заговорщицки мне подмигнул и попросил немного подождать. Я видел, как он подозвал проходящих мимо рыбаков и быстро проинспектировал их улов. Мне предложили на выбор креветки, рыбу и кальмаров. Я заказал креветок, приготовленных на углях.

Хозяин закаленными смуглыми пальцами переложил угли в жаровне, и через пять минут креветки были готовы. Я полил их лимонным соком и стал медленно жевать.

Если жизнь – это мысли, приходящие в течение дня, то сегодня у меня не жизнь, а что-то другое. Никаких мыслей, только ощущения. Покой в животе и ватные диски между позвонками. А за окном море, уходящее в небо.

Поев, я откинулся на спинку кресла. Мне не хотелось уходить. Вынув и сумки Коран, я раскрыл его на том же месте, что и вчера: «Побойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне! Того побойтесь, кто вас щедро одарил всем тем, что знаете вы (в доме) у себя, (и что на пользу вам Он сотворил и соразмерил), вам благо дал в скоте и сыновьях, в садах (с обилием плодов и пашен), в источниках (благословенных) вод, – боюсь я: в День Великого Суда суровой будет ваша кара⁹».

Интересно, кого это все время страшат за хорошую жизнь? Я нетерпеливо пролистал Коран чуть вперед:

«И люди ‘Ада возгордились на земле, встав против истины и благонравья, и так сказали: “Кому сравниться с нами мощью?”»

«Ужель не видели они, что Тот, кто создал их, своею мощью превосходит их?..¹⁰»

⁹ Коран. Сура «Поэты». С. 132–135.

¹⁰ Коран. Сура «Разъяснены». С. 15.

«И люди Ада тоже ложью истину сочли – каким же (страшным) было наказание Мое! И каково Мое предупреждение! Мы в этот долгий день злосчастья обрушили на них свирепый ветер, что вырывал людей из их домов, подобно пальмам с корнем из земли»¹¹.

Так вот оно что, Аллах наказывает людей ада! Интересно, кто они, живущие в аду? Получается, что когда-то в аду было даже очень неплохо жить. Но пришел Аллах и все испортил.

В ресторан зашла женщина, закутанная до пят и в перчатках. Может быть, это та самая, которая наблюдала за мной в Манахе? Она села за крайний столик, ближе к выходу, заказала воду и принялась пить, приподнимая паранджу. Значит, за мной все-таки следят. Ну и пусть.

Ровно в одиннадцать часов я вошел в гостиницу и быстро оглядел фойе. Татьяны еще не было.

Ситуация, в которую попала фирма, разрешается везде одинаково. Надо найти тех, кто контролирует порт и таможенные склады. Они, скорее всего, уже в курсе дела и только ждут, чтобы с ними договорились. Договариваться должны три стороны: владелец груза, адресат и те, кто контролирует порт. Владелец груза я. Адресат – тоже я. Поэтому надо найти портовых авторитетов. Есть ли у меня другой выход? Другого выхода у меня не было.

Татьяна появилась через несколько минут. Веснушчатое лицо с немного курносом носом, рыжие волосы и волнообразное движение форм. В прошлом работница часового завода, в настоящем – жена бедуина. За год выучила арабский язык.

Она рассказала мне, что корабль при подходе к Адену был остановлен испанскими ВМС. Они осмотрели груз, но ничего предосудительного не нашли. Так следует из радиограммы.

– Они искали оружие?

– Не знаю. Но корабль изменил маршрут и отправился в Ходейду. Здесь он и сейчас. А команда во главе с капитаном сбежала.

– В Ходейде есть кто-нибудь из местных авторитетов, который работал на фирму?

– В Ходейде мы никогда раньше не разгружались. В Адене нашей крышей был заместитель шефа службы безопасности – он раньше тоже торговал советскими машинами, поэтому никаких проблем у нас не было. Его зовут Мохсен Али Факр. Когда-то он учился в Москве, знает русский язык. Но теперь между Севером и Югом началась война, и он ничем помочь не сможет. По слухам, здесь в Ходейде всем управляет некто Насер аль-Айни.

– Как с ним связаться?

– Это может знать Юсуф.

– Кто такой Юсуф?

– Наш шофер из Ходейды.

Юсуф оказался молодым пронырливым арабом. Где можно найти Насера аль-Айни он не знал, но задумался и куда-то позвонил.

– Насер аль-Айни жует кат в кофейне Хаджи Али. Это здесь, за углом. Но для ката еще рано.

Еще я узнал от Юсуфа, что Насер аль-Айни терпеть не может сборищ и долгих разговоров. Он не ходит в мечеть даже по праздникам. Ему нравится быть одному, чтобы никого рядом, его бесит, когда кто-нибудь пытается нарушить течение жизни, для которой он себя предназначил. Он спит до полудня, а послеобеденные часы проводит в кофейне Хаджи Али. Когда наступит время жевания ката, с ним можно будет спокойно обсудить все вопросы. Он – Юсуф – уже обо всем договорился. Нас ждут. До встречи еще час времени.

Легкость, с которой я вышел на «серьезных людей», меня удивила. Но это Восток.

Я решил немного прогуляться, Татьяна и Юсуф вызвались меня сопроводить.

Ходейда вытянулась на узкой полосе берега. Сзади к ней вплотную подступала пустыня. Город четко делился на две части. В одной стояли каменные и кирпичные дома, там же нахо-

¹¹ Коран. Сура «Месяц». С. 18–20.

дился базар, моя гостиница, полуразрушенный порт и магазины. Вторая часть города состояла из несметного количества легких хижин, крытых пальмовыми листьями. Некоторые тупики были просто помойками с открытыми сточными канавами.

Мы зашли на базар и прошлись вдоль лавок, где торговали вениками ката. Возле них толкались мужики, проявляя беспокойство, как алкоголики.

Юсуф знакомил меня с артефактами местной жизни, а Татьяна переводила:

– Жевание ката – это время деловых бесед и обсуждения новостей. Но можно жевать когда угодно и где угодно. Обычно начинают после обеда. Но это не строгое правило. Некоторые жуют с утра, другие, наоборот, предпочитают жевать вечером или даже ночью. Но большинство – днем. Жуют всей страной. Это наш алкоголь. Жуют больше в помещениях – для большего эффекта необходимо полное безветрие. Особые фанатики надкусывают щеку – опять же для лучшего усваивания. Пожевав, мы становимся словоохотливыми. Никаких галлюцинаций. Привыкания тоже нет. «Поговорим под кат» – есть такое выражение, оно означает «беседу дня». Помещение, где жуют кат, называется мабраза. Женщины жуют кат отдельно от мужчин. У мужчин – своя компания, у женщин – своя. Жуют обычно с кальяном и музыкой. Во время жевания ката забываются все тяготы повседневной жизни, мир становится светлым. Но блаженное состояние наступает только через три часа. Представляются сладостные любовные картины. Это состояние лучше пережить у себя дома. Без ката мы похожи на сонных мух. Но перед катом надо съесть сальту, тушеные овощи с мясом под пеной из фенугрека.

– Я думал, что сальта – это тушеная фасоль в глиняном горшке.

– Сальту готовят по-разному, но всегда вкусно. Раз вы попали в Йемен, нельзя упустить возможность пожевать кат. Но до этого надо поесть.

– Сальту я не хочу. Что еще надо делать?

– Ничего, просто присоединиться к одной из мужских компаний.

– Жаль. Я не люблю чисто мужских компаний.

– Какая разница? Никаких оргий после ката не устраивают. Да, кстати, каждый должен прийти со своим пучком.

Я вынул из кармана деньги.

– Купи самый дорогой

Пучок ката был завернут в банановые листья. Я посмотрел в сверток как в подзорную трубу. Листья ката были похожи на лавровые листья, покрытые нежным красным пушком.

– Это не болезнь?

– Нет, молодые листья – наиболее ценный сорт, он содержит больше наркотика. Кашицу из листьев не выплевывают и не глотают, а держат за щекой и запивают кишром.

– Боже, что это такое?

– Чай из шелухи кофейных зерен.

После базара мы прошлись вдоль набережной, облазили несколько заброшенных кварталов под удивленными взглядами стариков, сидевших вдоль облупившихся стен, и босоногих женщин, наблюдавших за нами из темных провалов дверей. Шли ослики с поклажей, погоняемые хлыстом.

Кофейня Хаджи Али находилась на первых двух этажах многоэтажного дома, напоминающего сторожевую башню.

Я решил довериться Юсуфу и отослал Татьяну обратно в гостиницу.

Мы с Юсуфом преодолели узкие лестничные марши и оказались в длинной комнате. Окна были застеклены причудливыми витражами, сквозь которые пробивался дымчатый солнечный свет. Вдоль стен стояли дивные кушетки резного дерева – очень низкие, с большим количеством подушек. На беленых стенах висели гравюры с видами Ходейды, портрет старого сайда, лист пергамента с арабской вязью, вставленный в рамку. Рядом с кушетками стояли металлические плевательницы и кальяны, разноцветные трубки от них висели по стенам, как

шланги в хозяйственном магазине. На низких столах лежали бутерброды, бисквиты, печенье, изюм, фисташки, стояли чашки для чая.

Из окон открывался великолепный вид на море. Звучала тихая арабская музыка.

Вошел араб, который, наверно, и был Насером аль-Айни. Лицо обрамлено аккуратно постриженной седой бородой, ухоженные руки, на правом мизинце серебряный перстень с большим красным камнем. За ним шла группа «придворных».

Все расположились на диванах. Я сунул под локоть подушку, чтобы чувствовать себя увереннее. Потом, подражая остальным, принялся смело отщипывать от веток листочки и засовывать их себе в рот. Кат не имел никакого запаха, а на вкус был сильно горьковат. Пожевав, я стал пропихивать его языком за щеку. Оказывается, не за ту щеку. Юсуф наклонился ко мне и, коверкая английские слова, прошептал:

– Листочки обрывать правой рукой и засовывать за левую щеку. Не глотать листья, сглатывать слюну.

Компания поддерживала довольно бойкий разговор. Никто, казалось, не ждал прихода кайфа.

Я смотрел в окно. Подо мной плескалось Красное море, а за дымкой горизонта угадывались Камаранские острова. Я почему-то вспомнил, что настоящие мангровые заросли можно увидеть только там. Хочу туда. К черту все эти дела и разговоры.

Наконец Насер аль-Айни обратился ко мне:

«Я все знаю. Час назад я получил копию коносамент на весь груз. Но это фальшивка. Я знаю, что на пароходе не только российские джипы, но и контрабандное оружие. В ящиках для запчастей. Это личный бизнес... как его, – аль-Айни обратился к кому-то, выполняющему обязанности секретаря, – ...да, его зовут Жорж Доде, он работает в вашей фирме и давно снабжает оружием южан. Мы прекращаем это. Я веду честный бизнес. И куплю это оружие. Всю партию. Там его не так много. Куплю для армии северян. Цена известна. Торговаться не буду. Если вы не согласны, то оружие конфискуют. Могу купить и ваши джипы. После того как мы раздавим этих проходимцев с Юга, я их выгодно перепродам. Назовите цену. Правильную цену. И еще. Мне не удалось выяснить, откуда оружие. Поэтому предлагаю сделать так. За оружие я плачу наличными. Деньги положим в банковский сейф. Если объявится владелец, посмотрим, что он скажет. Если скажет правильно, вместе откроем сейф и отдадим деньги. Если не объявится или скажет не то что надо, поделим деньги пополам. За автомобили плачу официально, по бумагам, деньги можете переводить куда угодно. По рукам?»

Я прямо опешил от ясности его мысли. Стараясь не улыбаться, я попросил разрешения позвонить в Ригу. Через пять минут, глотая горькую слюну, я уже говорил с Борисом. Он сразу все понял.

«Продавай, продавай все. За любую цену. Нет, не за любую! Эта партия «нив» стоит девятьсот тысяч долларов на ФОБе. Без дураков. Из этого и исходи. Оружие меня не интересует. Сколько дадут, столько дадут. Но смотри, чтобы вся сумма была проставлена в договоре. Иначе нас с тобой потом повесят за яйца. Если владелец оружия не объявится, то четверть от половины суммы – твоя. Но этот сукин сын, несомненно, объявится, – я представил, как Боря ерошит свои жидкие волосы кончиком трубки. – К черту! Пусть с ним разбирается аль-Айни. Твоя задача разыскать Жору. Да-а, как это мне сразу не пришло в голову! Может быть, Жора уже оплатил груз. Тогда вообще ладушки. Мы его обдерем как липку. Хотя, вряд ли. Он беден как церковная крыса. У него, скорее всего, «боковик». Деньги за «Нивы» переведи на мой кипрский счет. Если все пройдет хорошо, можешь дня три поваляться где-нибудь на пляже. Потом отправляйся в Аден и поруководи офисом. Я все время на связи. Все!»

С ценой на «нивы» аль-Айни сразу согласился. На остальные формальности потребовалось не более двадцати минут.

Размашисто подписывая договор, аль-Айни сказал: «Надеюсь, вы понимаете, что эту бумагу без надобности не надо никому показывать?» Я всем своим видом дал ему понять, что все понимаю. Аль-Айни о чем-то поговорил со своим секретарем и снова повернулся ко мне: «В пять часов идите в банк и ждите подтверждение о переводе денег. Потом мы вместе положим наличность в банковский сейф. В шесть, когда стемнеет, езжайте в порт и следите за выгрузкой. А утром уезжайте на Юг. Лучше всего на машине. Хайдар сказал, что у вас хорошие документы. Проскочите. Старую границу, по моим сведениям, закроют только на следующей неделе. Когда прибудете на место, сразу сообщите свои координаты. Если с вами что-нибудь случится, я открою сейф и без вас. Но лучше сообщите пароль еще кому-нибудь и дайте ему мои координаты. Теперь отдыхаем».

Довольный собой, я посмотрел на себя в начищенный до блеска кофейник. Левая щека с комком ката раздута, морщинки на лице разбежались в разные стороны. Черт знает что! Но худшее было еще впереди.

Через десять минут я ощутил резкую головную боль. Меня мутило. Я ерзал и обливался потом. Всем остальным, видимо, было хорошо. Я встал, вышел в коридор и прислонился лбом к оконному стеклу, ища прохладу. Но это было не стекло, а тончайший алебастр. От него мне стало совсем плохо.

Юсуф посмотрел на меня и всплеснул руками: «Аллах керим!»¹² В туалете я с облегчением выплюнул ненавистный комок в унитаз.

Прощавшись с аль-Айни, я вышел на воздух и, покачиваясь, пошел в гостиницу. По дороге Юсуф настойчиво предлагал мне выпить крепкого чая. А как же! Без чая никак нельзя! Отделавшись от него в нижнем вестибюле гостиницы, я пошел к себе в номер и выпил два стакана джина. Минут через десять мне стало намного лучше. Еще через минуту я позвонил в сервисную службу гостиницы и попросил арендовать для меня лучший джип, который только есть в городе.

В банке все прошло нормально. Татьяна была на высоте: все бумаги оказались в полном порядке. И я отправился в порт.

Парковаться пришлось на пустыре рядом с длинным приземистым ангаром. Дорога уходила дальше, к ней то тут, то там прижимались неприятные домишки из песчаника. Никаких условий для разгрузки парохода не было. На причале стоял всего один портовый кран, а о причал бились два больших плота и два баркаса.

Меня уже ждал начальник порта и чисто выбритый молодой человек, который представился «вторым помощником заместителя регионального администратора». Потом подошли люди от аль-Айни.

Мы сели на один из баркасов, доплыли до парохода и поднялись на палубу.

К девяти часам вечера сортировка груза была закончена. Плоты пришвартовались к борту парохода, и началась разгрузка. Со стрелы парового крана опускались стальные тросы, из чрева трюма вытаскивались автомобили и плавно ложились на плоты. Там их надежно закрепляли и оттаскивали к берегу. Потом пришла очередь ящиков с оружием. На берегу автомобили откатывали своим ходом в большой ангар, а ящики портовым краном перегружали на трейлеры, и они уходили в темноту. Все делалось очень слаженно и быстро.

После разгрузки аль-Айни ждал меня в какой-то забегаловке недалеко от порта. Он жевал галеты, запивая их кефиром, и читал Коран.

Было четыре часа утра. Половина рыбацких лодок уже отчалила от пирса, другие вот-вот собирались это сделать.

В мою честь накрыли стол газетой, разыскали ложку и подали все, что осталось с вечера: рис с козлятиной, тарелка овощей, лаваш и горячий сладкий чай с кардамоном. Аль-Айни

¹² Боже милостивый! (араб.).

говорил о предстоящей войне с Югом и о том, как, кстати, подвернулась эта партия с оружием. Но я не чувствовал за собой никакой вины.

В девять часов меня разбудил шум за окном. На площади возле гостиницы собралась толпа. Голоса то затихали, то раздавались с новой силой, сливаясь в сплошную, давящую массу. Перекрывая шум толпы, что-то кричали до зубов вооруженные люди.

Я позвонил Татьяне и попросил выяснить, что происходит. Через минуту она сообщила мне, что в город вошли отряды бедуинов, требуя от правительства разобраться с бунтовщиками на Юге.

Спустившись вниз, я встал недалеко от толпы. Ее энергетика и запах вызвали во мне приступ тошноты. Слава Аллаху, что это была уже не моя война.

Подошла Татьяна и перевела мне хриплые выкрики бедуинов. Южан обвиняли в вероломной попытке развалить страну. Озлобление нарастало. На южан насылали неслыханные кары. Но один из ораторов напомнил, что не надо хвалиться тем, что, с позволения Аллаха, еще предстоит сделать.

Мы вернулись в гостиницу. Татьяна сказала, что они с Юсуфом едут в Сану по семейным делам ее мужа, оттуда она вернется в Аден самолетом. С Борисом все согласовано. Я сказал, что границу между Севером и Югом скоро закроют и тогда надо будет добираться в Аден через Оман.

Ко входу гостиницы подогнали арендованный мною джип. Я погонял по городу, проверяя его ходовые качества. Все было более или менее. Я расплатился, забросил в джип вещи, воду и поехал туда, где меня ждали прозрачные отмели Аравийского моря.

Чтобы избавиться от слезки, я решил ехать не по шоссе Ходейда – Таиз, а по плохенькой дороге вдоль Красного моря. Согласно путеводителю, эта дорога должна была проходить вдоль череды живописных пляжей и кемпингов. Но ничего такого не было. Дорога вилась по совершенно дикой местности. Небольшие деревеньки, рыбацкие причалы и всего один серый от скуки городишко с длинным одноэтажным зданием непонятого назначения, вездесущими лавками и помойками на въезде и выезде. Уныние и тоска. Видимость жизни поддерживали только неунывающие кофейни.

Вскоре началась настоящая дикая пустыня, от далеких гор до самого моря. Это была Южная Тихама, «берег смерти». Песок и море. Высохшие русла рек и сильный привкус опасности.

В этом месте йеменские племена никогда не спускаются с гор к морю без крайней необходимости.

Я ехал и думал, что жизнь здесь скучна, как и эти сухие холмы. Но скучная жизнь намного длиннее. Нет никаких терзающих душу событий, пустых разговоров. Только давно забытые смыслы и печальное сострадание ко всему.

Время шло, дорога была совершенно пуста. У небольшого залива я остановил машину и пошел к морю.

Единственным признаком цивилизации оказался небольшой кемпинг. Широкий пляж с девственно чистым коралловым песком. Изумрудного цвета вода, покрытая рябью на мелководье.

Я огляделся по сторонам. Никого. Только голодные чайки кружили над моей головой в ожидании подачи. Я был здесь единственным постояльцем.

Путь к морю преградили виноградные арки, поддерживаемые проволочными сетками. Все это немного напоминало Италию, вернее, почти Италию, как в стихотворении Катаева:

«Почти Италия, кривой маслины ствол, и море, ровное как стол».

Я побродил по мелководью, а потом сел между двух дюн. Мерцающее море. Легкий бриз. Солнце в пальмовых листьях. Следы от моих мокрых ступней, быстро высыхающие на горячем песке.

Теперь мне было начхать и на Латвию, и на Союз: ничто больше не имело значения. Какое мне дело до них до всех, а им до меня? Хотелось только одного: сидеть неподвижно и глядеть в никуда. Когда оказываешься на пути древних караванов или среди руин, которым уже несколько тысяч лет, то многие вещи, которые тебе казались очень важными, превращаются в ничто.

Пустыня лечит. И в первую очередь очищает от надежд, которые, как я уже понял, оставляют в душе огромные пустоты. Что-то такое об отсутствии надежд говорил Камю. Но я не мог вспомнить, что именно.

Море сверкало, отбрасывая трепетные блики на скалистые берега дальних островков. Облака, быстро увлекаемые ветром к горизонту, образовывали сияющие диковинные массы.

Цыганка как-то нагадала мне, что первую половину жизни я буду бороться с комплексами, а вторую половину – с последствиями своей победы над ними. Комплексы я одолел. Осталось лишь подождать продолжения сериала.

Я лег на спину и заложил руки за голову. Как там, у Артюра Рембо? Что-то о море и поэзии. Ах да, вспомнил: «Он был омыт поэзией морей». В точку!

Как говорят на Востоке, факт бытия становится постоянным источником радости, а радость – ничем не нарушаемым покоем. Мир реален только тогда, когда ни ему, ни мне ничего не надо.

Я закрыл глаза и поддался ласковому обаянию покоя. Время бесшумно скользило мимо меня. За спиной три тысячи лет. Впереди вечность. Из сонных глубин пришла блаженная спутанность мысли и светлая, тихая радость.

Все хорошо, все очень хорошо.

Мне приснилось последнее школьное лето. Мы с друзьями лениво валяемся на песке рядом с включенным транзистором и ящиком пива, наблюдая за женщинами, которые загорали голышом. Казалось, все это может продолжаться бесконечно.

Но пора было просыпаться. Я услышал истошный крик чаек и хлопанье крыльев. Они приземлялись на воду рядом со мной и вперевалочку подходили ко мне без страха, элегантно, как официанты, предлагающие карту вин.

Помотав головой, я сел и стер ладонью слюну со щеки. Мой сон разума больше не рождал чудовищ. И это главное.

У моей машины стояли двое: бедуин в широченной рубахе с калашниковым в руках и офицер регулярной армии Севера в полной выкладке. Мою сонливость как рукой сняло.

Я стряхнул с одежды песок и направился к своей машине.

«Селям алейкум!¹³ Белад-эр-Рум?»¹⁴ Я кивнул. «Инглис, немей?» Я отрицательно махнул головой: «Нет, русский», – и протянул разрешение на проезд. Они долго разглядывали документ, недоверчиво качая головой. «Машалла!»¹⁵ Я закрепил произведенное впечатление арабской мудростью: «Пустыня принадлежит всем». Офицер улыбнулся. «Надеюсь, вы не будете больше помогать этим проходимцам с Юга». Я улыбнулся ему в ответ: «Нет. Нас больше не интересуют чужие дела». Бедуин посмотрел на небо, где медленно парила огромная птица: «Эль-бюдж¹⁶. Летит на Юг. Скоро начнется война». Офицер протянул мне документы. «Мархаба!»¹⁷ И они пошли дальше по дороге.

¹³ Мир вам! (араб.).

¹⁴ Европа? (араб.).

¹⁵ Междометие, выражающее восторг или удивление (араб.).

¹⁶ Птица-падальщик (араб.).

¹⁷ Прекрасно, ты будешь желанен нам! (араб.).

Через десять километров дорога резко уходила влево, к Таизу. В просветах холмов в последний раз мелькнули воды Красного моря. Дальше к югу простиралась безжизненная пустыня Южной Тихамы. Мне туда не надо.

Следующий поворот изогнулся вправо, слева остались облезлого вида холмы. Впереди – древний город Забид, в котором Пазолини снимал «Тысячу и одну ночь».

Это был странный город. Если бы не автомашины, проходящие через город по дороге из Ходейды в Таиз и обратно, можно было бы подумать, что это мираж.

Был полдень. Солнце жгло немилосердно, и улицы почти опустели. Двери лавок были заперты, и возле них, в тени, там и сям спали люди в грязной рваной одежде. На их лицах застыла блаженная улыбка. «Счастливым арабам» должны сниться счастливые сны.

Живым был только идущий по кругу верблюд, который выжимал из каких-то семян масло.

Я медленно проехал по вымощенной камнем главной улице, стараясь никого не разбудить. Порыв ветра поднял тучу пыли, ударил по стеклу и поволок по камням обрывки пластиковых пакетов.

На выезде из города вдоль обочины валялись сбитые машинами собаки и кошки, раздувшиеся от жары.

На склонах холмов, поросших чахлой травой, паслись козы. Около них у куста терновника неподвижно стоял козопас, черный как лакрица. Сцена из глубокой первобытной древности. Одна из коз отбилась от стада и стояла в стороне, поедая целлофановый пакет.

До Таиза, где я решил заночевать, было 90 километров. Я увеличил скорость и обогнал заляпанный грязью ветхий грузовик со стоящими в кузове пассажирами и несколько джипов. Машин на дороге становилось все больше.

В стороне от дороги в заходящих лучах солнца блеснула вода. Согласно карте это была вади Харид, единственная в этом краю речушка с круглогодичным стоком. Вдоль воды зеленел тростник, за ним кустились невысокие деревья со светлой корой. На берегу были разбиты бедуинские шатры. Рядом с ними, вытянув шеи, лежали верблюды, укрытые расписными попонами. Дымился костер. Легкий ветерок доносил запах дыма. Я напрягся, но из шатра, откинув полог, вышла красивая женщина с открытым смуглым лицом, в красном широком платье и шароварах. У нее были пухлые руки и тяжелый низ. Она равнодушно взглянула на дорогу, а потом из-под руки стала смотреть на склоны ближайших холмов. Но там никого не было.

Интересно, кто эта женщина? На вид ей лет сорок, темная кожа, почти эфиопка, значит, родилась где-то на побережье Красного моря. Скорее всего, она вторая жена не очень богатого человека, у которого всего несколько верблюдов и маленькое стадо баранов. Когда-то ее муж хотел иметь четырех жен, но не смог позволить себе больше двух, да и те доставляют ему много хлопот, сплетничая о нем у колодца, поскольку его мужские возможности основательно поубавились.

Больше ничего в голову не приходило.

Дорога огибала огромную гору со срезанной верхушкой и пологим спуском в одну сторону, как на картине Рериха «Твердыня Тибета». В вечерних сумерках цвета стали гуще и ярче. Заходящее солнце осветило деревни, расположенные на склонах гор. Глиняные небоскребы, взбирающиеся вверх, вперемешку с чахлыми хибарами.

Еще за одним поворотом в небольшой седловине лежал Таиз.

Город процветал. Я вырулил на стоянку и немного побродил по лабиринтам старого города. Но очарования «тысячи и одной ночи» не возникало. Улицы были забиты гудящими автомобилями и арабами, одетыми в европейские костюмы.

Избавляясь от солнца и толпы, я выбрал гостиницу Sofitel Taiz, стоящую на небольшой горе, склоны которой были застроены богатыми особняками.

В отеле было потрясающе тихо. Но когда я спустился к ресторану, услышал шум голосов. Несколько богато одетых арабов обсуждали предстоящую войну с Югом. Я это понял по передающейся из рук в руки карте.

После десерта мне предложили кофе и кальян, но я отказался. Безумно хотелось спать.

Но сначала надо было позвонить Марсо и отцу. С Москвой было глухо. Я стал набирать телефонный номер родительской квартиры. Дело шло медленно. За это время я успел несколько раз пережить свое свинское отношение к матери, ничем не оправданную спешку в общении с отцом, сестрой и племянниками.

– Отец!

– Ты где?

– В Йемене.

– Ничего себе! Там скоро начнется война, будь осторожен. Лучше тебе вернуться. Как-нибудь проживем.

– Как-нибудь у меня не получается. Так же, как и у тебя. Отъезд за рубеж – естественное следствие любой революции, если оказываешься не на той стороне баррикады. Но не все потеряно. Будут деньги – отправлю тебя с матерью на юг, а всех «этих» пошлю куда подальше. Я еще вернусь домой на белом «Мерседесе».

Посреди ночи стало холодно. Я встал, чтобы закрыть окно. Дул довольно прохладный ветер, пропитанный незнакомыми запахами. В это время года северный ветер из ледяных полей Тавра проникает в Хиджас и проносится над отрогами Сара. Весной сюда прорвется горячий воздух из пустынь Африки, и ночи станут теплее.

Я лег в постель и хотел укрыть плечи. Но простыни были так туго натянуты, что пришлось ужом пролезать под их прохладную белизну.

В еще сонном гостиничном ресторане мне предложили традиционный завтрак: тушеную фасоль, лепешки и кофе. Но фасоль утром – это чересчур. Я заказал креветок в белом соусе, свежееотжатый сок папайи, три свежееиспеченные горячие лепешки, джем, два кусочка масла, два кусочка овечьего сыра и чайник чая.

Потом я спустился вниз, к знаменитому на всю Аравию базару сладостей. Здесь можно было провести весь день. Сюда приезжают даже из Эмиратов покупать шербет с миндальными орехами и пропиткой из манго. Что я и купил.

Пора было наведаться в риелторскую контору, адрес которой я прочитал на бланке, найденном в Манахе.

Вывески с арабской вязью выводили меня из себя, но минут через пятнадцать я все же нашел агентство по недвижимости. Это был добротный дом, с решетками на окнах и толстыми ставнями.

Я толкнул тяжелую дверь.

Как оказалось, дом почти полностью состоял из контор с табличками на дверях. Это напомнило мне бывшее здание НИИ Госплана Латвии, которое тоже заполнили непонятно чем занимающиеся конторы.

Я нашел нужную мне дверь и уверенно вошел в роскошное помещение секретариата. Меня попросили подождать. Одна из стен была плотно обклеена полосками бумаги с изречениями из Корана. Поэтому, сев в кресло, я непроизвольно погрузился в благочестивые мысли.

– Прошу прощения, вам назначено время? – опомнился секретарь. – Шеф принимает только по записи.

– Я не уверен.

Узнав, что мой визит не был заранее согласован, секретарь обошелся со мной довольно грубо.

– Тогда уходите, – его рука поднялась и указала мне на дверь. – Вы же понимаете, сегодня не самое подходящее время для деловых бесед.

Я не стал спрашивать, что за время такое. Наверно, один из местных религиозных праздников. Мне надо было ехать дальше, и я проявил настойчивость.

– Передайте хозяину, что я в Таизе проездом всего несколько часов, – в горле образовался сгусток мокроты, который я громко проглотил. – Слушайте, я не хочу показаться невежливым, – да нет же, конечно, хочу, – потому что спешу и хочу получить от вас членораздельный ответ. Передайте своему шефу, что с ним хочет срочно поговорить режиссер фильма, который будет сниматься здесь, в Йемене. Мне надо купить дом в Манахе, и времени у меня нет.

Вспомнив Карнеги, который учил быть «легким в общении, веселым и довольным», я улыбнулся одной из своих обескураживающих улыбок. Правда, мне было неясно, как теория Карнеги применима на Востоке.

Сраженный моим натиском, секретарь что-то буркнул и исчез за дверью. Я сел на стул и принялся разглядывать потолок.

Наконец меня пригласили в кабинет. Владелец конторы возвышался над полированной поверхностью огромного стола перед шеренгой выстроившихся телефонных аппаратов. У него было смуглое арабское лицо с орлиным носом. Оно было бледным, под глазами обозначились полукружья, словно подрисованные тушью.

– Сегодня не самое подходящее время для деловых бесед, – повторил он, но все же протянул свою визитку.

Секретарь устроился на диване, положив на колени блокнот.

Я путано объяснил, что мне нужно.

– Мне сказали, что продается дом в Манахе, на главной площади, напротив таверны.

Владелец конторы наморщил лоб:

– Я знаю, о каком доме вы говорите, но он уже продан, – не спеша он зажег сигарету, прикурив от огромной, стоящей на столе зажигалки. За этой равнодушной позой, судя по всему, скрывался тонкий расчет восточного торговца.

– Жаль, а что еще вы можете предложить.

Владелец конторы повернулся к своему компьютеру.

– Сейчас я вам распечатаю список и фотографии.

Зашумел принтер. Я получил список и фотографии на нескольких страницах, сел на диван и сделал вид, что читаю. После некоторого раздумья владелец конторы и секретарь оставили меня одного. Именно это мне было нужно.

Конечно, за мной могли следить. Но выхода у меня не было. Невинность я уже потерял. Это было тогда, когда я выкрал списки жильцов в своем избирательном округе. Ворюга! Я быстро подошел к компьютеру, прочел имя бывшего владельца дома в Манахе – как и ожидалось, это был Айдид Фарах, – вошел в клиентскую базу данных и узнал, что теперь он владеет домом в Шибаме. Значит, Шибам. Я запомнил адрес и стер все следы своего посещения.

Владелец конторы пришел минут через десять. Я притворился, что изучаю визитку.

– Скажите, я могу получить более подробные данные, чтобы проконсультироваться с партнерами, – я наугад ткнул пальцем в одну из фотографий.

– Да, конечно. Надеюсь, вы понимаете, что без нашей помощи вы здесь ничего не приобретете.

– Я в этом ни минуты не сомневаюсь.

– Прекрасно. Очень рад, что вы обратились именно к нам. Когда вас ждать?

– Дней через пять. Мне надо съездить в Аден. Я вам оттуда позвоню.

– Отлично. Будьте осторожны, на границе с Югом уже стреляют.

За Таизом начались военные посты на дорогах, через каждые 10-20 километров. Но несмотря на накал страстей между Севером и Югом, контроль был расслабленно восточным. Все улыбались. Моих документов вполне хватало. «Тамам», все нормально, проезжайте.

Наверное, северяне, прежде чем вторгнуться на Юг, хотели заручиться моральной поддержкой мирового сообщества. Поэтому иностранцам на какое-то время дали «зеленый коридор».

И вот, наконец, горы Радфана, километрах в ста к северу от Адена. Эти горы, высотой от 600 до 800 метров, создавали естественную границу между двумя Йеменами – Севером и Югом. На их склонах темнели воронки с потеками оплывшего, как горячий воск, песка. Память о прошлых войнах.

Я предстал перед начальником военного поста северян. Он лежал на подушках и жевал кат. Перед ним стоял большой разукрашенный кальян. Он окинул меня презрительным взглядом и, продолжая жевать свою жвачку, сказал:

– Надо заплатить.

– Я чувствовал, как во мне закипает бешенство.

– А с какой стати я должен платить?

– Откуда ты едешь?

– Из Саны.

– Что везешь?

– Ничего, – я показал на свои сумки. – Там только личные вещи.

– Больше ничего?

– Нет.

– Почему?

– Потому что у меня больше ничего нет. Я начинаю жизнь сначала.

Начальник довольно ухмыльнулся, покачал головой и произнес:

– А может, ну ее, твою жизнь, – угольки в кальяне осветили его лицо красным светом, и оно показалось мне зловещим.

– Вас не удовлетворяют мои документы?

– Документы в порядке, ну и что? Твоя ценность как человека равна нулю. Ибо ты – неверный. Кроме того, ты беден. Если из того, что у тебя есть, вычесть расходы на питание и туалетную бумагу, то твоя ценность становится ниже нуля. Вот и весь разговор.

– Не лучше ли меня просто отпустить.

Тут начальник произнес до боли знакомое изречение: «Это будет неправильно». Я даже оглянулся, чтобы посмотреть, нет ли поблизости бритой славянской головы, торчащей из малинового пиджака.

Он приказал солдату начать обыск. Когда тот ничего не нашел, начальник, выпустив изо рта кольцо дыма, велел мне убраться.

Я окинул взглядом горы Радфана и сплюнул. Впереди была другая страна.

На другой стороне границы сразу же бросились в глаза вырытые полосы траншей, окопы, прикрытые камуфляжными сетками, из которых торчали стволы орудий. На небольшой возвышенности стояла крепость из глины и камней – башни с окнами вроде амбразур были соединенные друг с другом толстой стеной. И табличка на арабском и английском языках «Осторожно! Мины!»

Через круглую арку меня провели во внутренний двор. В тени на циновках сидели люди в камуфляже. Небольшая лестница вела наверх, на второй этаж центральной башни. Меня повели туда.

По дороге я осторожно выглянул наружу. Местность хорошо просматривалась. Я опять увидел горы Радфана.

Южные йеменцы оказались очень дружелюбными. Специально для меня извлекли из холодильника, работающего на керосине, охлажденные напитки. Стаканы подала красивая йеменка с открытым лицом. От неожиданности я не мог оторвать от нее глаз.

Один из офицеров рассмеялся:

– Возьми ее с собой!

Другой в шутку возразил:

– Нельзя, она уже обещана!

Мне было все интересно. Когда женщина наклонилась ко мне, чтобы налить воды, я почувствовал ее запах. Она пахла потом и цветами.

Дальше дорога до Адена пролегла по горной местности, расщепленной руслами давно пересохших рек. Потом пошли холмы, поросшие акациями, терновником и молочаем. За ними простирались бесконечные соляные поля, сверкающие как снег. Ближе к морю опять начались перепады высот, и появилась зелень.

Через пару часов я свернул с основной трассы на грунтовку, ведущую к побережью. Поворот, еще поворот. Колеса молотили песок, поднимая облака пыли. Горизонт ширился и светлел. Было трудно поверить, что там, впереди, в нескольких холмах от меня, лежит Индийский океан. Вот оно! Холмы расступились, и океан накатил на меня, как огромный серебряный шар.

Впереди до самой Антарктиды больше не было никакой земли, кроме редких островов.

Я вышел из машины. Это и есть край познаваемого мира. Край Ойкумены. Можно идти только назад. Но назад я не хочу.

Небо над океаном было затянуто дымкой. И я подумал, что больше нет никаких причин, чтобы оно рухнуло мне на голову.

Я стащил с себя все, кроме трусов, и, разбежавшись, бросился в океан. Вода тут же смыла с меня всю усталость. Проплыв под водой метров десять, я вынырнул, фыркая и отдуваясь. Вот и все! Мир стал обманчиво ярким, очищенным от всякого дерьма. Как первый день в Эдеме. Или первый день после конца света. Апокалипсис уже состоялся, а Эдем тут совсем рядом.

Был отлив, и я покати́л по берегу вдоль самой воды, расшвыривая колесами дары моря, выброшенные на берег.

Через полчаса береговая линия прерывалась естественной бухтой. С одной стороны, ее прикрывал каменистый холм, похожий на Сфинкса, с другой – высокие песчаные дюны. Отлив обнажил валуны, нестройными рядами уходившие под воду.

Именно здесь, если верить Сфинксу, египтяне высадились на берег Аравии.

Перепрыгивая с камня на камень, я добрался до середины залива.

В море, в метрах ста от меня, качалась на мелкой волне рыбацкая лодка. Мужчина в лохмотьях стоял у руля, а мальчик лет четырнадцати, перегнувшись через борт, глядел в воду.

Я повернулся в сторону берега и принялся рассматривать его в бинокль.

Сначала я не увидел ничего, кроме уходящих к горизонту гор. Потом навел резкость на небольшой унылый холм с плоской вершиной, на котором торчали остовы стен одного цвета с сухой травой. Было видно, как около них группа нищих копается в пыли, собирая камни в большие мешки. Один старик поднял что-то с земли и засунул это себе в рот.

Я вернулся к машине и проехал немного вперед до стоящей на берегу деревни.

Деревня была очень бедна. Хижины сколочены из досок и веток кустарника. Дети одеты в лохмотья. Они тарасились на меня из-за дохлых заборов. Все кругом было завалено мусором, издававшим отвратительный запах.

В отдалении стояли бедуинские шатры.

Искать пристанище в деревне не имело никакого смысла. Я подъехал к бедуинским шатрам и попросил у хозяев разрешения поставить машину. Мне разрешили. Мужчины были приветливы, а женщины не закрывали лиц.

Хозяин одного из шатров по имени Хамед немного говорил по-английски. Я сказал ему, что видел, как один старик вытащил из кучи мусора обломок известняка и засунул его себе в рот.

– Этот старик вообще сумасшедший, – засмеялся Хамед. – Он толчет известняк с древними отметинами и поедает его. Он считает, что это отметины бога.

– Какого бога?

– Не знаю. Нет бога, кроме Аллаха.

– Они питаются только этим?

– Нет, у них есть маис. Они рубят на куски старые высохшие мумии и сжигают их, чтобы сварить горсть зерен.

– Какие мумии?

– Не знаю.

Хамед рассказал, что эти нищие – последователи древнего культа. Свое святилище они обозначают кругом из священных камней. Основная часть общины живет в развалинах недалеко от Таиза. Там же находится и храм их богини. Это божественное воплощение Балкис, о которой сказано в Коране. Горожане терпят этих неверных только потому, что они собирают мусор в городе, – таков договор, заключенный очень давно. Развалины они стали разбирать недавно. Камни относили неизвестно куда и складывали из них стену, прикосновение к которой якобы дарит долгую жизнь. Недавно у них возник конфликт с археологической миссией. Теперь они относят камни сначала туда. За каждый цельный кусок с древними письменами им платят один американский цент. Камни фотографируют и отдают им обратно.

Я решил прогуляться. Хамед пошел вместе со мной.

Мы пошли вдоль берега, попирая ногами осколки исчезнувшей цивилизации. В свете луны был виден каждый камушек. Вдалеке на востоке светились маленькие огоньки.

Я шел, стараясь не наступать на цветы, торчащие из расщелин. Мне никак не удавалось вырастить их у себя на даче, а тут они росли из ничего.

Хамед пнул мелкие камни, лежащие у него под ногами:

– Неверные считают эти камни кусочками времени, которое можно каким-то образом вернуть.

– Они ждут пришествия из прошлого?

– Да, пришествия Балкис. Но они ждут еще кого-то. Правда, не знаю кого. Напрасно ждут. Их боги исчезли вместе с государством, которое когда-то существовало на этой территории.

– Катабан?

– Наверно.

Я поднял один из камней. Он был холодным и шершавым, сквозь патину просвечивал древний орнамент.

Мы хотели пройти еще немного вперед. Но нам навстречу из-за древних стен поднялись одетые в лохмотья люди, как предвестники судного дня. От них плохо пахло. Пришлось повернуть назад.

Когда мы отошли на значительное расстояние, Хамед кинул в них камень: «Берите и съешьте это!»

Решив проблему с ночлегом, я поехал на поиски «египетского иероглифа». До шести часов у меня оставалось совсем мало времени, и я резко прибавил скорость. Быстро темнело. Наконец я увидел то, что искал, остановил машину и вылез на пыльную обочину.

Все было именно так, как описывал Карл, – высокая скала, совершенно голая, как Афродита, в метрах пятидесяти от дороги, как будто нарисованная на темнеющей поверхности неба. Западный склон, на котором должен был появиться «знак», представлял собой отвесную стену.

Дорога уходила на север и на юго-восток, теряясь среди холмов.

Внезапно долина огласилась протяжным волчьим воем, и у меня волосы встали дыбом. В Аравии волки не воют. Это могли быть только шайтаны. Через минуту вой смолк, так же внезапно, как и начался.

По мере того как скала утопала в сумраке, на ней начал проступать рисунок. Он становился все более отчетливым и, наконец, повис в воздухе голографической картиной.

Я успокоился. На рисунке была изображена женщина, сидящая перед полусферой. Ничего другого и не могло быть. Ведь это начало имени Таисмет.

Над скалой вдруг появились птицы, обычные птицы, но в лучах заходящего солнца они производили жуткое впечатление, как на картинах Босха. Мне опять стало не по себе.

И тут мое воображение разыгралось не на шутку. Я перестал понимать, где нахожусь, и судорожно огляделся по сторонам. Никого. Дорога была совершенно пуста, как будто все люди остались по другую сторону неведомой мне черты. Птицы исчезли, но жуть, нависшая над дорогой, стала невыносимой.

Моя рубашка на спине промокла от пота, хотя на пустыню уже опустилась ночная прохлада.

Теряя самообладание, я сфотографировал «знак» за мгновение до того, как все кругом покрылось мраком.

Стараясь успокоиться, я прислонился к капоту машины и простоял так не менее получаса. Воздух был настолько прозрачным, что небесный свод, покрывшийся звездами, буквально провис надо мной, грозя рухнуть. И тут у меня опять зашевелились волосы на голове – я не увидел знакомых мне созвездий! Большая медведица была прижата к северу. А на юге, над смутно угадываемым гребнем гор, восходили четыре незнакомые мне яркие звезды.

Срезая виражи и разбрызгивая щебенку, словно воду, я на большой скорости рванул прочь. Постепенно страх прошел, и я попытался рассуждать здраво.

Изображения на скале – это, судя по всему, прекрасно исполненная мистификация. Возможно, действительно очень древняя. В клинописи направление треугольной вмятины на глиняной табличке имеет значение. Египтяне не писали клинописью, но какие-то правила знали. Рисунок на скале, скорее всего, выдолблен треугольником клина, причем под таким углом и на такую глубину, чтобы ловить лучи заходящего солнца и создавать причудливую игру света и тени. Может быть, в коренной породе есть вкрапления слюды, и она блестит. Или же это что-то другое. Вполне возможно, что голографический эффект возникает только при определенном состоянии воздуха и на несколько минут, причем его можно наблюдать лишь с того места, где я оказался по воле случая.

А четыре незнакомые звезды – это всего лишь Южный Крест.

Меня пригласили на ужин. Я сидел рядом с бедуинским шатром и пил их чай. От него возникло легкое опьянение. Стало грустно.

Что такое руины, которым три тысячи лет? Особенно в сравнении с моим собственным прошлым? Лавка древностей под открытым небом? Или нечто больше?

Было тихо. Только из-за развалин слышался то ли шепот, то ли стон. Казалось, что это мертвецы переговариваются и плачут.

Лежа в машине на спальном мешке, я вспомнил китайскую мудрость: любое странствие дарует только то, что ты готов принять, – чашу рисовой водки или готовность начать все сначала. Я был готов начать все сначала, но не с нуля, а убрав все лишнее.

Мне приснились сосны, дюны и серое море. Потом дюн не стало, их срыли бульдозерами. Развороченная колея сворачивала в никуда. Это и есть начало?

Отель у старого маяка. 22–23 ноября 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

На следующий день я снова съездил к скале. Наваждение исчезло. Но чтобы добраться до рисунка, надо было иметь альпинистское снаряжение.

Несолоно хлебавши я вернулся в деревню и часа три бродил среди руин. Но ничего интересного не обнаружил.

Перед отъездом Хамед подарил мне потрепанный томик стихов Верлена. Несколько лет назад в деревню приезжал какой-то иностранец и чего-то искал. Но ничего не нашел. А книгу потерял. Конечно, лучше было бы отдать книгу владельцу. Но неизвестно, приедет ли он. А держать у себя вещь, неудобную Аллаху, Хамед больше не хотел.

Стихи Верлена на французском языке были мне ни к чему. Но на обратной стороне обложки было посвящение Рембо. А это уже тянуло на библиографическую редкость.

Пора было ехать к маяку.

Я посмотрел на карту. Маяк находился в километрах пяти от деревни на самом высоком месте узкой косы, вдающейся в море. И я поехал. Поворот, еще поворот, и вот он маяк, похожий на трубу из преисподней.

В ста метрах от маяка дорога повернула к двухэтажному дому в английском стиле. Его скрывала аллея неизвестных мне деревьев, похожих на вязы. От нее к маяку вела насыпная дамба.

Я снял машину с тормоза и подкатил по шуршащему гравию к парадному входу. Все кругом больше напоминало старинное поместье где-нибудь на суровом побережье Уэльса, а не на пустынном берегу счастливой Аравии.

Поставив машину на парковке, я вытащил ключ зажигания и осмотрелся. Дом был старый, но крепкий, с террасой и неуместной для этих мест косой крышей. Перед входом был разбит небольшой цветник с прохладными на вид цветами и двумя магнолиями с ржавыми листьями. Из трещин каменной кладки торчали плети вьюнков.

На трех длинных мачтах хлопали разноцветные флаги. На парковке кроме моей машины стояли еще две.

Я взял сумку и спустился к океану. Мелкие волны накатывали на берег, разбиваясь об отмель.

Берег был усеян раковинами. У самой воды из песка торчали сухие ребра раздолбанного баркаса. Там же валялся панцирь огромной черепахи, примерно полтора метра в длину и почти метр в ширину. По песку шмыгало бесчисленное количество маленьких крабов, и я случайно с хрустом раздавил одного из них.

Все направления были разными, но одновременно и одинаковыми, можно было идти вперед, в воду, или повернуть назад, к маяку, идти направо или налево. Меня снова охватило чувство освобождения.

Еще пару дней и этот затерянный мир очистит меня от всякой злобы.

На вершущке большой дюны красовался развалившийся сарайчик, над которым гордо развивался дайверский флаг. Значит, мне туда дорога.

Из сарайчика вышел старый араб и замахал руками. «Купаться нельзя. Акулы подплывают близко к берегу». На всякий случай он сделал выразительное движение челюстями: «Ням-ням!»

Я стал искать глазами фосфоресцирующий след, который оставляют за собой акулы. Но его не было. Поверхность океана казалась спокойной и однообразной. Хотелось поплавать.

Под навесом стоял большой деревянный стол, наполовину занесенный песком. Рядом с ним торчало жерло старой английской пушки. Я повесил на него одежду, надел ласты и переместился по замшелым плоским камням поближе к воде.

Было уже пять часов. Солнце клонилось к закату. Крики чаек становились все хаотичнее и вздорней. Теперь они, видимо, приняли меня за конкурента.

Я вошел в воду. На ее поверхности играли красноватые блики заходящего солнца. Мелькнула тень крупной рыбы. Везде плавали медузы, расплываясь лиловыми кольцами. Галька на дне складывалась в буквы незнакомого мне алфавита. Издеваясь над собой, я подумал, что это еще одно послание из прошлого.

Отплыв на двадцать метров от берега, я наткнулся на прутья решетки от акул в палец толщиной. И повернул назад.

На отмели я зарылся в бившие меня волны. Не хотелось выходить. Но солнце уже почти скрылось за горизонтом. Береговые холмы отбрасывали длинные тени.

Мокрые волосы лезли мне в глаза, и я не сразу нашел свои вещи. Рубашка была все еще мокрая от пота. Я стряхнул с нее песок и принялся крутить над головой.

С океана налетел легкий бриз, покрыв мое тело пупырышками озноба.

Только тут я заметил, что ветер раскачивает развешанный на кустах женский купальник. Модный и, похоже, очень дорогой.

На ресепшн лежал ключ и адресованная мне записка. «М-р Лоуренс, располагайтесь, ужин в восемь часов».

Как потом оказалось, я занял один из двух люксов на втором этаже. Две комнаты со старой мебелью, ванная комната с умывальником и душем и туалет, не больше телефонной будки.

Я тщательно побрился над треснувшей раковиной, надел темную рубашку, светлый костюм, повязал галстук платочным узлом и остался собой доволен.

Пора было идти ужинать.

После недолгого раздумья я вынул из сумки револьвер и сунул его под матрац. После чего спустился в гостиную.

Гостиная была выдержана в английском стиле, где в пять часов подают чай. Высокие потолки с великолепной лепниной, стены, выкрашенные в пастельные тона. Вдоль стен поставлены старомодные шкафы. Глубокие кресла, стулья с высокими спинками, темный резной комод. Тонкая кожа обивки явно скрывала конский волос.

На большом массивном столе красного дерева, накрытом льняной скатертью, были разложены столовые приборы на трех человек: старинный фарфор, серебряные ножи и вилки.

На окнах висели тяжелые шторы из зеленого бархата.

Я сел в кресло. С потолка свисала старинная люстра. Горел камин и несколько настенных ламп, дававших призрачный зеленоватый свет.

Никакого намека на двадцатый век. Даже свечи были из воска.

В конском волосе обивки я кое-что понимал. Мой дед по приезду в Латвию после войны получил квартиру сбежавшего буржуя, со всей мебелью. Часть этой мебели перешла к моему отцу. Мы жили бедно, и из протершейся обивки дивана и кресел пучками торчал конский волос. Он преследовал меня все детство. Когда мы эту мебель продавали одному еврею, он чуть в обморок не упал.

Я встал и отдернул штору. Об оконное стекло бились ветки акации. Море играло темными переливами. На далеком изгибе берега спорадически вспыхивали бесконечно малые огоньки.

Возможно, за окном была та самая акация, которая четыре года назад привиделась мне в заснеженной Риге.

Я снова сел в кресло и стал ждать. Свет от камина растягивал мою тень, сверкал на столовом серебре и бросал отсветы на высокие стены; его огненное отражение горело в окне, словно снаружи погибал охваченный пожаром город. Все это было очень необычно. И я бы нисколько не удивился, если бы все это просто растворилось в воздухе как наваждение.

За открытой дверью виднелась еще одна комната, откуда слышался аромат пряной зелени и жареного лука.

Содержимое камина горело ровно, без привычного потрескивания. Может быть, так горит кизяк?

В комнату по лестнице медленно спускалась высокая красивая женщина, шурша длинным вечерним платьем. Я неловко вскочил на ноги и инстинктивно поправил галстук.

Женщина подошла ко мне, двигаясь с грацией модели. Это была Вивиан Белчер. У меня возникла одна единственная мысль: это сон.

Она тоже меня узнала и рассмеялась.

– Эдд Лоренц. Потрясающе! Так, значит, вы и есть тот таинственный третий в нашей компании. Кто бы мог подумать, что я вас снова увижу, – она произнесла это мягким, чуть вкрадчивым голосом и протянула мне руку. У нее были тонкие прохладные пальцы без колец. – Что вы тут делаете?

В голове пронеслось с десяток ответов, но я выбрал самый простой.

– Врач прописал мне йодистые испарения Индийского океана. А вы как тут оказались?

– Провожу журналистское расследование.

Вив выглядела так, как будто сошла со страниц глянцевого журнала. Белая вязаная кофта, небрежно наброшенная на плечи, смело подчеркивала изысканность вечернего платья.

Раздался какой-то шум. Мы, не сговариваясь, посмотрели на лестницу, по которой только что сошли в гостиную. С точки зрения архитектуры это был маленький шедевр. Я сказал об этом Вив. Она согласно кивнула головой.

– Присуждаю ей третье место.

– А два первых?

– Самая красивая лестница в мире в Парижской опере.

– А вторая в отеле «Джефферсон», в Ричмонде, – поспешно добавил я, чтобы не нарваться на вопрос, был ли я в Парижской опере.

– Вы спускались по этой лестнице и не свалились?

– Меня внизу никто не ждал.

Вив оценила изящество моего ответа.

– Кому вы подавали сигнал? – спросила она.

– Какой сигнал? – удивился я

– Там, на берегу океана, белой рубашкой.

– А-а, я ее стирал... на ветру.

– Вы и носки так стираете?

– В последнее время нет, – промямлил я, судорожно соображая, как себя вести дальше. – Это вы забыли на пляже купальник?

– Ах да, надеюсь, он тоже впитал запах океана.

– Кто еще в нашей компании?

– Только хозяин гостиницы, он же главный смотритель маяка. Моя охрана – два йеменца и водитель, тоже местный, ужинают отдельно. Еще повар, он же официант, по-моему, француз... Вы почти не изменились за четыре года. Только поседели.

– Да, мне досталось.

– Я была в Риге еще раз, в январе 91-го. Но к вам меня не пустили.

– Вы сегодня без эскорта? – спросил я, имея в виду Джерри.

Вив не сразу поняла, о чем речь, но потом улыбнулась.

– Сегодня его не будет.

Из камина вдруг брызнули искры. Мы удивленно посмотрели в его сторону.

– Я думала, что здесь в каминах вместо огня играют солнечные зайчики.

– Ночью в Аравии холодно. Огонь в пустыне – признак щедрости. Бедуин может бросить в огонь свой лук и стрелы, чтобы хоть минуту побыть в тепле.

– Откуда здесь дрова? Плавник?

Я подошел к камину, чтобы понять наконец, что же там горит. Это был не кизяк, а узловатые ветки кустарника.

– Похоже, здесь в песках растет кустарник, которому дождь не нужен.

В гостиную вошел невысокий, крепкий пожилой мужчина в морском кителе. Первое, что я увидел, была большая бликующая серьга в одном ухе. Классический тип английского морского волка: телосложение плотное, открытое загорелое лицо в глубоких морщинах, седые бакенбарды, отсутствие зуба с правой стороны. Он протянул мне свою лапищу:

– Чарльз Даррелл. Пора выпить. Если я начинаю пить до обеда, то к вечеру засыпаю. А если не выпью после шести, места себе не нахожу. А сейчас уже восемь. Как доехали?

– Хорошо.

– Каким оставили позади себя небо?

В доисламские времена этой фразой встречали путников. И я знал один из ответов: *«Небо в облаках. А облака, как разрыв ткани, слишком часто выставлявшейся на показ»*. Это я и произнес.

Капитан удовлетворенно хмыкнул.

– Тогда прошу к столу.

Он говорил с легкой хрипотцой, внятно произнося каждое слово, как и полагается капитану.

Я порадовался тому, что вопрос о небе не застал меня врасплох. Мне было важно не выглядеть этаким *сечасо*¹⁸ среди серо-коричневого безмолвия Аравийской пустыни.

Мы сели за стол, и повар тут же вкатил тележку с едой. На столе появилась большая бутылка виски.

– Я предлагаю пить виски так, как русские пьют водку. За едой. Надеюсь, возражений нет? – капитан с хрустом открыл бутылку.

– С моей стороны, конечно, нет.

– Дама тоже не возражает, – Капитан прищелкнул языком. – Она может выпить даже больше, чем я. Предлагаю тост, которому меня научил один русский: за тех, кто в море! – Капитан сказал это по-русски, а уже потом по-английски. – Здесь, на маяке, пить больше не за что.

– А за женщин?

– Это само собой.

Капитан приветственно поднял бокал и залпом выпил. Я последовал его примеру. Виски было весьма почтенного возраста.

Капитан вытер губы и снова наполнил бокалы.

– Маяк построили здесь не зря. Плавать вдоль берегов Аравии опасно. Здесь нет гаваней, якорных стоянок, всюду скалы и рифы. Там, за излучиной берега, Баб-эль-Мандебский пролив... километров сто отсюда. Арабы называют его вратами слез, скорби и рыданий. Но корабли исчезают бесследно не в проливе, а здесь, в виду маяка. Этот берег – настоящий кошмар. Маяк предупреждает, что пора причащаться. Поэтому корабли обходят нас стороной. А моя задача, как говаривал один русский адмирал: «Пишем, что наблюдаем. А чего не наблюдаем, того не пишем».

¹⁸ Словом «сечасо» называли неопытных золотоискателей на Аляске.

Я бросил взгляд на морской горизонт, видный сквозь узкие окна.

– А плавать с аквалангом здесь можно?

– Конечно. Здесь первозданная чистота, дикий, но огороженный от акул пляж, красивое скалистое дно, бесконечное разнообразие рыб. Можно подстрелить рыб-попугаев, групперов, если вам это что-то говорит. Лучшее место для того, чтобы выпасть из истории, – Капитан предался приятным воспоминаниям. – А лучше всего погружаться в заливе Камр. Это недалеко. Там потрясающие коралловые рифы, просто мечта. Правда, место очень опасное из-за течений. Если вас начнет относить в открытое море, плыть нужно по течению, а затем под углом в 45°, а не прямо против него. – Капитан закатил глаза и изрек с философским глубокомыслием: – Тот же принцип применим и к жизни. Я дам вам акваланг, если, конечно, у вас есть сертификат.

– У меня документ получше, – я полез в карман и протянул ему удостоверение подводного пловца ДОСААФ, которое всегда носил с собой как талисман, – меня обучали подводному плаванию целый год.

Капитан недоверчиво повертел в руках потертые корочки.

– Это ты на фотографии?

– Да, так я выглядел двадцать лет назад.

– И много ты плавал с аквалангом после этого?

– Было дело, – соврал я. – Моя подготовка соответствует квалификации боевого пловца.

– Даже не знаю, – Капитан не сдавался, видимо, его дайверские услуги строго контролировались. – Ладно, но я буду держать вас обоих на привязи. Предельная глубина – десять метров. Вам этого вполне хватит.

– А там есть погибшие корабли?

– Сколько угодно. Кто только здесь не утонул! Можете почитать в библиотеке. Почти весь берег состоит из каменных плит. Много подводных пещер. Есть участки, где метров через двадцать-тридцать дно моря резко обрывается и уходит в глубину. Именно в этих ловушках покоятся сотни, если не тысячи кораблей всех времен и народов. Особенно много их вон там... – Капитан неопределенно махнул рукой в сторону окна. – Но есть еще одна ловушка. Вдоль берега тянется гряда подводных вулканов. Когда они пердят, газы смешиваются с водой, и корабли проваливаются в преисподнюю.

– Слабая вода? Бермудский треугольник?

– Я бы назвал это место по-другому. Отгадайте загадку: если Красное море моряки называют «влагалицем», то как они называют мой маяк?

Вив показала капитану кулак:

– Обожаю ваш пошлый юмор, Капитан. Лучше расскажите о Красном море. Оно действительно красное?

За окном раздался громогласный храп. Мы с Вив удивленно переглянулись.

– Это боги храпят после очередного обильного возлияния, – успокоил нас Капитан. – Их здесь полно. Боги Катабана, Майна, Сабы. Не знаю насчет Аллаха. Он вроде трезвенник. Ночью будет шторм. В это время года штормит довольно часто.

Так почему Красное море красное?

– Оно красное только тогда, когда в воде много планктона. А древние египтяне называли его Великой Зеленью. Лучше всего об этом рассказывает мой друг Халид Бубекр. Вот у кого надо брать интервью. Сначала он торговал жемчугом, потом рабами. Покупал людей в глухих деревнях Тарабара¹⁹ и переправлял их сюда, в тайные гавани, на старых доу. Несколько раз его останавливали военные патрули, но он просто-напросто сбрасывал людей за борт. Лучшего моряка я не знаю, он может обогнуть мыс Доброй Надежды на ореховой скорлупе. Путь определяет только по звездам. Сейчас он ввозит в Аден всякую чепуху и отправляет ее в пустыню.

¹⁹ Восточное побережье Африки.

Не платит никаких пошлин. И продает ваших женщин в бордели Омана, – Капитан с усмешкой посмотрел на меня. – Из-за этого у него вышел конфликт с русской мафией. Вот уж кто действительно отморозки.

Разговор принимал неожиданный оборот.

– Понятно, – пробормотал я, хотя не понял решительно ничего. В словах Капитана чувствовался намек. Но что он хочет мне сказать? Чтобы скрыть замешательство я спросил: – До Баб-эль-Мандебского пролива есть еще маяки?

– Да, есть, но мой – самый длинный и толстый. И самый старый... Ха-ха-ха! – Капитан залился хриплым морским смехом. – Ладно, не буду смущать нашу прекрасную даму. Так вот. Дайверы приезжают ко мне на маяк все реже и реже. В сезон дождей море приносит сюда всякий хлам из Африки. Иногда трупы. Поэтому дайверы едут в Мукаллу. Там строят первый в стране «пляжный отель». Дураки! Аравийское море там пахнет дохлой рыбой и дерьмом.

Мы с Капитаном хлопнули еще по стакану виски.

– Так вот, – продолжал Капитан. – Когда там, внизу, разжигают огонь, здесь, на берегу, начинаются видения прошлого. Я видел Атлантиду. Не верите? Напрасно. Картины прошлого появляются в определенном месте. Вон у той скалы, – Капитан опять равнодушно махнул рукой в сторону окна. – Нет, это не миражи, – предупредил он мой вопрос. – Это похоже на старые фотографии цвета спитого чая. Причем картинки живые. То, что на них изображено, движется. Медленно, потом быстрее.

Я продолжал не верить.

– Причины оптических иллюзий могут быть разные: болезнь, психическое состояние...

– Какая болезнь? С ума я тоже еще не сошел. Это место оказывает странное воздействие не только на меня. Особенно острые ощущения возникают на крыше маяка. Наверно, потому, что, взбираясь туда, приближаешься к Богу. А молодых мой маяк вообще вводит в соблазн, – Капитан многозначительно посмотрел на Вив. – Если хотите, залезайте наверх и потрахайтесь. Незабываемое ощущение.

– Не верю! – парировала Вив. – Чем человек ближе к Богу, тем ему тяжелее от собственной испорченности. И вообще, я не циркачка.

– Я дам тебе один совет, – Капитан чуть наклонился в мою сторону, – когда будешь ее обхаживать, кинь в бокал с сухим шампанским несколько обжаренных зерен шафрана. Этот рецепт использовали аравийские рыцари для соблазнения европейских женщин. Действует безотказно.

– Капитан! – Вив изобразила на лице интерес. – А кто должен выпить это шампанское, я или он? – она кивнула в мою сторону.

– Оба, черт возьми!

– Да, но причем тут маяк? – Вив стала поднимать руку над столом все выше и выше. – Я должна ощущать его как такой вот фаллический символ?

– Почему символ, тысяча чертей? Он и есть сам фаллос.

– Уймись, Капитан! – Вив опустила руку обратно на стол. – Этот ваш безумный член явно превышает все допустимые размеры.

– У-у-у, – прогудел Капитан. – Ладно, продолжаю. – Он присполз в кресле и сложил руки на животе. Ужин в узком кругу явно доставлял ему удовольствие. – В последнее время особенно много видений, связанных с египтянами, которых выбросило на это побережье. Одно из двух: или египетской цивилизации удалось победить пространство и время, или на прибрежных скалах есть вкрапления серебра. Возникает природная фотопленка. А вы никогда не думали, что вспышка молнии похожа на фотовспышку. И вот еще что – картинки появляются во время слабой воды. Может быть, газ, надуваемый с моря, действует как проявитель. Что вы об этом думаете, Вивиан?

– То, что вы большой выдумщик, Капитан.

– Ха. Речи, лишённые всякой брехни, как правило, хуже, чем брехня. Это поза. А ты как считаешь? – Капитан потянулся ко мне через стол с бутылкой в руке и снова наполнил мой стакан.

– Это интересно, – сказал я. Моя голова шла кругом. Неужели сейчас раскроется тайна египетской принцессы. Вот так, сразу. Без усилий с моей стороны. Я решил выразить сомнение:

– А что, если газ действует как дурман и возникают видения.

Капитан промолчал, но я не обиделся и стал расспрашивать его дальше.

– А Пунт и Офир, вы видели?

– Конечно. И египетские корабли. Они стояли напротив скалы, похожей на Сфинкса, в нескольких километрах отсюда. Эти места сохранили память о египетской царице Таисмет, которая умудрилась сжечь катабанийский храм. Вон за тем хребтом, – Капитан махнул рукой в противоположную от океана сторону. – Непонятно, что на нее нашло. Я видел ее на коне, несущуюся в ночи с факелом в руках. Она что-то кричала. Но ветер с океана относил все звуки в сторону гор. Я слышал только свист ветра.

– Похоже на сон, – только и мог сказать я, судорожно соображая, откуда Капитан мог узнать имя египетской принцессы и все остальное.

– Сон? А если окажется, что Таисмет действительно сожгла здесь неподалеку катабанийский храм? Египтяне были здесь. Это я знаю точно. В конце тридцатых годов на местном черном рынке стали всплывать вещи, созданные в Египте в эпоху правления XXI династии. Я сам купил одну вещь, и у меня есть официальное заключение Каирского музея. Первая половина 10 века до нашей эры. А это как раз то время.

– Откуда вы знаете, что ту, с факелом, зовут Таисмет? – выдавил я. Мне было немного жаль, что моя тайна оказалась не тайной.

– Еще до войны я откопал здесь египетское захоронение, – сказал Капитан, причмокнув после выпитого виски. – Там похоронены египтяне, погибшие в схватках с катабанитами. Сохранились надписи на стене.

– А как египтяне здесь оказались?

– Приплыли из Эфиопии. Переправились через Баб-эль-Мандебский пролив, скорее всего, на финикийских кораблях, возвращавшихся из Офира. По Красному морю на юг плавали начиная с июня, когда дули попутные ветры с северо-запада, а на север – осенью при юго-восточных ветрах. Значит, египтяне высадились на этот берег ранней осенью в 972 году до нашей эры. Видите, какая точность.

– Откуда известен год?

– До войны здесь побывал один археолог. Он пробыл на маяке около месяца. Записался в книге гостей путешественником, хотя до войны никаких путешественников здесь и в помине не было, – Капитан надолго задумался. – Отсюда никуда нет дороги... Помню, он пытался здесь копать. И чего-то раскопал. Но египетское захоронение нашел я.

– А что вы думаете о египетском иероглифе на скале?

– Ты знаешь об этом иероглифе? – Капитан сильно удивился и на несколько минут замолк. – Интересно, – он с подозрением посмотрел на меня. – Я лазил на скалу, но чуть не сорвался и бросил это дело. Десять лет назад часть изображения осыпалась. Лабораторный анализ показал, что в осыпи кроме естественных окислов были частички перламутра, какое-то вещество, усиливающее отражающую способность камня, и краска сложного состава, похожая на мягкие зеленоватые сумерки, как вот это освещение в моей гостиной. Из чего сделана краска – определить не удалось. Здесь какая-то мистика. В краске присутствует смола, которая насмерть въедается в камень. Недавно я получил анализ патины и углеродный анализ смолы. Знак был высечен и заполнен краской в одно и то же время, в период между 980 и 930 годами до нашей эры.

Я слушал Капитана, открыв рот, хотя было трудно понять, что из сказанного им можно воспринимать всерьез, а что нет. Хотя чему тут удивляться, ведь меня предупредили, что здесь я получу интересующую меня информацию.

– Вчера мне позвонил Салах, – продолжал Капитан, – тот, который продал вам египетский кулон. Он предположил, что вы можете знать дату и место появления иероглифа. И как оказалось, был прав. Об иероглифе еще знают местные последователи древнего аравийского культа. Вообще-то вам очень повезло. Сектанты самозабвенно охраняют иероглиф. Это настоящие отшельники, живут они в пещерах, а их старейшина, как утверждают, обладает «вторым разумом». Они приходят к иероглифу только на третий день, когда он отражает свет заходящего солнца особенно ярко. Это сегодня. А позавчера мы были там с Вивиан.

Вив с благодарностью посмотрела на Капитана.

– Мне надоело писать про войну, и вот я получила возможность написать про одну из тайн Древнего Египта.

– Эти язычники действительно опасны?

– Да, у них более двух тысяч последователей, а это целых четыре тысячи глаз. Вот откуда у старика «второй разум».

– Кому они поклоняются?

– Это культ Амма. Был такой бог, но о-очень давно, – Капитан произнес слово «очень» нараспев, дав нам понять, что речь идет о дремучей древности. – Амму не исчез вместе с государством Катабан и сохранился до нашего времени. Но не все так просто. Мистерия у египетского иероглифа посвящена не Амму, а Балкис и воскрешению мертвых. Балкис, она же царица Савская, здесь выступает в роли египетской Исет. Вы что-нибудь знаете об этих порочных женщинах?

– Знаю, – я долго подбирал слова, но сказал просто: – А что, если царицей Савской стала Таисмет?

Капитан пожал плечами, а я подумал: «Может, моей принцессе все же удалось выжить».

– Я вот что думаю, – задумчиво протянул Капитан. – Египтяне высадились именно здесь и обозначили место высадки первым иероглифом имени Таисмет. Иероглиф находится в картуше, в овале. Это означает, что Таисмет претендовала на трон Египта. Вернее, считала себя фараоншей де-юре. Или де-факто. Но тогда это царица Египта, о которой истории ничего не известно. Археолог, о котором я говорил, считал, что остальные иероглифы имени Таисмет разбросаны по пути следования египтян. У каждого человека после смерти остается его собственное имя, которое можно найти хотя бы на надгробном камне. Древние египтяне считали, что высечение имени равноценно обретению личного бессмертия. То, что названо, может быть записано. То, что написано, должно быть запомнено. То, что запомнено – живет. Уничтожение имени... это некое подобие аннигиляции. Пока существует мумия и имя, человек может вернуться из загробного мира. Мумия необязательна. Главное – имя. Поэтому имя Таисмет выбито так сложно. Ей грозила опасность. Она могла потерять не только жизнь, но и свое имя. Кто-то позаботился о том, чтобы ее имя осталось в веках.

Капитан пристально посмотрел на меня. Я выдержал его взгляд и пошел в атаку:

– Что вы скажете на это? – я протянул капитану через стол фотографию скульптуры египетской царицы.

Капитан надел очки и принялся внимательно ее разглядывать. Никакого волнения на его лице я не заметил.

– Ты хочешь сказать, что это и есть Таисмет.

– Да, – простодушно подтвердил я. – Так написано на постаменте.

– А этот букет из засохших стеблей иерихонской розы был одно время у меня, – Капитан положил фотографию на стол и удовлетворенно хрюкнул: – Я его подарил.

– Кому?

– Какое тебе дело?

– Крест «анх» сейчас у меня. А скульптуру украли. Я хочу ее вернуть.

Возникла неловкая пауза. Капитан задумался, внезапно его лицо стало красным, и он буквально прорычал:

– Судя по вашему тону, вы считаете, что это я украд скульптуру.

– Я ничего не считаю. При похищении скульптуры погиб мой друг.

Капитан сжал кулаки.

– Ты нарушил все правила восточного гостеприимства, обвинив хозяина в краже, в его же доме, – он ударил кулаком по столу. Его руки с тыльной стороны были усеяны старческими пятнами и, тем не менее, внушали уважение.

Вив изучающе смотрела то на Капитана, то на меня.

Капитан не унимался.

– Наверно, и оружие захватил?

– Да, пистолет, – я повел плечами, чтобы придать себе более мужественный вид. – Он у меня в номере. Насколько я знаю, в Йемене нет ограничений на ношение оружия.

Капитан начал гоготать как лошадь, запрокинув голову. В этой позе, со стаканом виски в руке, он походил на какого-то мифического шотландского героя.

– Пистолет! Ха, ха, ха! А почему не пулемет. Или пушку. Ладно, на первый раз прощаю. И сделаю то, чего не делаю никогда – поклянусь на Библии, – он примирительно протянул мне руку. – Так что же все-таки произошло в этой вашей Риге?

Я вкратце пересказал всю историю своих расследований, добавив к своему рассказу фотографии. – Вив слушала меня раскрыв рот. А Капитан, как мне показалось, начал о чем-то догадываться.

– Очаровательная химера, – подвел он итог. – Получается, что Таисмет погибла. Кто же тогда царица Савская?

– Не знаю.

Наступила тишина.

– Фактически, – продолжил Капитан после нескольких секунд размышления, – речь идет о поисках сокровищ. Не поверю, что тебя интересует, кто грохнул египтянку три тысячи лет назад.

– Капитан! Это не так, – искренне возмущился я.

– Что касается твоего друга, – Капитан вдруг опять разозлился и одним махом осушил полстакана виски, – то, судя по фотографии, это, несомненно, удар джамбии.

– Ножом, который здесь висит у каждого на животе?

– Да. Эти дела я знаю. Прожил в Йемене почти всю жизнь. Джамбией не размахивают и вынимают из ножен только в исключительных случаях. Но если уж она вынута, то удар следует незамедлительно. Джамбией не пугают.

Капитан прихрамывая подошел к своей коллекции холодного оружия, висевшей на стене, и снял один из кинжалов.

– Вот, смотрите. Это серебряный кинжал начала прошлого века. Жемчужина моей коллекции. Я полагаю, его неоднократно использовали. Видите этот орнамент на рукоятке. Очень древняя вещь.

Я внимательно посмотрел на орнамент. Конечно, я мог и ошибаться, но следы на песке в подвале, где убили Юру, были очень похожи на этот рисунок.

– Моего друга убили именно таким кинжалом.

– Тогда бросай это дело. Ничего у тебя не получится. Могут и убить.

– В Сане за мной следили. Очень непрофессионально.

– Возможно, это отшельники. Их мог заинтересовать твой крест. Ты его предъявлял на таможне? Ну вот! Но они не убийцы. Как ты сказал? Рига? Это очень далеко. Отшельники –

анархисты по убеждению и разгильдяи по сути. Они не способны даже сварить себе еду, питаются чем попало.

– Напротив иероглифа я стоял один. Где-то выли волки.

– Значит, ты был не один. Аравийские волки не воют. Осторожность тебе не мешает. Хотя, как говорят у вас в России, – волков бояться – в лес не ходить. Если вылез из теплой постели, прими этот грешный мир таким, каков он есть.

– Откуда вы знаете все эти русские поговорки.

– В Адене живет один русский. Мы с ним частенько выпиваем. У него гостиница в самом центре города. Раньше это был еврейский район, теперь остались только шестиконечные звезды на фасадах некоторых домов, – Капитан опять развеселился. – Эта гостиница тоже когда-то принадлежала евреям. Поселитесь там. Не пожалеете.

Капитан подошел к телефону и стал кому-то звонить.

– В гостинце тебя ждут, – сказал он, переговорив с кем-то. – Я еще позвонил Салаху. Он говорит, что после того, как ты ушел, к нему пришли какие-то люди. Это не отшельники. Он думает, что пришли люди Бубекра. Я о нем говорил. Но он не убийца. Интересуется древностями. Салах рассказал его людям, как было дело. Так что жди гостей. Это все из-за креста «анх», который ты предъявил на таможне.

– Не страшно. Я пять лет занимался политикой и всегда действовал открыто. Это меня спасало. Здесь я тоже не буду прятаться. Главное, чтобы они не начали сразу размахивать ножами. Я с ними договорюсь. Арабы держат данное слово?

– Не всегда. Верность слову для них действительно добродетель, но только до тех пор, пока это не противоречит здравому смыслу.

В этот момент погас свет. Капитан зажег свечи в больших чугунных подсвечниках, стоящих на столе. И вразвалку вышел из гостиной.

Я судорожно думал, как продолжить разговор. Но Вив сама пришла мне на помощь. Ее лицо в свете свечей было очень красивым.

– Если хочешь проникнуть в прошлое, пойди к развалинам. Но на них не надо смотреть. Их надо слушать.

– А я-то думал, что обитатели мира теней всецело поглощены своими заботами.

– У них нет забот.

– Откуда такие познания?

– Как все кельты, я немного ведьма.

– Озерная ведьма?

– Откуда такие познания? – повторила она мой вопрос, еле сдерживая улыбку.

– Я интересуюсь ведьмами. С тех пор, как прочитал «Мастера и Маргариту». Там был эпизод, когда Маргарита выskalывает из одежды и ходит нагая по карнизам. Потом был бал у Сатаны.

– Я читала. Блестящий роман. И что ты из него понял.

– Только то, что у меня в жизни было несколько настоящих ведьм. Одной из них я даже подарил метлу.

– Ты ее сильно обидел?

– Да. Она сказала, что моим подарком только пол подметать.

– А чего ты хотел? Летает астральное тело, а не физическое.

– А метла? Тоже астральное тело?

– Конечно. Ведьма весит с метлой и без метлы одинаково. Ты не знал?

– Знал, но хотел убедиться еще раз. Моя ведьма, когда ее уволили с работы, устроилась в стриптиз и использовала подаренную мной метлу как шест.

– Забавно.

– А секс тоже в астрале?

– Какой секс?

– Ну, там, на шабаше.

В свете свечей я увидел дразнящую улыбку на ее лице.

– Никакого секса на шабаше нет. В обычном понимании. Это все выдумки.

– Жаль. Мне всегда хотелось увидеть, как голая ведьма ходит по карнизам.

– У тебя сильное воображение.

– Ты ирландка?

– Нет, валлийка. Из Аберестуита.

– Король Артур и рыцари круглого стола?

– И это тоже.

– Я знаю эту историю. Рыцари поклялись найти Святой Грааль, но большинство из них заблудилось в лесу и погибло. Двор распался. Ради чего?

– Ради призрачной мечты? Ты ничем от них не отличаешься.

В дверях появился Капитан в расстегнутой до пупа рубашке. Безжалостно зажегся свет.

– Хватит о делах, давайте напьемся, – он с овцеватым видом поставил на стол непечатую бутылку шотландского виски, которую до этого держал в руках.

– Капитан, не слишком ли много?

– Ничего не много. Вот только льда нет, холодильник не работает.

– Зачем нам холодильник? У нас есть ведьма, – съязвил я.

– Да, да, пусть наколдует, – вяло отозвался Капитан. – Женщины любят изображать из себя ведьм, но большинство из них не может сглазить даже муху.

Вив на мгновение застыла, вытянув вперед руки и растопырив пальцы.

– Можете идти за льдом.

– Куда?

– Как куда? На кухню.

Капитан обреченно отправился на кухню, но через минуту радостно вернулся со льдом.

– Холодильник, оказывается, работает.

Вив загадочно улыбнулась:

– С водой у меня всегда проблемы, ее легко заморозить, но вот разморозить не всегда получается.

– Да-а, – протянул Капитан, – чудеса. Может, тебя вдохновить еще на что-нибудь?

– Давайте лучше пить.

Мы выпили. Я повалил на языке вкус дыма и вереска и взболтал лед в стакане. Похоже, он действительно не таял. Чертовщина какая-то.

Подали десерт. Слуга неслышно удалился, а Вив подошла к камину, чтобы рассмотреть висевшие по обе его стороны картины.

Я ел молча, изредка поглядывая на Вив.

Она что-то говорила Капитану, который пил виски не переставая. Я старался от него не отставать. Мне хотелось, чтобы он ушел и оставил нас вдвоем.

– Тебе не приходилось видеть ее в купальнике? – спросил Капитан, показывая на Вив и допивая стакан. – Ах, да. Это что-то потрясающее.

Наконец он посмотрел на часы и зевнул во весь свой огромный рот:

– Завтра я приглашаю вас на прогулку. Выпьем «маргариту» на моей яхте с видом на залив. Можно рыбу половить. Нет, лучше я вам покажу такое, что у вас челюсти отвиснут. А теперь – спать. – Капитан встал из-за стола, резко отодвинув кресло. Идя к двери, он заметно покачивался.

Вив вытянула ноги и положила их на стоящий рядом стул.

– Нашему Капитану не хватает только говорящего попугая на плече.

– И деревянной ноги, – добавил я.

– У него неважно со здоровьем и совсем плохо с характером.

Выпитое виски кружило мне голову, но спать не хотелось. Официант подал нам чай с кубиками сахара серого цвета.

– Будешь еще виски? – спросила Вив.

– Нет. Я придерживаюсь правила не пить спиртного до трех часов дня и после двенадцати ночи. Сейчас без двух минут двенадцать. Не успею.

– Успеешь.

Вив повернулась ко мне спиной, налила виски в свой и мой стаканы, и скинула кофту. Мы выпили. Опять потух свет. Я зажег свечи.

– Хочешь увидеть библиотеку? – спросила Вив. – Капитан разрешил мне пользоваться всем, что там есть.

– Конечно!

В этот момент пробило двенадцать. Вив взяла поднос с чаем, печеньем и виски, я – два чугунных подсвечника с зажженными свечами, и мы вместе отправились в библиотеку.

На пороге библиотеки у меня перехватило дыхание от открывшегося предо мной интерьера. Три стены сверху донизу – от паркета до сводчатого потолка – были закрыты книгами. А под потолком, словно роня сверкающие хрустальные капли, мерцал в полутьме шар роскошной люстры.

На четвертой стене, обитой темным деревом, висели поблекшие, цвета сепии фотографии и старинная географическая карта мира, разрисованная яркими красками, со щекастыми ветрами, страшными морскими чудовищами и древними парусниками. В дальнем конце библиотеки без дела томился бильярд, темно-зеленое сукно напоминало заросший тенистый пруд.

Атмосфера викторианской Англии была передана во всех деталях.

Вив встала на колени перед камином и начала рассовывать газетные листы между веток. Потом достала зажигалку и подожгла их. Когда камин запылал, она устроилась в огромном кожаном кресле напротив него. На ворсе ковра перед камином остался след от ее туфель.

– Расскажи о себе, – попросила она меня.

– Выдуманные истории скучно слушать.

– А ты не выдумывай.

– Не могу. Прошлое – это всегда тайна. Даже если это твое собственное прошлое, – вспомнил я премудрости Сэл.

– И все-таки.

Я подошел к книжным полкам. Метры и метры мореного дуба, тисненой кожи из сложенных друг на друга папок. Тома Оксфордского словаря английского языка, атласы разных веков, труды по истории Англии, Энциклопедия, «История картографии» Дэниелса. Отдельно лежал старый Коран с крышками из слоновой кости и тусклыми металлическими застежками. Один стеллаж был плотно набит справочниками по мореходству, путевыми заметками и старыми судовыми журналами.

От книжных полок исходил запах переплетной кожи, засохшего клея и пыли, запах полной безмятежности, о которой я мечтал пять лет. Вместо этого мне пришлось целых пять лет дышать кислым запахом толпы и сладковатым запахом чужой победы. Я пробежал пальцами по корешкам книг, как по клавишам аккордеона.

Вив с любопытством наблюдала за мной.

– Я вижу, ты любишь старинные книги.

– Да, очень. Они примирились с жизнью, и от них исходит покой. Как от старых керосиновых ламп и настенных часов. Но книги часто рассыпаются в прах, если их тронуть. Как мумии, – я бережно снял одну из книг с полки.

– Один мой знакомый археолог, – сказала Вив, – делал так: он брал только что выкопанную мумию за ноги и тряс ее вниз головой, вдруг что-то вывалится.

Я инстинктивно тряханул книгу, и из нее вывалились старые фотографии.

– Ну, ты действительно ведьма, – воскликнул я, поднимая упавшие на пол листки.

– Мелкие шалости. Дай сюда. Этот грех я возьму на себя.

Она отложила в сторону чашку и выхватила у меня из рук фотографии.

На одном снимке был изображен молодой человек лет восемнадцати в английской военной форме периода Второй мировой войны, в звании лейтенанта. Ничто в нем не напоминало Капитана, только характерная насмешливая искорка в глазах. Рядом с ним стояла женщина лет двадцати пяти, красивое лицо над закрытым до подбородка бархатным платьем с зеленым отливом. На ее груди висели хрустальные стебли иерихонской розы и крест «анх».

– Стебли иерихонской розы – мои, а крест другой, – я вынул фотографию своего креста и положил рядом.

– Это Анна Тремайн, довоенная жена Капитана. Хотя после нее у него не было жен.

Снова зажегся свет. Библиотека была освещена одной-единственной лампой, стоящей на массивном столе. Я поднес к ней фотографию Анны и внимательно всмотрелся в ее лицо. Вот мы и встретились.

– Ради нее я и приехала сюда, – продолжала Вив. – Хочу сделать из нее новую Мату Хари. Редакционное задание. Я занимаюсь этим расследованием уже два года. Из-за него пропал мой друг. Поэтому я доведу это дело до конца.

– Расскажи, что ты знаешь о ней.

Вив стала рассказывать о своей поездке в Орбаган, об интервью Халида Бубекра, о том, как он, Анна Тремайн и Карл Велберг бежали от партизан Тито. За месяц до этого сама Вив была свидетелем перехваченных сербами денег, которыми Бубекр расплатился за египетские древности. Но откуда эти древности взялись, ей узнать не удалось. Бубекр лишь вскользь сказал, что Карл и Анна раскопали в Йемене египетское захоронение, а это более чем странно. Но если египетская принцесса стала царицей Савской, то все может быть.

– Перед тем как приехать сюда, я навела справки о Капитане, – продолжала Вив. – Он получил лейтенанта под Тобруком, отражая атаку немецких танков на высоту с труднопроизносимым арабским названием. Солдаты рассказывали, что он до последней секунды отдавал разумные приказы, сохранял спокойствие и даже юмор. Это и понятно, его предки всегда отличались чувством собственного достоинства. Он знает свою родословную со времен битвы при Гастингсе. Кто-то из его предков командовал лучниками. Когда ты чуть было не обвинил его в воровстве, в нем пробудилось негодование двадцати поколений. – Вив сложила фотографии и положила обратно между страниц книги. – По одной из версий, Анна была агентом Абвера и настраивала арабов против англичан. По другой – вела собственную игру против немцев. У нее был диплом специалиста по тропической медицине. Она блестяще знала арабский язык и запомнилась безуспешной попыткой снять с местных женщин чадру.

– Ты уже писала о ней?

– Нет. Пока я мало что знаю. Она сбежала от мужа и оказалась в Адене. В то время это была английская колония. Наш храбрый Капитан встретил ее на набережной Уолтон Бей. Они поженились и стали жить на маяке. Получается, что на тот момент у Анны было два мужа. Потом Капитан отправился на войну в Северную Африку. Он был моложе Анны на пять лет, – Вив сняла с полки большой журнал в зеленом кожаном переплете и положила на письменный стол: – Я вчера весь день работала в этой библиотеке. Так вот, Анна никак не могла усидеть на месте. Постоянно ездила в Европу. Даже во время войны. А здесь вела бурную светскую жизнь. Путь между маяком и Аденом занимал три часа. Когда она проносилась по пустыне с задравшимися юбками и развивающейся вуалью, местные бедуины приходили поглазеть на нее толпами и в восторге стреляли вверх из ружей. Они называли ее красавицей Майна. Что еще? Она организовала сбор металлолома с затонувших кораблей, из которого потом делали кровати для военного госпиталя в Адене.

Вив открыла снятый с полки ветхий переплет. Но внезапно опять потух свет.

На лестнице послышались шаги. В библиотеку со свечкой в руке и сонно щурясь ввалился взлохмаченный Капитан.

– Какого черта! – обиженно пробубнил он. – Куда вы подевались. С этим светом тут всегда проблемы. Оборудование ни к черту.

Увидев на столе книгу с фотографиями Анны, Капитан изменился в лице.

– Добрались и до нее, черти, – он резко пнул кресло, прегородив нам дорогу к столу. – Сам виноват! Разрешил этой ведьме чувствовать себя в моей библиотеке как дома. Да, Анна была пугающе красива. И очень похожа на тебя, Вивиан. Только глаза у нее были серые. – Капитан улыбнулся своим воспоминаниям. – Вероятно, тебе уже много раз говорили, как красивы твои глаза. Анна выглядела так, как на портрете, что висит у меня в спальне. Завтра покажу. Ее рисовал довольно знаменитый французский художник, который, вероятно, был ее любовником. А на тех фотографиях, – Капитан хлопнул по книге, – она на пике своей красоты.

По лбу капитана пролегли глубокие морщины.

– Как печально, – рассеянно сказала Вив. – Ее мысли были не здесь.

Я разглядывал сквозь пустой стакан зеленоватую полутьму кабинета. Опять зажегся свет. Но в кабинете оставалось темно, наверно, я машинально выключил настольную лампу. Пробивавшаяся из-под двери полоса света была похожа на последний луч заходящего солнца.

Капитан плеснул себе виски и со стаканом в руке зашлепал обратно. Свет, конечно же, опять потух.

– Что тебе еще удалось раскопать, – спросил я у Вив, когда за Капитаном закрылась дверь.

– Документы, фотографии. Маяк был построен еще в начале девятнадцатого века. С того времени сменилось более двух десятков смотрителей, все английские офицеры и все немного сгеау, – она замолчала, потом тряхнула головой и вернулась к теме. – Один из офицеров до войны занялся археологическими раскопками и раскопал останки древнего финикийского корабля. Корабль находился метрах в пятидесяти от берега, и ему, видимо, помогло то, что материал для маяка – песок и камни – когда-то брали прямо с того места. Он копнул лопатой – раз, другой – и нашел старинное дерево. В судовом журнале есть описание этой истории, – она протянула мне снятый с полки журнал.

Я взял журнал, исписанный аккуратным почерком и переклеенный старыми низкокачественными фотографиями: на одной из них бравый английский моряк, в шортах, гетрах, тяжелых ботинках и неизменном пробковом шлеме на голове, стоял возле веревочного контура, изображающего корабль.

Вив пила чай, а я быстро перелистал папку. На нескольких страницах описывался размер корабля, состояние его деревянных частей и много других мелких подробностей. Самое интересное было дальше. До войны на маяк забрел какой-то американский археолог, разыскивающий столицу древнего Катабана – Тимну. Покопавшись на берегу и наткнувшись на останки корабля, он стал уверять, что корабль перевозил золото и драгоценные камни из легендарной страны Офир для храма царя Соломона. Но не довез. Археолог, конечно же, стал искать груз корабля. Но вокруг не было ровным счетом ничего, несколько глиняных черепков и кусок непонятно каким образом сохранившегося пенькового каната. Пройдя все этапы душевных переживаний и великую печаль, он тронулся умом и попал в сумасшедший дом, в тот, куда Анна через три года завезла железные кровати. Когда его подлечили и отпустили на маяк, он целыми днями выковыривал лишайник из щелей находящихся здесь поблизости древних стен, считая, что добывает вещественные доказательства.

– Но это еще не вся история, – услышал я голос Вив. – В начале 1944 года к маяку пробилась немецкая подводная лодка и высадила десант. Капитана на маяке не было, он героизмовал в Африке. Была только Анна Тремайн. Она сообщила по радио о нападении и даже успела выстрелить из пулемета. Но ее быстро связали и бросили в подвал маяка. Там она нацарапала

на стене, что с ней произошло. В Адене тогда почти не было войск, англичане перебросили в Африку последние резервы. Небольшая группа английских командос добралась до маяка только через пять часов. На подходе к маяку они попали в песчаную бурю, и все следы немецкого пребывания замело. Куда делась Анна – неизвестно. Через год, вернувшись на маяк по ранению, наш Капитан стал жену искать, но не нашел. Он нашел на берегу другое – два острых шипа. Это был сплав, содержащий золото. Капитан думает, что это то самое финикийское золото с потерпевших крушение кораблей. Возможно, подводная лодка приплыла именно за ним. Но откуда немцы о нем узнали? Сейчас эти шипы находятся в музее Адена, вместе с останками финикийского корабля.

– Что было дальше с подводной лодкой?

– Какую-то немецкую подлодку обнаружили возле берегов Намибии и потопили. Команда высадилась на берег Скелетов и сдалась в плен. О золоте нет ни слова. Возможно, это не та подлодка. Не знаю.

Я молчал, думая, как мне быть. Часть моей истории приобретала некую связанность. Но самое удивительное было то, что мы с Вив занимались одним и тем же делом, но с разных концов. Правда, я не видел в этом ничего мистического. Маяк представлял собой классическую фокальную точку, где должны были сойтись все, кого задела египетская история и дело Анны Тремайн.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросила Вив.

Я выдержал театральную паузу, причем в этот раз не в переносном, а в прямом смысле. Мне было что ей сказать. Но хотелось произвести эффект. Первым делом я показал ей фотографии, найденные в заброшенном доме Карла. Одна, на которой был сам Карл, Анна и третий, похожий на араба. А потом еще две, на которых Анна вся в древнеегипетском золоте и серебре.

– Откуда это у тебя? – Вив буквально вырвала фотографии у меня из рук.

– Нашел в одном заброшенном доме.

Вив приблизила фотографии к свечам.

– Этот третий – Халид Бубекр, о котором рассказывал Капитан и интервью с которым я заполучила в Луссе. Здесь он совсем молодой.

– Эти фотографии сделаны в Луссе, в начале 1945 года.

– Откуда они у тебя? – снова спросила Вив.

– Тогда слушай, – выпалил я.

Эти два слова прозвучали как-то уж очень нервно.

Вив поставила чашку на журнальный столик и пристально на меня посмотрела.

– Чувствую, ты действительно что-то знаешь. Рассказывай!

– В 1944 году на это побережье с подводной лодки действительно был высажен немецкий десант. В его составе был тот самый Карл Велберг – археолог из Латвии, тот, который на фотографии. Он предложил Абверу свои услуги и знание Аравии. – От нетерпения меня даже немного потряхивало, я буквально заставил себя не спешить. – Как оказалось, Анна его ждала. Ее сопротивление немецкому десанту было сплошной инсценировкой. За несколько лет до этого они вместе раскопали древнее захоронение недалеко от Саны. Это оказалось египетское захоронение. Набранные там древности были у них украдены арабом-проводником. Все, кроме статуи египетской принцессы, креста «анх» и букета иерихонских роз. Об этом я тебе уже рассказывал. Карл вернулся в Латвию, а Анна Тремайн отправилась в Аден. Когда археолог расшифровал часть древнеегипетских текстов, переснятых со стен захоронения, он смог определить, где египтяне высадились на берег Аравии. Это здесь, у маяка. Поэтому Анна, получив от археолога письмо, вышла замуж за Капитана, чтобы поселиться на маяке. Финикийское золото существовало. Судя по всему, именно Анна Тремайн его и нашла.

Я чувствовал, что говорю сбивчиво. Но в запасе у меня были письма Карла.

– Итак... Золото погрузили на подлодку. Археолог, Анна, и еще двое отправилась с караваном на север, в Сану. Им, видимо, была поставлена задача встретиться с Имамом и перетянуть его на сторону немцев. Арабы помогли каравану пройти через Тихаму до Саны, хотя это было непросто. Я где-то читал, что еще во время Первой мировой войны все Аравийское побережье Красного моря было заблокировано английскими кораблями, поскольку шла война с Турцией. Англичане от скуки практиковались в стрельбе из орудий главного калибра по глинобитным домикам бедных рыбаков. И арабы это запомнили. Одним словом, они кое-как добрались. В городке Манаха, который по дороге в Сану, они разыскали араба-проводника и забрали у него все, что тот украл, а его самого застрелили. Это те самые египетские древности, о которых ты говорила.

Потом они встретились с Имамом. Переговоры состоялись. Имам что-то пообещал немцам, но ничего не сделал. Это была полностью заслуга Анны.

Выйдя из Саны, они караванным путем прошли напрямик через Хиджас в Газу. Оттуда греческое судно переправило их на берег Далмации. Что там было дальше, я не знаю, но об этом знаешь ты.

После войны Карл вместе с Анной поселился в уютном местечке на юге Германии. У них были деньги, но не так много. Если бы они продали свои археологические находки, то стали бы миллионерами. Видимо, они взяли с собой немного, сколько смогли унести. О судьбе остальных находок ты знаешь. Где-то в конце 1940-х Анна сбежала. Куда – неизвестно. Археолог умер в середине 50-х.

У Вив расширились глаза.

– Скажи, что ты все это придумал.

– Нет, письма Карла у меня с собой. Его дом и могилу я сам видел, специально ездил для этого в Германию. То, что мы встретились здесь, – не случайно. Капитан с его воспоминаниями был нужен и мне, и тебе. Остальное – проделки провидения.

– Ты можешь прочитать мне письма?

– Конечно. Они написаны по-латышски, но я могу перевести.

– Давай. После того что ты сказал, я уже не смогу уснуть. Это сенсация.

Я сходил за письмами и при свете свечей начал читать. Мой монотонный голос даже в меня самого вселил суеверный страх. Это был не мой голос, это был голос отсюда.

Когда я закончил читать, мы некоторое время сидели молча, глядя на затухающий камин. Вив откинула назад волосы и сжала ладонями виски.

– Выходит, что благодаря тебе мое расследование почти закончено. Теперь я знаю, где была и что делала Анна с 37-го года до конца 40-х годов. Мне стало понятно, что ею двигало. Подражание Гертруде Белл. Жажда приключений, склонность к риску, равнодушие к общественному мнению. И деньги. Неизвестно только, чем все закончилось. Ее следы найдены в Южной Америке. В 50-х годах она пыталась найти там убежище. Опять вышла замуж. Чего-то она боялась. Или же это была тяга к странствиям. Неважно. Она действительно похожа на Мата Хари. Даже не верится, – Вив поцеловала меня в щеку. – Теперь я смогу что-то написать. Если ты, конечно, позволишь мне использовать письма. Да? Спасибо.

Вив надо было все обдумать, но что-то ее сильно беспокоило.

– Не знаю, что сказать Капитану. Могила Анны здесь, на маяке. Капитан считает, что она погибла во время высадки немецкого десанта.

– Возможно, Капитан спасает репутацию Анны и создал кенотаф – ложное захоронение. Никакого предательства с ее стороны не было, но он этого не знает. – Я потянулся за бутылкой виски. – Имам так и не выступил на стороне немцев. Что касается золота... Просто бизнес. Судя по всему, капитан немецкой подлодки имел свой интерес, а его команда могла и не знать, что в ящиках, которые грузили на подлодку. Вернее, это было не золото, а сплав, причем при-

чудливой формы, какие-то гвозди. В них трудно было увидеть нечто ценное. Германия проигрывала войну, и многие немцы начинали думать о себе...

Вив рывком выпрямилась, словно освобождаясь от наваждения, встала, подошла к столу и придвинула к себе блокнот. Некоторое время она что-то записывала, изредка рассеянно потирая ладонь.

– Какой-то безумный вечер. У меня голова кругом.

– Что тебя привлекает в этом деле? Что-нибудь личное?

Вив покачала головой:

– Да нет, ничего такого. Обычное журналистское любопытство, – она закрыла блокнот. – Ты меня не разыгрываешь?

– Никто в эту историю не верил, включая меня. До сегодняшнего дня я тоже думал, что это одна из моих фантазий. Египетская принцесса появилась в тот момент, когда прежние фантазии, помогавшие мне жить, устарели и нужны были новые. Причем эта принцесса три тысячи лет назад оказалась перед непростым выбором, как и я три года назад. Психологи называют это обманом воображения. Но Капитан все подтвердил. Часть истории с Анной Тремайн ты тоже подтвердила. Мы с тобой теперь в одной лодке. Только я не знаю, куда плыть. Ведь мое расследование еще не окончено.

Вив макнула кубик сахара в чай, наблюдая, как он меняет цвет.

– Мы не могли не встретиться, – еще раз подтвердил я. – Этот маяк – точка пересечения. Ты, я и Капитан искали ответ на один и тот же вопрос – может ли прошлое стать настоящим. Поэтому наши пути пересеклись. Такое бывает.

Вив скинула туфли и закинула ноги на подлокотник кресла.

– Налей мне еще виски, и себе. Отпразднуем твое вступление в новый мир фантазий.

Я разлил виски по бокалам и сел на край стола, рядом с необъятным глобусом эпохи королевы Виктории. В кабинете витало смутное чувство беспокойства.

– Тебя что-то тревожит? – спросил я.

Вив взглянула на меня исподлобья.

– Вчера меня грубо предупредили не влезать в это дело. Странно. Я только хотела сделать стори.

– Если тебя не пускают в прошлое, значит, там – деньги. Какие-то деньги еще не поделены.

– Какие там могут быть деньги?

– В захоронении, которое раскопал Карл, оказалась куча египетских древностей.

– Но кто еще может об этом знать?

– Айдид Фарах, внук Фатха. И еще некто Герберт Остерман, который помогал прятать древности в Далмации.

Я рассказал Вив о своих приключениях в Германии, о том, что Карл сошел с ума на почве поклонения библейской царице.

– Поскольку в захоронении оказались в основном египетские древности, то царица, скорее всего, египтянка, – я резко крутанул глобус по часовой стрелке, словно пытаюсь попасть в прошлое. – Карл пишет о древней арабской легенде. Вряд ли можно говорить о другой египетской принцессе, которая приглянулась местному мукарибу, кроме моей беглянки.

– Я уже ничему не удивляюсь. Но если все так, как ты говоришь, то это сенсация вселенского масштаба.

– Капитан говорил о появлении египетских древностей на рынках Йемена до войны, – продолжал я. – Но их немного, иначе об этом было бы широко известно. Скорее всего, на рынок попала небольшая часть находок Карла, украденных Фатхом. А остальное все еще лежит нетронутым и занесено песком.

– Значит, нам надо опередить Айдид Фараха и, как ты его назвал, Герберта Остермана.

– Не знаю. Наверняка мы знаем только то, что часть египетских древностей, найденных Карлом, теперь в руках Халида Бубекра. Думаю, он тоже знает о захоронении. Но чтобы его найти, – я решил превратить все в шутку, – надо обойти территорию величиной в Швейцарию. Ты готова?

– Трудности меня никогда не пугали, – Вив поддержала мой шуточный тон. – Кстати! Капитан обещал мне организовать встречу с Бубекром.

– Отлично! Тогда приглашаю тебя на поиски. Место раскопок экспедиции Рафьенса мы найдем, – я взял один из лежащих на столе атласов и открыл его на странице Южной Аравии. – Берем циркуль. Отмеряем на карте 10–15–20–30 километров и рисуем окружности. Карл шел на восток или юго-восток. Значит, круг поисков сужается. Да, со Швейцарией я несколько преувеличил. Все намного проще.

– А что, если воины Аллаха стерли там все с лица земли? Или крестьяне разобрали оставшиеся стены на строительные материалы?

– Тогда нам придется перекопать вершины пары сотен холмов. Всего лишь. Пустяки.

Часы на каминной полке пробили два часа ночи.

Я начал обход библиотеки и подошел к нише, занавешенной зеленым бархатом. Около нее меня вдруг охватило то же нервическое чувство, что и перед иероглифом на скале. Я отодвинул шторку.

На стене висел портрет египтянина. Высокий лоб, острые скулы, чуть раздутые ноздри, плотно сжатые губы. Тяжелое убранство парика достигало плеч. Подведенные глаза имели неестественно яркий голубой цвет.

– Кто это?

Вив опустила ноги на пол и босиком подошла ко мне.

– Капитан сказал, что это реконструкция найденной им мумии.

Я стоял перед портретом, ощущая, что прошлое опять заключает меня в свои объятия. Вив придвинулась ко мне еще ближе, так, что я почувствовал запах ее волос.

– Его имя известно?

– Половина имени. Известковая плита, на которой оно было записано, рассыпалась от неосторожного прикосновения.

– Где эта плита?

– Там, под стеклом.

Я взгляделся в остатки плиты. Но ничего не увидел.

– Оригинальная надпись почти не видна, но есть перевод вон в той папке, – подсказала Вив.

Я развязал побуревшую ленту папки, и на стол выпал лист исписанной бумаги. Две группы иероглифов, обведенные картушем, совпадали с именем Таисмет и частью имени Аменойнемхета, полного имени Ноя.

– Теперь мне понятно, почему Таисмет сожгла катабанийский храм, – я кивнул в сторону портрета, – это ее муж. Если он похоронен здесь, то, видимо, здесь и погиб. Возможно, от рук катабанитов.

– И как его звали?

– В древнеегипетских текстах, которые нашел Карл, есть его полное имя – Аменойнемхет. Как и Вивиан, я тоже неожиданно пришел к промежуточному финалу своего расследования. Ной был похоронен где-то здесь. Но где могила Таисмет?

Лицо Ноя мне понравилось. Хороший мужик. Время оскорбило его страну, как и мою. Но, в отличие от меня, он не струсил. Теперь его бессмертие зависит от того, смогу ли я где-нибудь вырезать его полное имя.

Я с трудом вышел из-под обаяния истории и возвратился в пространство библиотеки.

– Что еще известно?

– В черепе египтянина была дырка, но Капитан так и не смог определить, умер ли он от удара по голове или череп был поврежден уже после смерти – при бальзамировании. Но если удар был получен при жизни, то это предательский удар сзади. Повреждены ребра, тоже сзади. Он мог погибнуть, упав с лошади. Но в таком случае должен быть поврежден и позвоночник. Однако это не так. Возможно, он умер от инфекции.

Вив рассказывала, а я смотрел на ее грудь, слегка прикрытую низким вырезом облегающего платья. Она перебросила ноги через подлокотник кресла и отбивала босой пяткой какой-то рваный ритм. Ее платье задралось. Но в этом не было ни малейшего намека.

Она подняла руку и посмотрела на часы. В темноте блеснул ее браслет. На нем угадывались древнеегипетские мотивы. Точно такой же, как у Камиллы, но с другим божеством.

Вив улыбнулась мне. Ее глаза, сияющие в тусклых отблесках исчезающего пламени, словно звали меня к себе. Чтобы не ошибиться, я тщетно пытался вспомнить, который по счету бокал у меня в руках, но не смог вспомнить и потянулся за бутылкой, которая теперь почему-то венчала стопку журналов «Нэшнл Джеографик». Вив наклонилась, чтобы взять с пола свой бокал, и я увидел ее грудь.

Во рту у меня все пересохло. Почему я опять робею перед ней, как тогда, в Риге, во время интервью? Пора с этим кончать. Я крепче сжал бутылку и пошел к ней, слегка качнувшись при первом шаге. Ближе, еще ближе. Вив немного изменила позу, полностью показав свои ноги, и посмотрела на меня поверх стакана хитрющими глазами. Но в ее взгляде больше не было того равнодушия и иронии, которые она напускала на себя в Риге.

Я сел на второй подлокотник ее кресла. Она подняла голову, и я запустил руку в ее волосы. Кресло было настолько большим, что его можно было использовать как кровать. Я поцеловал ее и, стараясь быстрее перевести ситуацию в стадию необратимости, просунул руку в разрез ее платья. Она резко отстранилась.

– Я в гостях у Капитана. Он может проснуться в любой момент. Хороши же мы будем...

– Прости... я не хотел, – пробормотал я.

– Все в порядке, – она откинула голову на мою грудь. – Ты прелесть.

Свечи все, кроме одной, потухли. Неловким движением я толкнул ее на пол. Кабинет провалился в темную пустоту и наполнился талым запахом догоревших свечей. Теперь его освещала только слабая полоска света под дверьми.

Да, роль развязного сердцееда – не моя роль. Зачем строить из себя дурака? Потный, светлый мужик, говорящий какую-то ересь, и чтобы побыстрее.

Вив развернулась, чмокнула меня в щеку и в следующее мгновение исчезла за дверью.

Еще пахло дорогими духами, стояла на подносе недопитая чашка, а ее уже не было. Возникшую внутри меня пустоту сразу же начала заполнять пьяная грусть. За окном мигали равнодушные звезды, потрескивали дрова в камине. Вот и все.

Я нашупал ручку двери, вышел в гостиную, а оттуда во двор. Первым, что бросилось мне в глаза, был маяк. Свет из его окон падал на прибрежные камни.

Луны не было, но от света звезд деревья отбрасывали тени. По-настоящему библейский пейзаж.

Я поднял взгляд туда, где на втором этаже был номер Вив, и увидел в окне подрагивающие медно-красные отблески. Это горела свеча. В отеле опять не было света. Наверно, в это время все электричество забирал маяк.

Вив подошла к окну. На фоне слабого освещения ее силуэт выглядел почти черным. Валлийская Маргарита. Полетит? Не полетит? Еще та штучка! Зачем она мне? На отдыхе нужны совсем другие женщины.

И тут я ощутил движение, потом услышал шорох. Кто-то стоял у меня за спиной.

Время остановилось. Особого страха я не испытывал, вернее, я ощутил опасность в ее первобытном состоянии, когда она очищена от всего и, в первую очередь, от страха совершить

ошибку. Я стал медленно поворачиваться, моя рука инстинктивно потянулась к поясу, хотя там не было ни ножа, ни пистолета.

Передо мной метрах в десяти маячила плечистая мужская фигура с джамбией на поясе.

У меня внутри все скрутило тугим морским узлом, а в глазах запрыгали черти. В чем я провинился перед пустыней? Тем, что прикоснулся к одной из ее тайн? Скажите «нет», и я забуду обо всем. Но только не о своем погибшем друге. За него кому-то придется ответить.

Я рывком выхватил шариковую ручку из кармана и отставил руку, словно в ней держал нож. Раздался легкий щелчок выскочившего грифеля.

На ножнах джамбии блеснул лунный свет. Но рука мужчины опустилась не на пояс, а в карман.

– Ох, простите, я не хотел вас напугать. Меня попросили передать вам письмо.

Это было сказано на плохом английском языке.

Я перевел дыхание. С Вив приехали два охранника, оба – арабы. Это, видимо, один из них. Может, письмо от Вив, и она зовет меня к себе? Размечтался.

– Откуда письмо?

– Мне его передал местный мальчишка.

– Положите письмо на землю.

Я вскрыл конверт. В нем лежала фотография: силуэт человека на фоне скалы с сияющим египетским иероглифом. В силуэте я узнал самого себя. Это было предупреждение.

Из трещин плит под ногами лезла сорная поросль, и я прошел немного вперед. Холмик впереди оказался могилой, сложенной из старых каменных плит. Все заросло лишайником. На одной из плит были какие-то надписи. Я взял пучок сухой травы и очистил плиту от песка и грязи. Надпись на арабском языке была мне непонятна. На английском языке было написано:

«Анна Тремайн 1919–1944 гг.»

А дальше были стихи:

*Цветок на растрескавшейся стене,
Я срываю тебя из расщелины
И держу перед глазами – весь, с корешком,
Маленький цветок – но если бы я мог понять,
Что ты такое – корешок, или все остальное²⁰.*

Я отошел подальше от могилы, лег на песок, перевернулся на спину и посмотрел на звезды. Так, должно быть, смотрели на звезды мои египтяне в первую аравийскую ночь.

Слева от меня лежал большой плоский камень. Я положил голову на него, как «учила» Вив, и даже обнял его руками. Он был холодным и шершавым. Но ничего не произошло. Да и не могло произойти. Если даже поверить, что можно выйти за пределы сознания, то на это нужны сверхчеловеческие усилия.

Тем не менее я напрягся и, прижав колени к подбородку, принял позу человеческого эмбриона. Меня никто не видел и можно было подурчиться.

Прошлое, – подумал я, – это не тайна, а кошмар. Можно вообще улететь в невесть какие дали. И не вернуться. Что-то такое говорила Сэл.

В этой позе я почти уснул. И тут началось. Сначала я почувствовал смутное беспокойство. Потом услышал, как рушится пространство, как время обращается в ничто. Будущее вдруг стало настоящим, а настоящее прошлым. Но это был не мой, а чужой мир. И я смотрел на него глазами мертвого свидетеля.

²⁰ Стихотворение английского поэта XIX века Альфреда Теннисона.

Меня охватил ужас. Это невозможно передать. Я почувствовал, что пространство имеет не три, а четыре измерения. Четвертым измерением был я сам.

Начались видения. Я увидел открытый берег, поросший диковинными растениями, тучи огромных птиц, летящих с моря, и далекий, чуть различимый свет давно угасшей звезды. Увидел вереницу людей, устало бредущих по побережью, услышал дикие выкрики всадников, почувствовал сладковатый запах крови. Увидел рвущийся к небу огонь и двух полуголых пьяных баб, с хохотом бегущих по берегу в красных отблесках огня. Их силуэты метались на фоне морского горизонта, как фигуры театра теней.

Видение было четким. И в то же время это был погибший от времени мир, воспоминание о некогда прожитой жизни, но прожитой не мной, а кем-то другим. Не мое, а чужое покаяние.

Усилием воли я попытался выйти из этого состояния, но меня вновь швырнуло в мистическую глубину сознания. Мне показалось, что я стою на пороге поразительного открытия, которое никак не дается мне в руки.

Но тут я с ужасом понял, что могу не вернуться. Все сворачивалось в одну точку – прошлое, будущее, вся моя жизнь.

Несколько странных секунд я находился в пограничном состоянии. Настоящее и прошлое в одно и то же время в одном и том же пространстве. Все и ничего. Я крепче обнял камень, словно это был якорь. Так чего же я хочу – остаться в прошлом или вернуться в настоящее?

Собрав волю в кулак, я кое-как поднялся, проклиная обильный ужин и острую боль в ребрах от неудобного лежания на земле. Надо меньше пить. Это во-первых. А во-вторых... не знаю. В голове расплылась странная пустота, наверно, так чувствуют себя смертники, ожидая исполнение приговора. Все казалось неважным.

Встав на ноги, я рывком расправил плечи, освобождаясь от наваждения, и посмотрел на часы. Все это длилось лишь мгновение.

Передо мной лежал вздутый приливом океан. Может, он материализует память прошлого, как Солярис. Или же я просто ошалел от выпитого виски. И уснул. Так бывает только во сне.

Света в отеле все еще не было. Я зажег свечу, стоящую на подоконнике при входе, и пошел к себе, прикрывая пламя ладонью. Как на картине Чурлиониса «Свеча».

Подойдя к своей комнате, я заметил рассеянный свет под дверью, кто-то перемещался за ней, светя фонарем. Ручка двери начала медленно поворачиваться. Только этого мне не хватало.

Я хрипло прокричал: «Эй, кто там?» Издав резкий щелчок, ручка двери вернулась в прежнее положение. После некоторого колебания я пнул дверь ногой. За проемом открытого окна, освещенного слабым светом звезд, кто-то прихрамывая убежал за прибрежные скалы.

Быстро осмотрев разбросанные вещи, я обнаружил пропажу креста «анх» и выругался. Преследовать беглеца, не зная местности, было глупо. Я снова выглянул в окно. Никого. Только призрак маяка и расплывчатый силуэт покачивающейся на мелкой волне яхты.

Начался отлив. Под скалой, на которой стоял маяк, обнажились острые выступы камней. Завтра надо подумать о том, что рассказал мне Капитан. Опасно в одиночку раскапывать прошлое, если оно заморочено до такой степени.

Я еще некоторое время смотрел на маяк и его долгие вспышки над водой. Потом снял ботинки и повалился на кровать. Прошлое меня больше не интересовало. Хотелось одного – чтобы в дверях появилась Вив, вместе с запахом пустыни, мотая головой и отряхиваясь от песка.

Не знаю, что разбудило меня среди ночи, но вдруг я обнаружил, что сижу на кровати и чутко вслушиваюсь в темноту. Шторы чуть слышно шелестели. Я выскользнул из постели, пересек комнату и подошел к окну.

На небе не было даже намека на рассвет. Покой и неподвижность. Подлинная красота безразличия. То, что надо!

Я проснулся с рассветом и кулаками протер начавшие гноиться по утрам глаза. Надо мной по краям потолочной лепки висели львиные головы, как в покинутой рижской квартире. Но ощущение дежавю быстро прошло. От предвкушения приключений у меня на минуту перехватило дыхание.

В ванной мое растренированное и бледное тело предательски посетило все три зеркала. Нет, с таким телом нельзя начинать новую жизнь. Мне были показаны бег, воздушные и солнечные ванны.

Надев спортивные трусы, футболку и кроссовки, я вышел на дорогу, ведущую к маяку. Справа берег обрывался к морю.

Я спустился вниз и побежал по песку, испещренному пунктирными каракулями крабов. Надо мной по бледно-голубому небу ползли ватные облака. Справа – гигантские холмы, а за ними – синие горы. Слева – серо-зеленое море. Дул сильный ветер, морская вода брызгами летела во все стороны.

Добежав до скал, далеко заступивших в море, я повернул назад. И так несколько раз. Отрезвляющий бег трусцой.

Набегавшись, я сбросил кроссовки, снял майку и поплыл в океан.

Сначала все шло хорошо. Чтобы волна не захлестывала голову, я перешел с кроля на брасс, переплывая волны. Берег быстро удалялся. Но как только я заплыл за береговые скалы, океанская волна потащила меня на камни.

Кое-как выбравшись на каменистую отмель между скал, ослепший и оглохший, я на четвереньках пополз к берегу. Но волна снова догнала меня, проволокла несколько метров по камням, выбросила на берег и рассыпалась с оглушающим грохотом.

Я осторожно привстал на колени, потом поднялся на ноги и, шатаясь, пошел туда, откуда приплыл, стараясь не смотреть на огромный равнодушный океан. Волны, казалось, продолжали меня колотить.

Дойдя до своей одежды, я закопал пораненные ноги в песок. На губах осталось несколько кристаллов соли. Да, это не Балтийское море. Надо быть осторожным.

Меня накрыла тень проплывающей тучи, и сразу же подул ветер. Он погнал песок к воде, а волны смывали его в океан, оставляя на берегу извивающиеся полосы белой пены.

Снова засветило солнце. Прикрыв ладонью глаза, я увидел идущую ко мне Вив.

Она была босая, в обмотанном вокруг бедер желтом платке и футболке, обтягивающей грудь. Сквозь ткань просвечивали темные соски. Или мне так казалось? Волосы, собранные в пучок, были убраны под бейсбольную кепку.

– Эй, Лоренц! Что ты тут делаешь? – она скрестила руки, прикрывая выпирающую грудь. – Извини, но мой купальник еще не высох.

– Извиняю. – Я пальцем ноги показал на извивы морской пены. – На Кипре эти линии считаются знаками пророчества. Тебе это должно быть интересно.

– На Кипре из пены морской вышла Афродита. А здесь, если верить Капитану, море выбрасывает трупы с затонувших кораблей.

Я посмотрел на волну, набежавшую на песок.

– Скажи, докуда дойдет следующая волна.

– Вот досюда, – Вив прочертила пальцем ноги глубокую черту в полуметре от себя.

Так и получилось, вода забурилась в борозде, но дальше не пошла.

– Хватит проверять мои способности. Идем! Завтракать будем на яхте. Я только что оттуда. Сплошное уродство. Каюта доверху набита всякими журналами, низкосортным джином и прочим непотребством. Капитан называет ее «Веселая ракушка». Он нам готовит сюрприз. Хочет показать какого-то мертвеца.

– Согласно английскому морскому словарю, мертвец – это свободный конец веревки, свисающий с паруса или снасти. Его еще называют «ирландский вымпел».

– Я поняла, что это будет настоящий мертвец.

Мы пошли. Вив шла немного впереди меня. Мягкий утренний свет заливал ее шею и плечи, казалось, что она сошла с картины какого-то импрессиониста.

Мои израненные ноги ныли от боли, из маленьких порезов, оставленных камнями, сочилась кровь. Но я старался не обращать на это внимание. Мы ускорили шаг и через несколько минут уже стояли возле яхты.

Это была не яхта, а обыкновенный баркас, пахнувший морской солью и плесенью. Он стоял у примитивного причала, сколоченного из обрезков досок и металлических шпал. Капитан размахивал своей трубкой, привлекая наше внимание.

Мы поднялись на палубу. Казалось – один неосторожный вздох и баркас перевернется. Вода за бортом плескалась и чмокала, как беззубые десны старика. Несколько неизвестно откуда взявшихся женщин, стирающих на камнях белье, глазели на нас как на психов, добровольно взошедших на борт «Титаника».

Капитан стоял у мачты, подставив лицо морскому ветру. Кроме него на палубе никого не было.

– Вы нас не утопите? – спросила Вив.

– Как говорил Одиссей: «Не дрейфить!» – Капитан погладил мачту. – Море мою яхту любит. Вы стоите на тиковых досках толщиной в дюйм, привезенных из Бирмы. Такого нет ни на одной современной яхте. Когда я ее увидел, она была полной развалиной. А теперь это лучшая яхта на побережье.

Капитан не удержался и шлепнул проходящую мимо него Вив по заднице.

– Получили удовольствие? – она оттеснила Капитана в сторону и прошла дальше на нос баркаса.

– Я что, должен обращаться с тобой, как с богиней? – крикнул ей вслед Капитан.

– Конечно! Я и есть богиня.

– Вчера ты была ведьмой. По тебе осиновый кол плачет.

– Осиновый кол – против вампиров, – поправил я. – Так рождаются дешевые сценарии.

– Но по ним, как ни странно, снимаются самые кассовые фильмы, – Вив облокотилась на перила. – Хватит меня обсуждать. Отвезите нас вон к той лысой горе.

– Напрасная трата времени, там ничего нет, – равнодушно махнул рукой Капитан. – Я отвезу вас к той самой чертовой лазейке, где совершается переход в прошлое. Но сначала надо позавтракать. Лучше тут, на берегу, в море сильно качает.

Мы уселись вокруг огромного серебряного подноса, на котором лежали бутерброды и стояли широкие бокалы на тоненькой ножке с желтой жидкостью. По краям бокалов сверкал аккуратный ободок соли.

Глаза Капитана сузились.

– Здесь, на юге, по утрам надо пить «Маргариту». Такое ощущение, что вбираешь в себя соленый вкус морского тумана.

Я взял бокал и вместе с Капитаном выпил его залпом. После чего подумал о завтраке без прежнего ужаса.

Вив сделала небольшой глоток:

– Только не напивайтесь, – она сняла с губ кристаллики соли.

– А ведьмам можно есть соль?

– Можно. Мы не любим селитру и жир из печени трески.

– Тут наши вкусы совпадают, – поддержал ее я. – Рыбий жир – наказание моего детства.

Вив нырнула в каюту и принесла оттуда еще две «Маргариты». Капитан угрюмо засопел и стал рассказывать, почему он больше не женился.

– Местные женщины мне не нравились. А европейки после войны сидели на диете. Тощие. Ни поп, ни грудей, – Капитан посмотрел на Вив, как будто она была фанатом голодания. – Правда, трахались они отменно, особенно любили выставять свои тощие зады. Поэтому я предпочитал виски и проституток.

Капитан кивнул в мою сторону, провоцируя и меня на откровенность. Я сказал первое, что пришло в голову:

– В сексе я традиционен и брезглив. Поэтому в бордели не хожу, – краем глаза я заметил, что Вив с интересом смотрит в мою сторону.

Капитан удивленно поднял брови:

– Насчет проституток ты не прав. Бордель – это единственная обитель лжи, где ложь становится истиной. Всего две бумажки и можно освободить фантазию. Не надо врать. Не надо нервничать по поводу неудач, – он даже стал загибать пальцы. – В конце концов, платный секс обходится гораздо дешевле и, главное, не превращается в пошлятину. Ты не замечал, что после того, как узнаешь женщину поближе, с ней уже не хочется трахаться?

– Я до сих пор считала, что это относится к мужчинам, – послышался насмешливый голос Вив.

– Ведьма, она и есть ведьма! – прорычал Капитан. – Ты еще не обзавелась членом, как у мужика.

– Мне эта висюлька по-барабану, – Вив приподняла волосы и обрызгала плечи и шею солнцезащитным спреем.

Я наслаждался неповторимостью момента. Впереди, в ста километрах, находился знаменитый Баб-эль-Мандебский пролив, разделяющий Красное море и Индийский океан. Как гласила легенда, давным-давно там была перемычка, соединяющая Азию и Африку. Но один из местных царей сильно обиделся на другого царя, тот якобы соблазнил его дочь. И обиженный царь согнал народ, чтобы прорубить перемычку и утопить обидчика. Работы продолжались несколько лет. Принцесса успела родить, и не один раз. Наконец вода пошла и утопила кучу народа. Еще один вариант Елены Троянской.

По одной из версий, Геркулесовы столбы – это не Гибралтар, это здесь. Один столб у йеменского берега – остров Перим, довольно мрачное место с высоко поднимающимися над морем красными скалами. Второй – у африканского – группа небольших островков, известная как Семь братьев. Где-то здесь была Атлантида. Часть атлантов перебралась в Эфиопию. Недаром эфиопы считают себя особой расой.

– Сегодня далеко от берега уходить нельзя, – услышал я голос Капитана. – Ночью подводные вулканы расперделись, и вода стала слабой. Можно легко угодить в преисподнюю. Ты вчера ночью ничего такого не почувствовал? – спросил он меня. – Всякие там видения и прочее?

– Нет, – соврал я.

Болела нога. Рана была неглубокой, но кровь продолжала течь. Вив наклонилась ко мне.

– Сядь, я перевяжу. Капитан, где у вас тут аптечка.

Пока Вив накладывала мне повязку, мы поплыли. Вдоль моря дул сильный ветер. Небо то темнело, то вновь становилось привычно голубым. Брызги, барабанившие по окнам рубки, искажали линию горизонта. Далеко на востоке одиноко и потерянно гудела сирена.

– На что Капитан так сердится? – тихо спросил я Вив.

– А разве ты не догадываешься? – она обреченно вздохнула, – он считает, что мы с тобой переспали.

– Я скажу ему, что это не так.

– Брось дурить.

Баркас сильно качало. Хлопал парус, скрипели доски.

Капитан стоял у штурвала и выглядел очень сердитым. На его лбу выступили капли пота. На руках вздулись красные рубцы.

Я переместился на нос яхты, поближе к Вив.

– Эй, народ! Все в порядке? – прокричал Капитан.

Один раз яхта так глубоко зарылась носом в набежавшую волну, что я схватил Вив в охапку.

– Убери руки!

– Не бойся. Я не Стенька, а ты не персидская княжна.

– Не понимаю...

– Это русский фольклор.

Ветер переменялся, парус захлопал, яхта, с шегольством описав широкую дугу, понеслась к берегу.

Непонятно как, но мы, не ободрав бока, протиснулись в небольшую бухту, все еще прикрытую ключьями утреннего тумана. Она выглядела довольно мрачно. Скалы на берегу достигали высоты пятиэтажного дома. Причалив к берегу, мы выгрузились на узкую полосу песка.

Тропа круто поднималась вверх. Капитан шел впереди и нес огромный рюкзак. Я слышал его тяжелое дыхание и несколько раз предлагал помощь. Но он не соглашался.

Мы шли всего полчаса, но за это время солнце все же успело съесть наши тени.

Капитан и Вив сели отдохнуть на камни, а я, стараясь не касаться стен, пролез в ближайшую пещеру. Ее своды уходили вверх метров на сорок. Оттуда падал рассеянный свет.

Когда глаза привыкли к полутьме, я осмотрелся в надежде увидеть какую-нибудь надпись, но взгляд уперся в голые бурые стены. По ним ползали волосатые пауки.

Я вышел на солнце. Вив стояла в облаках мельчайшего искрящегося песка, поднятого ветром, склонив голову и пряча лицо в тени широкополой шляпы. Она наклонилась, чтобы что-то поднять с земли, и ее повязанный вокруг бедер платок развязался. Меньше всего мне хотелось увидеть на ней стринги, вросшие в задницу. Но нет, на ней были нормальные белые трусы. Она успела неплохо загореть. Я представил ее древней египтянкой с подведенными глазами, в парике, в набедренной повязке и с голой грудью.

– Вы не там ищите, – голос Капитана выразил глубокую тоску похмельного утра.

Мы пошли дальше вверх по склону и вскоре остановились на краю небольшого провала.

– Там, внизу, начинается лаз в пещеру. Она естественного происхождения, но для большей надежности стены укреплены деревянными брусьями и каменными блоками. Там много змей, так что зрелище не для нервных.

Мы с Вив переглянулись. Капитан продолжал:

– Я открыл эту пещеру очень просто – просунул руку в отверстие и вытащил оттуда ядовитого скорпиона, вцепившегося мне в палец.

Он скинул с плеч рюкзак и вынул оттуда резиновые бахилы, плотные брезентовые куртки и шляпы.

– Натяните это на себя.

Скользя по каменистому склону, мы спустились на дно провала. Пыхтя, Капитан откатил камень от входа в пещеру, прежде чем я сумел ему помочь. Вход оказался лазом. А камень – аллюзией на Гроб Господень.

Капитан зажег факел, и мы протиснулись в лаз. Свет от огня заметался по потолку. Поворот, еще поворот, лаз сузился, и его пришлось преодолевать на четвереньках. И вот мы в небольшой пещере. В свете огня я увидел часть спины довольно упитанной змеи желтого цвета с темными пятнами и полосками.

– Рогатая випера, – пробубнил Капитан. – Очень ядовита. Осторожно, там вырыта глубокая волчья яма, охраняющая покойников от грабителей. Я перебросил через нее деревянные мостки.

– Покойников?

– Да, это древнеегипетское захоронение. А что? Древние египтяне породили множество мифов. Но это не значит, что они сами – есть вымысел.

Я скрестил пальцы, чтобы отогнать призраков, которые могли тут быть, и приготовился вдохнуть запах гнили, заранее сморщив нос. Но пахло чем-то совершенно непонятным.

Согнувшись в три погибели, мы протиснулись в еще одну узкую щель. За ней простирался огромный грот. Его своды уходили ввысь метров на двадцать, и к нему со всех сторон по кругу примыкали глубокие ниши. В них лежали мумии. Без гробов и саркофагов. Никакого убранства. Только обломки дерева и черепки на полу.

Факел немного притух, и своды грота заполнили наши подрагивающие тени. Мы молчали. Любые звуки казались вторжением в вековое молчание.

Капитан осветил лежащий под ногами мусор:

– Я думал, что их всех ограбили до нитки еще в доисламские времена, поскольку египетские надписи сохранились. Но, скорее всего, никаких драгоценностей здесь никогда и не было.

– Значит, финикийское золото лежало в другом месте?

– Да, если оно было. Что-то определенно можно сказать только о двух финикийских кораблях. Один утоп в песке на берегу. Другой, видимо, разобрали на топливо.

– Сколько же надо было времени, чтобы мумифицировать всю эту ораву?

– Нисколько. Естественная мумификация. Такое бывает. При определенных условиях. Это были поджарые солдаты со слабым жировым слоем. При жизни они много пили, – Капитан цокнул языком. – Кожные покровы трупов ломкие, но не распадаются. Их даже не потрошили. Внутренние органы полностью высохли. Кроме того, здесь по непонятной причине нет пауков.

Я посмотрел на стены. Иероглифы были почти не видны. Но имя Таисмет, заключенное в картуш, можно было прочитать. Значит, Капитан вчера говорил об этой своей находке.

– А вот это – бог Мину, владыка Восточной пустыни, – Капитан показал на единственный рисунок, скрытый до этого в темноте.

– Археологи знают об этом захоронении?

– Нет. И я не хочу, чтобы узнали. Сначала я куплю эти земли.

– Нам вы доверяете? – я выгреб из-за шиворота пригоршню песка.

– Мне нужна легенда для привлечения туристов. Вот вы мне ее и напишете.

– Что написано на этих стенах?

– Текста очень мало. Корабль, на котором сюда приплыли египтяне, был не египетским, а финикийским, и приплыл он из Иудеи. Скорее всего, у команды была инструкция, написанная самим Соломоном. Почему они отклонились от курса, непонятно. Видимо, египтяне им хорошо заплатили. Тут финикийцам и пришел конец. Потом на египтян напали местные племена катанитов. В этом захоронении около пятидесяти трупов. Похороны прошли в спешке. Но это и неплохо. Когда пора настанет, никто из них не перепутает свои внутренности с чужими, – Капитан загоготал, довольный своей шуткой. – Одна из мумий была старательно забинтована льняными повязками и сохранилась лучше. Я ее разбинтовал. Скорее всего, это был командир. Парня подстрелили из лука, причем сзади. То ли он не вовремя повернулся, то ли вовремя не обернулся. – Капитан подумал, что сказал, и решил уточнить: – Я думаю, что его мог подстрелить кто-то из своих.

– Где этот парень теперь?

– Я допустил ошибку, и он очень быстро рассыпался в прах. Остались лишь парадные сандалии с декоративными ремешками. Они тоже у меня в библиотеке. И еще, я успел нарисовать его портрет. Беднягу похоронили без надгробной маски, его лицо было прорисовано густой краской прямо по льняным бинтам. Плохая работа, плохой холст. Но у меня портрет получился хоть куда! Хотите посмотреть?

– Мы видели. Вы не боитесь, что он вас проклянет?

– Нет, не думаю. Он упокоился с миром. Я верну ему имя, правда, мне для полной достоверности не хватает нескольких знаков.

– Парня звали Аменойнемхет. Это муж нашей Таисмет.

Вив фотографировала все подряд, стараясь не пропустить ни одной ниши. Это заняло довольно много времени. Когда мы выбрались наружу, было уже далеко за полдень.

Капитан снова завалил вход камнем, словно задвинул плиту саркофага.

– Ну, как? – спросил он.

– Впечатляет, – пробормотал я. – Теперь эта пещера будет мне сниться в кошмарах.

Через два часа мы все трое сидели на открытой террасе гостиницы, и я рассказал Капитану, как у меня ночью украли крест. Он буквально зарычал и кинулся к телефону. Через закрытую дверь можно было уловить только отдельные словосочетания: «я тебе уши оторву... а где скульптура?.. разберись... нет, ты заплатишь сполна».

Капитан вернулся.

– Тебя найдут и вернут крест. Береги его. Он хранит в себе главную тайну человечества – тайну смерти. Жизнь, текущая мимо нас, обнажается только в момент смерти. Древние египтяне это прекрасно понимали... Так я могу рассчитывать на вас?

– Рассчитывать? – удивилась Вив.

– Да. Вы напишете мне легенду этих мест?

Вместо меня ответила Вив:

– Я не занимаюсь такими делами. Но если Эдд сделает всю черновую работу, я могу снять об этом рекламный фильм.

Капитан переключил внимание на меня.

– Ну, так что, по рукам?

– Хорошо, если вы дадите мне возможность поработать в вашей библиотеке.

– Там ничего нет. Я работал в библиотеках Каира и Александрии, в архивах, в частных коллекциях. Беседовал с историками. Но никто ничего не знает о египетских беглецах, занесенных судьбой в Аравию. Признаюсь, я не только разгадывал тайну, я искал сокровища. Но ничего не нашел. Кроме двух штырей из бронзы с примесью золота. Тебе незачем проходить этот путь снова. Нужна не разгадка, нужна красивая сказка.

Вив встала.

– Мне пора. В пять часов я должна быть на аэродроме. Эдд, ты проводишь меня до Адена?

Я собрал свои вещи и комом засунул их в сумки. Потом постоял посреди комнаты, чувствуя, что никогда сюда не вернусь. И вышел наружу.

Из дверей выпорхнула Вив. За ней вразвалку вышел Капитан с папкой под мышкой и бумажным пакетом в руке.

– Здесь результаты моих исследований, а это – точная копия египетских сандалий. Носи.

Мы распрощались. Когда я пожимал руку Капитану, с океана прилетел какой-то странный звук.

– Это с вами прощаются призраки кораблей, нашедших свою последнюю пристань в виду маяка.

– Плохая примета?

– Как знать.

Вив забралась в мой джип на переднее сиденье, а в ее машину сели непонятно откуда взявшиеся шофер и охранник. Я рванул с места. Камешки затрещали под днищем, как сало на сковородке. В зеркале заднего обзора взметнулось большое облако пыли.

Я повернул зеркало так, чтобы видеть в нем Вив. Она заметила это и улыбнулась.

– Ты собираешься остаться в Йемене надолго?

– Не знаю. Как получится.

– Что будешь делать? Созерцать? Охранять гарем? Вить чалмы? Головные уборы от Лоренца Аравийского. Звучит неплохо.

Я сделал вид, что не замечаю ее иронии.

– Жена уехала в Россию. Но, кроме нее, меня там никто не ждет.

– Если жена с тобой, то это уже много.

– Там посмотрим. Пока займусь делами фирмы. Съезжу в Мукаллу, поплаваю с аквалангом. Подружусь с какой-нибудь бедуинкой...

– Ты будешь иметь успех. У тебя волосы цвета аравийской степи.

– Серые? Это действительно цвет аравийской степи. Когда дождя нет более четырех лет, арабы называют такие годы «серыми годами», по цвету выгоревшей травы.

Вив скользнула по мне взглядом.

– У тебя классический англосаксонский вид.

– В устах валлийки – это не комплемент.

– Почему? Я патриотка, но не до такой степени.

– Меня все принимают за европейца, но только до тех пор, пока я не начинаю ругаться по-русски.

– А по-латышски ты ругаешься?

– Да, но слов мне хватает минуты на три.

Чувствуя расположение к себе Вив, я начал нервничать. Она держалась просто и уверенно, а я рядом с ней ощущал себя полным болваном.

Поняв мое состояние, Вив накрыла ладонью мою ладонь, которая лежала на рычаге переключения скоростей.

– Из Адена я лечу в Боснию. Мне надо найти своего друга. Живого или мертвого. Сюда вернусь, когда начнется война. Напишу репортаж, что-нибудь типа «Север против Юга».

До аэропорта оставалось еще только несколько километров. Я знал, что когда Вив пойдет на посадку в самолет, на меня навалится беспросветная тоска, еще более сильная, чем ночью.

– У нас еще есть время, – сказал я, – давай посмотрим на египетские сандалии.

Я просигналил второй машине и выехал на обочину. Сандалии были завернуты в вощеную бумагу. Я постучал пальцем по их подошве:

– С каждой очередной находкой я буду вязнуть в этом расследовании все глубже и глубже, на него может потребоваться вся моя жизнь. К черту все!

– А если не будешь этим заниматься, получишь печаль, – Вив завернула сандалии обратно в бумагу и засунула под сиденье. – Капитан прав, после войны здесь начнется туристический бум. Недалеко от Саны уже раскопали дворец царицы Савской. После того как обыватель искупается в ее чарах, ему захочется на море. Там его будет ждать история египетской принцессы, ставшей местной царицей.

Я кивнул:

– Вымысел от начала и до конца.

– Только правда, и ничего кроме правды, – Вив порылась в своем рюкзаке и вытащила оттуда плоский камень величиной с ладонь. – Возьми – это залог моего участия. Египтяне перед боем пытались увековечить свои имена в камне, которые валялись вокруг их лагеря. Несколько таких камней в тридцатые годы нашли недалеко от маяка. На этом камне часть имени Таисмет. Я выпросила его у Капитана.

– Боже, еще один артефакт. Участников той древней истории давно нет в живых, а следы их пребывания на земле множатся с невероятной скоростью. Да, прошлое меня не отпускает.

– Оно всегда добивается своего. Или жестоко наказывает. Тебе уже поздно отступать. Только вперед!

Через час мы подъехали к зданию аденского аэропорта. Я вышел из машины и открыл дверь с другой стороны. Вив протянула мне руку. Я опять почувствовал прохладу ее длинных пальцев.

У входа в аэропорт к нам навстречу кинулся мужчина, в котором я не сразу узнал Джерри. Он расцеловал Вив и уставился на меня. Его губы скривились, изображая улыбку.

– Что вы тут делаете, молодой человек?

– Кручу чалмы.

– Что? Ах, да! Я вас предупреждал, что вы этим закончите.

– Не я один. Скоро вся Европа будет крутить хвосты верблюдам.

– Не знаю, что вы имеете в виду, – Джерри пожал плечами. – Судьба сталкивает нас уже в третий раз. Надеюсь, следующего раза не будет.

Вив решила вмешаться:

– Мистер Лоренц помог мне разобраться в деле Анны Тремайн.

Фраза прозвучала как-то очень двусмысленно, и Джерри разозлился.

– Эта сучка действительно была немецким шпионом. Информация прямо из архивов Ми-6. Они недавно открылись. Я дам тебе дискету, сможешь прочитать, как она выкручивалась на допросах у партизан. Ничего интересного. Такая же шлюха, как и Мата Хари, только умнее.

Прощаясь с Вив, я повернулся к Джерри и поднял согнутую в локте руку: «Свободу Северной Ирландии». Он не удостоил меня даже взглядом. Посмотрев на Вив, я добавил: «Свободу Уэльсу!» Она махнула мне рукой, и они растворились в толпе пассажиров.

Я еще некоторое время смотрел им вслед, потом выругался и, сев в машину, лихо развернулся в сторону Адена.

Аден. 23 ноября 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

Город стоял на вулканическом пепелище в окружении фиолетово-черных скал из застывшей лавы, высотой в несколько сотен метров, с рваными, неровными краями.

Я долго ехал по зигзагам извилистого ущелья Мейн Пасс, воображая, что посещаю космическую колонию землян, так, как ее описывают фантасты.

Судя по схеме, нарисованной Капитаном, пансионат находился в историческом центре Адена – Кратере.

Кратер представлял собой скопище грязных, узких улиц с множеством магазинов, заваленных китайским ширпотребом. Мужчины ходили в белых рубахах, повязав голову платком, скрученным в виде тюрбана. Никаких пиджаков и джамбий. Женщины – всех цветов радуги. Высокие красавицы из Сомали торговали браслетами из расплющенных серебряных монет, пышногрудые индуски трясли спрессованными листьями папайи с изображениями Тадж-Махала. Было много девушек в джинсах и даже в мини-юбках – все, что осталось от бедуинского социализма.

Нужная мне улица сбегала вниз к гавани, огибая несколько кварталов старого города.

Бибиканье клаксонов и мелькание вытянутых из машин рук довели меня до полного оупения. Я инстинктивно свернул к домам в старом колониальном стиле. Здесь было поспокойней. Выбеленные фасады старинных кофеен, уличные музыканты, разноцветные рыночные палатки. Вокруг уличной колонки толпились мужчины. Они подставляли под струю воды сначала раскрытые рты, а потом головы.

Я оказался перед пансионатом почти случайно.

Это был трехэтажный дом, выстроенный вокруг двора-колодца, все комнаты соединялись между собой открытыми галереями.

Дверь под тусклой лампочкой была закрыта. Я постучал и стал ждать. Никто не открывал.

Наконец в окне первого этажа мелькнуло чье-то лицо, дверь отворилась, и на крыльце появился коренастый араб в джинсовом жилете. Он провел меня вовнутрь и прилежно записал в журнал мои данные, хотя за его спиной светился экран компьютера.

– Я могу поместить вас в номер семь. Отличные комнаты с видом на океан. Ванная с душем. Водопроводная вода в санитарном отношении безупречна. Танара! – он обратился к стоящей поодаль молодой девушке, – отнеси сумку господина... м-м... – он стал дальнозорко вглядываться в только что сделанную запись, – отнеси сумки господина Лоуренса в седьмой номер.

К стойке подошел человек, лет семидесяти, и представился на чистом русском языке.

– Николай Константинович Арцышевский, хозяин этого пансионата. Мне звонил Капитан. Пойдемте, я провожу вас.

Он жестом показал мне дорогу. Мы пересекли двор с ухоженным газоном, пальмами и цветущими кустами и стали подниматься вверх по лестнице.

По дороге хозяин ознакомил меня с распорядком дня:

– Завтрак с семи до девяти. Перед этим можно поплавать в бассейне. Обед в четыре часа. Но перекусить можно в любое время. И выпить. Но выпивку заказывайте лично у меня. В восемь вечера – ужин. Потом по выбору – бильярд, карты, рюмка бренди. Когда постояльцев много, мы по субботам устраиваем танцы.

– Какие тут еще развлечения?

– Купание, дайвинг. Все городские пляжи принадлежат отелям, но вход свободный. Народу мало. Не сезон. Да и нет тут никакого сезона. Рыбалка. Тунцов вытаскивают прямо из моря и готовят у вас на глазах. Вы видели причал на берегу? Нет? Оттуда начинаются про-

гулки на баркасе вдоль берега. Команда рядится в одежды пиратов. Дешевка, конечно. Поэтому лучше всего просто полежать с задранными кверху ногами в плетеном кресле-качалке. Это такое длинное, горизонтально вытянутое кресло, в нем легче лежать, чем сидеть. После англичан их осталось много, можно купить. Вы к нам надолго?

– Пока не знаю.

В коридоре второго этажа мы повернули налево. У первой же двери хозяин остановился.

– Здесь, прошу, – хозяин распахнул передо мной дверь.

Номер мне сразу понравился. Гостиная вполне приемлемых размеров, окно, балконная дверь. Работал кондиционер. Стены были покрыты голубоватой побелкой, усиливающей ощущение прохлады. По периметру потолка вился роскошный лепной фриз из белых выющихся цветов и листьев.

Моя сумка уже стояла в ногах огромной двуспальной кровати. Горничная, которую, как я понял, звали Танара, с ударением на третьем слоге, взбивала подушки. Ее зад на фоне постели выглядел весьма заманчиво.

Хозяин заглянул в туалетную комнату, открыл и снова закрыл дверцу стенного шкафа, колыхнул занавески на окнах.

– Ужин через два часа, – сказал он и вышел, тихо притворив за собой дверь.

Я подошел к окну и отдернул занавески. Впереди плескался темно-сиреневый океан. Справа в серовато-красном мареве заходящего солнца темнели гигантские зубурины скал. Слева на соседние дома падала тень от минаретов, стоящих позади гостиницы.

– Танара, ты из Индии?

– Нет, сэ, из Пакистана. Какие будут распоряжения?

Я отрицательно мотнул головой.

В небе угасал закат. Рваные облака вместе с солнцем медленно погружались в воду. Тень от минаретов вытянулась и стала похожа на призрачный парусник с высокими мачтами. Легкий ветерок надул занавески. Поплыли!

– Вот что, – остановил я Танару, которая уже была в дверях, – раздобудьте-ка мне все местные газеты за последние два дня.

– Yes, Sir. Если вам потребуется меню, оно в ящике письменного стола.

– Спасибо, я не буду сегодня есть, но приду.

– Как угодно, сэ.

Дверь за ней бесшумно закрылась. Сэ-эр, не фигу себе!

Первым делом я позвонил в офис Бориной фирмы. Но никто не брал трубку.

Я снова выглянул в окно. Солнце исчезло как-то уж очень быстро, но где-то оно все же было. Тень от минаретов забралась еще выше, словно огромный паук.

Для начала я осмотрел номер, открыл и закрыл дверцы шкафа, изучил ассортимент мини-бара, совершил контрольное падение на кровать из позиции стоя и под конец наведалься в ванную комнату. Она была выложена ядовито-зеленым кафелем. Кабинка с душем из белого пластика стояла в углу, как некое инородное тело. Что ж, могло быть и хуже.

В довершение ревизии я включил телевизор и бегло прошелся по всем каналам. На большинстве из них телевизионная картинка распадалась на дрожащие полосы.

Я расстегнул молнию на своей спортивной сумке и стал укладывать вещи в шкаф. Вешалки на металлической перекладине весело звенели.

По улице проехала машина с включенными фарами, и на стене возник причудливый мир теней, похожих на египетские иероглифы.

Разложив вещи, я зашел в ванную и залез под душ. Пот, высохший на мне за день, образовал соляную корку. После чего снова позвонил в офис, где сегодня вечером должна была дежурить секретарша. Но ее не было. И я кулем повалился на кровать.

Минут через пятнадцать в дверь деликатно постучали. «Войдите». Вошла Танара. «Газеты, сэр». Я полез в задний карман за чаевыми, но Танара повернулась и вышла из номера.

Я бегло пролистал подшивку Aden Times, каждый раз добираясь до раздела спорта, но ничего относящегося к интересующим меня событиям не нашел. Потом развернул несколько номеров Aden Telegraph, но там тоже ничего не было. Только в «Аден таймс мэгэзин» на второй странице была заметка, посвящена исчезновению Жоржа. И в «Арабиан мансли» я наткнулся на очерк под заголовком «Большому Жоржу – большой пирог». Там было про оружие. Фирму Бори, а теперь и мою, ждали большие неприятности.

Я тряхнул еще влажными волосами и посмотрел на часы. Было полвосьмого. Пора звонить Марсо.

В трубке раздался громкий гудок международной связи. Еще гудок. Снова гудок. Странно. Последний гудок коротко оборвался.

– Аллю! – это была дочь. – Привет.

– О! Здравствуй, папка.

Продолжительный звонок прямо в телефонную трубку.

– Я разбудил тебя?

– Откуда ты говоришь?

– Из Адена. Как у вас дела?

– Хорошо.

– Как мама?

– Скучает.

– Попроси маму к телефону.

– А ее здесь нет. Она у соседки.

Вдруг она закричала так пронзительно, что у меня зазвенело в ушах: «Мам! Мам! Папа звонит».

– Не кричи в трубку!

– Ма-ам!

Брошенная трубка гроыхнула о стол.

Я посмотрел на фотографию своего подмосковного дома, выпавшую из записной книжки. Бестолковое и недостроенное двухэтажное сооружение из кирпича, покрытое гофрированным железом. Перед фасадом торчит большая сосна, которую Марсо не захотела рубить. При сильном ветре она будет стучаться о дом.

Я слышал, как приближается голос Марсо, и сделал глубокий вдох в ожидании предстоящей экзекуции.

– Спасибо, что позвонил. Ты где?

– В Адене. Здесь жарко и тоскливо.

– Где, где?

– Помнишь, десять лет назад мне предлагали работу в Йемене.

– Ты не мог забраться от меня еще куда-нибудь подальше? Кто тебя надоумил?

– Боря.

– Йемен-твою-мать! Все что я могу сказать.

– Ты даже не представляешь, что это за место. Ни деревьев, ни земли. Это кратер потухшего вулкана, заполненный морским песком. Лава и песок. Стены кальдеры не пропускают ветер, и люди чувствуют себя, как на жаровне.

– Повторить про йеменскую маму?

– Послушай, дорогая, мне надо заработать немного денег, чтобы мы могли вылезти из долгов.

– Здесь в Москве люди делают деньги, какие тебе и не снились.

Я крепче прижал к уху телефонную трубку и стиснул зубы.

– Чтобы делать деньги, одного лишь ума мало.

– Я тут встретила Колю. Он занялся продажей страховых полисов одной австрийской фирмы...

– Кончай мне тыкать «что-то, где-то!» – я вспомнил высказывание Бальмонта и почти прокричал в трубку: – Деньги зарабатывать нетрудно. Трудно их зарабатывать, делая то, что тебе нравится и чему стоит посвятить жизнь.

– Выбор за тобой.

Я вылез из ботинок и сунул ноги в кроссовки. Трубка, прижатая плечом к уху, соскользнула и грохнулась на пол.

– Что случилось? – голос Марсо затерялся под моими ногами.

– Ничего не случилось, – я поднял трубку и снова прижал ее плечом к уху. – Неужели ты думаешь, что я прямо сейчас поползу в Москву по телефонной линии. Телепортироваться и то легче.

– Это все, что ты можешь сказать?

– Что все! Опять ты за свое. О боже! Я не яппи и никогда им не стану. Ты это прекрасно знаешь. Я не буду сличать активы и пассивы, которые принадлежат не мне, а какому-нибудь сукиному сыну? Не буду, и все! Преподавать экономику за копейки? Тоже не буду! Здесь в Йемене я сам себе хозяин. Да, да, спасибо Боре. Он тоже сукин сын. Согласен! Но свой сукин сын. Нет, он меня не купил. У нас договорные отношения. Я свободный художник. Над всеми есть кто-нибудь более сильный. Вопрос в том, на какую степень зависимости согласиться. Да, да, да! Я очень благодарен тебе за переезд в Москву. Сам я бы никогда на это не решился. Я понимаю, как ты устала. Никто твоих заслуг не умаляет. Сколько можно говорить об одном и том же. Согласен, не каждая женщина смогла бы так успешно справиться со всем этим, а ты смогла.

На мой двухминутный спич Марсо ответила пятиминутной истерикой. У меня заболела голова.

– Хорошо, – я еле сдержал раздражение. – Ты, как всегда, во всем права... Но сейчас тебе придется подождать. Все, все, дорогая, запиши мой телефон. – На той стороне опять раздались всхлипы. – Спокойной ночи!

Я встал с кресла, выключил свет и снова подошел к окну. Вдоль портовых сооружений протянулась ярко-желтая линия огней, обозначающих край моей Ойкумены.

Все бабы дуры, но не потому что дуры, а потому что бабы. Марсо права в одном – я пускаю дело на самотек и откупаюсь от нее деньгами. А что мне еще остается?

Я позвонил Косте.

– И что ты забыл в Йемене? – обиделся он. – Можно поменять реальность, но поскольку она многовариантна, есть опасность опять промахнуться. Вспомни Рембо.

Сделав шаг назад, я упал на кровать и вытянулся на ней во весь рост. В окно влетел шум океана.

– Я – не Рембо. Постараюсь тут не задерживаться.

В этот момент в коридоре послышалось бряканье цепей и скрип колес. Ничего себе.

Я спустил ноги с кровати, нашарил кроссовки и вышел в коридор. Там было темно и пусто. Откуда-то доносилось постукивание бильярдных шаров. Я рассеянно уставился на дверь в конце коридора, ведущую, видимо, на черную лестницу.

Да, привозить сюда Марсо и дочь – полное безумие.

Я вернулся в номер, снял трубку телефона, все еще влажную от недавнего разговора, и еще раз позвонил в офис. Но никто не ответил.

В дверь постучали, и старческий голос промямлил: «Ужин, сэр».

«Да-да, сейчас иду».

Я перекатился по кровати к шкафу и переоделся. Серые брюки, белая рубашка. Сойдет. Коридор был покрыт ковром с густым ворсом, и я несколько раз о него споткнулся.

Столовая располагалась этажом ниже. Высокие потолки, вереница столов. Внешнюю стену опоясывала терраса, там тоже были расставлены столики. Окна выходили на тихую улицу, за которой виднелось море.

В дальнем углу симпатичная пианистка тарабанила на рояле мазурку. За ней на стене висел большой портрет Артюра Рембо.

Все постояльцы сидели за большим круглым столом.

Ко мне подошла Танара, держа в руках поднос. В большой рюмке зеленела какая-то жидкость.

– Что это?

– Мой фирменный аперитив, – сказал хозяин. – Только для европейцев.

Я поднял рюмку и залпом выпил все содержимое. Липкая жидкость пошла круто вниз и попала в самую точку. Но горло сразу же онемело. Напиток оказался очень крепким.

Хозяин одобрительно посмотрел на меня.

– Добро пожаловать в нашу теплую компанию.

Я смахнул сырость с уголка губ.

– Лоренц. Эдд Лоренц, – представился я в стиле агента 007. И сел за стол.

Хозяин представил мне всех, сидящих за столом, но я был невнимателен, вежливо кивал и запомнил лишь две фамилии и одну профессию.

Молодой мужчина в очках, растопырив на столе локти, некрасиво ел кусок мяса. Кажется, он даже не слышал, о чем тут говорят. По всем признакам это был представленный мне археолог.

Справа от него сидел пожилой мужчина с чуть красноватым лицом в темном льняном костюме и голубой рубашке. По его жилету висала золотая цепочка. Он производил довольно внушительное впечатление и упорно не спускал с меня глаз. Скорее всего, это был мистер Гилберт. Рядом с ним сидела шикарная дама, лет сорока, видимо, миссис Гилберт. Красивое лицо с высокими скулами и большими темными глазами. На ней было легкое цветастое платье, открывающее ложбинку между грудей и изящные руки. Ее взгляд моментально отметили мой помятый вид.

Справа от них сидел молодой парень с лицом суфийского аскета. На нем была выцветшая футболка с неразборчивой надписью. Я прозвал его Муридом – послушником суфийского братства. Следующей была молодая девушка, напоминающая фарфоровую чашку. Голова в коротких белых кудряшках, круглое лицо, большие, широко расставленные глаза, длинное платье с белоснежным воротничком. Я запомнил, что она работает на какую-то благотворительную организацию при ООН, и прозвал волонтеркой. За ней, развалившись на стуле, сидел господин Дюваль, фамилию которого я тут же переименовал на Дю. Круг гостей замыкал высокий, небритый араб по имени Али, с платком на голове, закрепленным жгутом – угалем.

Волонтерка рассказывала всем, как жила в общине хиппи вместе с подружкой и жарила всем котлеты из обрезков мяса и увядшей зелени, подобранной после закрытия рынка.

Официант принес мне на подносе тарелку с тушеной рыбой и овощами. Несмотря на выпитый аперитив, аппетита не было никакого. Я вяло отделял рыбу от костей, запивая ее минералкой. Интересно, что свело этих людей вместе. Не назревает ли здесь детектив в духе Агаты Кристи. Хватит с меня трех расследований.

От второго блюда я вообще отказался. Официант тут же услужливо поставил передо мной металлическую вазочку с подтаявшим мороженым. Я покопался в нем ложкой. Нет, это был не пломбир моего детства, за двадцать копеек, в хрустящей вафельной вазочке, намазанный большой ложкой.

– Я слышала, что вы из России, – повернулась ко мне миссис Гилберт.

– Почти.

– Вы не поверите, но я была в Сибири. Зимой. Мы с мужем и еще тремя бизнесменами вели переговоры о поставках леса, – миссис Гилберт вдруг оборвала рассказ и за столом возникла неловкая тишина.

– Самое интересное началось потом? – задал я естественный вопрос.

– Вы правы, нас повезли мыться.

– В баню?

– Да, в баню. Это такой деревянный дворец с бассейном посреди глухого леса. Мы от холода чуть было не залезли в камин. Русские помылись и стали угощать нас водкой. Сами они пили со скоростью курьерского поезда. Им ничего, а мы через час уже не стояли на ногах. Потом из леса пришли женщины. Очень красивые. Но что толку? Мои мужчины боялись отойти от камина. А русские разошлись по номерам.

– Женщины пришли прямо из леса?

– Так нам показалось. Когда русские вернулись, мы запросились обратно в гостиницу. Но нам ответили, что все выпили и некому вести машину. Мы спросили, а где же водители. Нам ответили, что они тоже выпили. Как же так? И тут один из русских сказал такое, что я не поверила своим ушам. Он сказал: «Должны же люди отдохнуть». Мы маялись у камина всю ночь. Утром нас отвезли в гостиницу, а в два часа дня – подписывать документы. Весь день мы не знали, как избавиться от головной боли. Я больше не хочу в Россию. Это варварская страна. Там по улицам городов ходят медведи.

Все посмотрели на меня.

– Медведи? – переспросил я, – не видел.

Миссис Гилберт порылась в сумочке и протянула мне фотографию: поросль молодого леса, на переднем плане – шесть мужчин в мохнатых шубах и шапках. Рядом с ними медведь. Немного в стороне от них – женщина с взъерошенной копной волос, подстриженных коротко. Это была сама миссис Гилберт. Среди мужчин я с удивлением узнал Бальмонта.

– А этот что там делал? – я показал на него пальцем.

– Это еще одна история. Вы не поверите! Он интересовался не лесом, а оружием. Там, в тайге, на заснеженной поляне мы наткнулись на пятнадцать брошенных танков. Он выяснял, у кого их можно купить. Удивительная страна.

Я чуть было не поперхнулся минералкой. Охренеть можно.

Слово «охренеть» я, видимо, произнес вслух. Мурид с интересом смотрел на меня. Неужели он знает русский язык?

Но все остальные тоже смотрели на меня. Пятнадцать брошенных посреди леса танков явно не укладывались у них в головы. Надо было что-то сказать. Я подарил всем обаятельнейшую из своих улыбок, и сказал:

– В России танков на три полномасштабных войны. Их просто некуда ставить.

Сквозь узкие окна проглядывало море, окрасившееся около освещенной набережной в винный цвет облетающих кизилевых листьев.

Мое мороженое почти полностью осело, словно сдувшийся воздушный шар.

– Не надо ругать русских, – мистер Гилберт тоже не захотел есть мороженое и тяжело откинулся в кресле. – Когда здесь хозяйничали русские, арабы тайком вспоминали англичан. Когда же русские ушли – оказалось, что лучших друзей у них никогда не было.

– Зачем вам русский лес? – спросил я.

– Хочу построить здесь «исламский» отель, в полном соответствии с законами шариата. Пять раз в день должен звучать голос муэдзина, меню без свинины, никакого алкоголя. Бассейн. Женщины в закрытых купальниках и накидкой на голове.

После России разговор перешел на другие темы.

– Вы были в Соединенных Штатах? – спросила меня миссис Гилберт.

– Был, но тут же уехал. Мне сказали, что индейцы считают белый скаल्प особенно ценным.

– Да вы что? – миссис Гилберт от возмущения уронила вилку. – В Америке больше не снимают скальпы.

– А в России медведи по улицам не ходят.

Миссис Гилберт сразу же поняла шутку:

– Ах, вы какой! – она улыбнулась и погрозила мне пальцем.

– У меня вопрос к нашему гостеприимному хозяину, – проворковала волонтерка. – Сэр, что происходит? Какие-то непонятные звуки. Кто-то бродит ночами по коридорам. У нас завелся лунатик?

– Это не лунатик, – возразил Мурид, – я видел белую фигуру, скользнувшую от входной двери через холл по направлению к лестнице. Это привидение.

– Ничего удивительного, – вставил я, вспомнив странные звуки за дверью. – Здесь все пропитано викторианским духом. Привидения это любят.

– Неужели привидения существуют? – театрально ужаснулась миссис Гилберт, одаряя всех своей обворожительной улыбкой.

– Существуют. Но здесь их не может быть. Когда солнце заходит, на отель падает тень минарета, – авторитетно прогундосил археолог.

– Когда вы его видели? – спросил хозяин у Мурида.

– Вчера вечером.

– Глупости, – пробурчал мистер Дю, – кто-то ночью перебежал в чью-то постель.

– Может, это дух Артюра Рембо? – миссис Гилберт показала на портрет поэта, висевший на стене.

– Он жил в этом доме? – спросил кто-то.

– Да, он прожил в Адене больше десяти лет, из них два первых года на верхнем этаже этого дома, – в голосе хозяина прозвучала неподдельная гордость. – Работал в местном кафе. Но вскоре понял, что на кофе много не заработаешь, и стал торговать оружием, – хозяин покопился на меня. – В подвале сохранились кое-какие его вещи. Вернее, я говорю, что это его вещи. А портрет прямо из Парижа. Не бог весть что, но есть о чем рассказать постояльцам. Вначале я назвал свой пансионат «Приют Рембо». Но после фильма «Рэмбо» поменял название. «Дом Рембо», который показывают туристам в Кратере, не имеет к поэту никакого отношения. Сейчас там отель и ресторан, которые носят его имя.

– Как интересно. Но вы так и не сказали, кто бродит по ночам, – не унималась миссис Гилберт.

– У меня нет тайн. Но не все можно рассказывать в присутствии молодых дам, – хозяин поклонился в сторону волонтерки, – а также... э-э... воителей ислама, – он посмотрел на араба.

– Насчет привидений нам пусть расскажет уважаемый историк, – мистер Дю придал своему голосу максимум иронии. – У него есть аппарат, точно такой же, как в фильме «Ловцы привидений». Пусть он устроит спиритический сеанс.

– Я не устраиваю спиритические сеансы, – проворчал археолог, не поднимая головы от тарелки. – Мой аппарат усиливает звуки прошлого, воспроизводит древние фонограммы, записавшиеся естественным образом на поверхности камней и глиняных сосудов.

– Ваш аппарат – это зло, – резко сказал мистер Дю.

– Как это возможно? – заинтересовался Мурид.

– Звуковые колебания не исчезают полностью, – археолог, наконец, поднял голову, и в его глазах появился огонек. – Здесь, в Йемене, они по каким-то причинам сохранились лучше всего. Я думаю, что это из-за пустыни. Песок находится в постоянном движении, он стирает следы людей, животных, целые города. Поэтому то, что осталось, то, что не стерто песком, более красноречиво, чем в других местах. Не верите?

– Никогда не поверю, что камни могут сохранить звук, – рассерженно отреагировал мистер Дю.

– Почему нет? – обиделся археолог. – Камни тоже подвержены истории. На них остается патина, их выедают воды и человеческие страсти. Так почему же на них не может отпечататься звук? Звуки можно найти везде – во льду, в болотном торфе, на сломанных конечностях и пустых черепках. Единственно, что нам недоступно, это мысли и чувства тех, кто уже по ту сторону Стикса.

Все перестали есть, обдумывая только что услышанное.

– В песках нет истории, есть только череда событий, – не отступал мистер Дю. – Я провел здесь двадцать лет и знаю, о чем говорю. У бедуинов нет исторического времени. Просто нет, и все. Есть только циферблатное время. Между двумя событиями находится лишь отрезок циферблатного времени. Это понятно?

– Понятно. Истории нет.

– А прошлое есть? – спросил я.

Мистер Дю удивленно уставился на меня, как будто до сих пор считал меня глухонемым.

– Прошлое как бы есть, – его голос потерял былую уверенность. – Но пустыня снимает психологическую потребность в прошлом. А значит, его нет.

– Тонкое замечание, – согласился я.

– Если историческое время в пустыне только иллюзия, – подала голос волонтерка, – то, что имеет значение?

Мистер Дю окинул ее снисходительным взглядом, но промолчал.

– Ничего, – ответил за него археолог. Он явно не хотел вступать в разговор и поэтому говорил, растягивая слова. – Если нет истории – нет ничего. А прошлое можно прокрутить назад, как фильм на старом кинопроекторе. Не верите?

Я ответил за всех:

– Почти верю. Можно после ужина на вашем аппарате проверить одну мою догадку?

– Буду очень рад.

Я начал делать выводы. В отношении археолога все более или менее понятно. Он, конечно, немного «того», но может пригодиться. Как здесь оказался Мурид, тоже понятно. «Космополитическая элита бедноты» на исламский манер. Ни гроша в кармане, а ездит по мусульманским странам в поисках божественных откровений. Интересно, кто ему оплачивает отель? С мистером и миссис Гилберт тоже ничего не понятно. Они могли бы жить в пятизвездочном отеле. Волонтерка, судя по всему, изучает арабский язык. Араб совсем непонятен. Остается мистер Дю. Что он тут делает?

Ужин закончился. Мы поднялись со своих мест – общий разговор все равно подошел к концу. Хозяин вытер губы салфеткой и бросил ее на стол:

– Прошу всех в гостиную пить кофе.

За чашкой кофе я внимательнее рассмотрел миссис Гилберт. У нее были приподнятые каштановые волосы, продолговатое лицо и фигура с округлыми формами, как у моделей из каталога дамского белья.

После кофе все разошлись. Мы с археологом пошли к нему в номер. Он действительно был не от мира сего: наспех накинутая куртка, торчащий спереди из штанов край рубашки, расшнурованные ботинки.

По дороге я прихватил из своего номера осколок кувшина и египетскую косметичку.

Археолог вытащил из секретера какое-то устройство и включил его в сеть. Оно зажужжало, потом появился тонкий световой луч. Археолог направил его на внешнюю поверхность стоящего на письменном столе глиняного сосуда, в котором он, судя по всему, тушил сигареты. В динамике раздались шорохи, потом протяжные звуки. Потом все смолкло.

– Этот старый сосуд сделан на гончарном круге. Во время работы гончар пел песню, и звуковые колебания через кончики пальцев перешли на поверхность сосуда как на пластинку.

Все это меня не очень впечатлило. Но я старался быть вежливым.

– Меня больше интересуют древние отпечатки пальцев. Если вы можете уловить звук, то, наверно, можете снять и отпечатки пальцев.

– Наверно, можно, но я этим не занимаюсь.

– Вот два отпечатка: на кувшине и на косметичке. Тот, который на кувшине, очень плохой. Вы можете подтвердить или опровергнуть их идентичность?

– Попробую.

Он направил луч своего аппарата сначала на косметичку, потом на кувшин и уставился на экран компьютера. Прошло минут пять.

– Да, это один и тот же отпечаток, – археолог заметно воодушевился от неожиданно открывшихся возможностей своего аппарата. – Не хотите послушать голоса?

– Хочу.

Он стал водить лучом по поверхности моего кувшина. Через минуту действительно раздался шорох, который вряд ли в здравом уме можно было принять за человеческий голос. Но дальше произошло то, от чего волосы встали дыбом. На фоне шороха появился членораздельный звук.

У меня возникло легкое головокружение. Образы возникали сами собой, один за другим, так бывает, когда едешь по серпантину дороги и одна радиостанция вдруг перекрывает другую.

Я посмотрел на археолога, уткнувшегося носом в экран компьютера. Глаза его горели.

– Невероятно, невероятно. Такого чистого звука я еще никогда не получал, – он встал, снял рубашку, обнажив свою довольно хилую грудь, закурил еще одну сигарету и нервно откашлялся.

– Что дальше? – спросил я в раздражении.

– Не знаю, – ответил он, потирая от волнения губы и пялясь на экран. Я щелкнул пальцами перед его носом, чтобы привлечь внимание:

– Запишите мне произнесенные слова.

– Уже записал. Вот смотрите, – он повернул ко мне экран.

Я увидел три слова, написанных латинскими буквами.

– Что это значит?

– Откуда я знаю. Может быть, ничего. Спросите у египтологов.

– Фонетика древнеегипетского языка неизвестна. Мы не знаем, как произносились слова.

– Но есть же коптский язык. В столовой нам прислуживает красивая девушка. Ее зовут Джанта. Она – копт. Спросите у нее. В коптском языке присутствуют огласовки, которые ученые используют для реконструкции звучания некоторых древнеегипетских слов.

– Как бы там ни было, примите мою благодарность.

Я записал слова на клочке бумаги и вышел в коридор.

В конце концов, одно из свойств материи – отражать. Этого вполне достаточно, чтобы предположить, что через определенное количество лет можно услышать некогда произнесенные слова. Но пора завязывать. Скоро и запах верблюда будет мне казаться посланием из прошлого.

Я еще раз принял душ и, не вытираясь, вышел на террасу.

Было уже что-то около десяти. За моим отражением на темном стекле стенал ветер.

Я сел в одно из плетеных кресел и, закрыв глаза, стал ждать, когда снизойдет благодать.

– Можно нарушить ваше одиночество?

Это был хозяин.

– Да, конечно, – к своему удивлению я не почувствовал никакого раздражения.

Хозяин пододвинул стол и подтянул ногой одно из кресел.

Танара поставила на стол поднос: открытую бутылку виски, два стакана, уже наполненных на три пальца, сифон, окованное серебряным обручем деревянное ведерко со льдом, небольшую тарелку с ломтиками поджаренного хлеба и вазу с финиками.

– За встречу! – хозяин отпил из стакана.

Я последовал его примеру.

Хозяин вытер губы тыльной стороной ладони.

– Можете звать меня просто штабс-капитаном. Я получил это прозвище в кадетской школе, в Сербии. Там осело много эмигрантов. – Штабс-капитан прикрыл на секунду глаза. – А ваша фамилия для Аравии, прямо скажем, необычна.

– Я не Лоуренс Аравийский, а просто Лоренц. Немецко-латышская фамилия. Типа Кранц, – я закинул в рот расплзающийся финик. – Кстати, в Союзе писателей штабс-капитаном звали Михаила Зощенко.

– Читал, читал, – штабс-капитан закурил сигару. – Что привело вас сюда, на край света?

Я проследил за витками ароматного дыма, почти невидимого на фоне темного неба.

– Сам не знаю. Наверно, усталость от борьбы. Я не смог принять новые правила игры.

– Не смогли или не захотели?

– Не знаю.

– Я до сих пор не понимаю, что у вас там в бывшем Союзе происходит.

– Если судить по количеству абсурда, то происходит революция. Медленная казнь государства под гогот юродствующих мерзавцев.

– Вам это государство так дорого?

– Я был против того, чтобы демонтировать его таким идиотским образом.

– А разве в России можно что-то сделать не по-идиотски? Вы коммунист?

– Да, белый коммунист. Если, конечно, вам это что-то говорит.

Штабс-капитан надолго замолчал, глядя куда-то поверх моего плеча.

– Мне, сыну белого офицера, конечно, говорит. Вы, как в свое время и мы, не предали свой мир. Не знаю, из-за самоуважения или по каким-то другим причинам, – он нервно взмахнул рукой и чуть было не выронил стакан. – Коммунисты сейчас в положении Белой гвардии. А новоявленные русские демократы как бы на платформе ВКПБ. Не могу утверждать, но, как мне кажется, ваши демократы сбросили с себя все нормы приличия. На телеканалах какое-то мракобесие.

– Не смотрите телевизор перед обедом, – улыбнулся я. – Вы правы. Русская демократия и русский большевизм во многом схожи. Это как два сорта дешевой водки. Народ пьет, чтобы не думать.

Штабс-капитан со смехом оценил мою шутку.

На чернильном небе сверкнул ослепительный зигзаг молнии, и терраса на мгновение осветилась призрачным желто-зеленым светом. Со стороны океана прилетел рыдающий женский хохот.

– Это и есть наше привидение? – спросил я.

– Это волны. Я знаю здесь каждый звук. Сюда доносится шум самолетов. Крики чаек. Грохот открывающихся ювелирных лавок. Иногда – крики отдыхающих. А в такие ночи, как эта, – только волны.

Ветер завывал с удвоенной силой. Он громыхал по крыше и проникал сквозь оконные щели. Развешанные над бассейном лампы раскачивались на ветру, и по саду металась беспокойные тени.

Штабс-капитан сощурился и оглядел горизонт. Потом протянул мне тарелку с тостами.

– Попробуйте, хлеб из сорго хорошо восстанавливает мужскую силу.

– Боюсь, что она мне здесь не понадобится, – ответил я и принялся грызть сухарь.

– Не все так плохо. Этого добра везде хватает, – штабс-капитан шелкнул языком. – Не хотите завтра прогуляться по городу? Посмотрим, что и как, заглянем в одно из моих кафе? У меня их два.

– С удовольствием.

Вернувшись в свою комнату, я сел в кресло перед телевизором, но так и не включил его.

Ветер разогнал тучи и успокоился. Небо было усыпано звездами. Луна лениво катилась над черным силуэтом скал, опоясывающих кальдеру. Мне захотелось раскрыть объятия и поблагодарить всех, в том числе и Аллаха, за то, что я попал сюда, пусть и ненадолго.

Одну задачу я уже выполнил. Похищенный груз найден и оплачен. Осталось две задачи: найти Айдида Фараха и разобраться с египетской головоломкой.

Перед сном я еще раз перечитал ответ профессора на мое письмо, посланное из Германии, в которое я вложил вырванные листы из книги о тайнах XXI египетской династии:

Сообщаю. О немецкой экспедиции в Египет и раскопках гробницы Буль Бура можно прочитать в недавно опубликованных археологических отчетах. К своему стыду, я о них не знал. В гробнице действительно нашли фрагменты протоколов судебного заседания по заговору Та Исет, или, как мы полагаем, Таисмет, которые вместе с донесениями неизвестного происхождения дополняют нашу историю.

Вас интересует, кто из приближенных Таисмет – предатель и убийца.

По дневникам сcribe, по папирусу в чреве ушебти и приложенным артефактам – косметичке и осколку кувшина можно предположить, что убийца подделывал гончарные изделия. В протоколах судебного заседания убийца, конечно же, не назван. Там нет и никаких сведений о горшочнике. Будем искать сами.

Начнем с Усеркафа, начальника полиции Западных Фив. В протоколах о нем почти ничего. Но есть другие источники. На удивление, честный человек. Пытался остановить разворовывание гробниц. Выступал свидетелем на нескольких судебных процессах. Но безуспешно. Воры были оправданы. Его самого пытались обвинить в воровстве. На судебном заседании по делу заговорщиков его защита чуть было не выступила в роли обвинения всей вороватой жреческой верхушки Фив. Поэтому защиту отвели, а дело рассмотрели в ускоренном порядке.

Далее – Амни, бывший правитель провинции Куи. О нем в протоколах больше, но в других источниках – меньше. На посту правителя ничем себя не проявил. Самовольно вернулся в Фивы. Можно предположить, что он не справился с поставленной задачей. После его фактически бегства из Напаты власть кушитской царицы Нубии – Анатере возросла неимоверно. Произошло массовое предательство египетских чиновников, которые переметнулись к ней. Амни хотели отдать под суд, но не отдали. Возможно, за это он должен был быть благодарен первосвященнику. Но есть один интересный штрих: Амни – еврей. Даже в протоколах этого судебного дела проскальзывает нелюбовь египтян к гиксосам – семитскому племени, которое когда-то покорила Египет. Но Амни отпадает по другой причине. Ной чуть было не казнил его за предательство. Но пожалел как друга. Об этом вы прочтете в новом отрывке повествования. Хотя... Это еще ни о чем не говорит.

Теперь о Телибра. Материалы его дела очень расплывчатые, а больше ничего по нему нет. Со слов сcribe – его отец был простым пастухом и вел свой род от какого-то малоизвестного в Египте народа. Маленький, толстый, круглолицый, почти горбун, но внушающий доверие. Делал карьеру на неудачах и несчастьях других. Редкий сноб. Завел собственную печатьку – лодка с парусом. Об этом известно, поскольку на суде рассматривалась и его профессиональная деятельность как чиновника. Он вполне мог быть горшечником-любителем.

Что касается Менкаура, сына Кагемни, главы фиванских астрологов, то это типичный древнеегипетский интеллигент. На суде его даже чуть было не оправдали. Перед тем как покинуть Египет, он рассказал своему старому другу, что сомневался в успехе заговора и

даже отговаривал Таисмет. Друг как свидетель защиты выступил на суде и был довольно убедителен.

Следующий – Менемхет. Ему меньше всего можно было доверять. Но он умер в пути.

Кагемни тоже можно исключить. Он умер через несколько месяцев после бегства заговорщиков из Фив.

Секененра. Он действительно пользовался известностью во всем Египте. Его гимны распевали на всех праздниках. В материалах судебного дела он больше всех облит грязью. Жрецы его ненавидели, как ненавидят всех отщепенцев. Свидетели обвинения шли бесконечной чередой. Может, это был просто спектакль, чтобы отвести от него подозрения. Кто знает? Он идеолог заговора. А идеологи часто бывают провокаторами и предателями. Чего стоит наш бывший партийный идеолог Яковлев. Правда, не все провокаторы – убийцы.

И наконец, Небтет. О ней не известно ничего. В протоколах судебного заседания она предстает откровенной иллюхой. В дневниках Неффер пишет, что в ней было “море гордыни и тщеславия”. И тоже намекает на распутство. В дневниках сcribe есть намек на ее шашни с одним из предводителей племен Южной Аравии. Это дальше по тексту. Не знаю...

Да, я забыл про офицеров Ноя. Их осудили скопом. Нем был широко известен как авторитетный начальник городской стражи. Он очень много сделал для того, чтобы заговорщики смогли уйти из горда и оторваться от преследования. Гор – правая рука Ноя. Не знаю о нем ничего. О Ваале тоже. Но последний проходил вместе с Ноем излучину Донгола, а значит, не мог посылать донесения с берегов Нила до того, как оба отряда объединились. Как Вы помните, Нем чуть было не перехватил гонца от первосвященника где-то в районе Керма. А это почти на сотню километров ниже Кургуса, где произошла встреча.

Нельзя сбрасывать со счетов Беренику и Теистере. Их не судили вообще. Если исходить из гипотезы Карла о египетском происхождении царицы Савской, то после гибели Таисмет египтяне могли подсунуть сабеям одну из этих двух дам. Я думаю, что подсунули именно Теистере, поскольку, по многим источникам, легендарная царица была довольно темнокожей. Неффер предполагал в Теист нубийскую кровь. Историкам о ней ничего не известно.

Колонизация Нубии шла в течение всего периода правления тутмосидов – от Аменхотепа III до Эхнатона – и постепенно положила конец ее самобытной культуре. Страна и ее обитатели приспособились к египетскому образу жизни. Храмы, святилища и укрепленные города вырастали по всей долине нильских порогов. Чтобы гарантировать лояльность на этих землях, египтяне брали в заложники детей кушитской знати и увозили их в Фивы. Там они получали образование при дворе, после чего их отправляли на родину в качестве египетских эмиссаров, без права даже на короткое время покинуть вверенную территорию. Многие из них мечтали стать самостоятельными правителями, что создавало постоянную угрозу неповиновения. «Царский сын Куша» оставался единственным доверенным лицом фараона, предупреждавшим об опасности и пополнявшим казну. Но и его следовало контролировать. Египтяне неохотно селились на чужбине и все труднее приживались на нубийской земле. Служба в Нубии становилась непопулярной, она представляется чем-то вроде ссылки для неудобных чиновников. Стала популярной фраза: “Если я лгу, пусть меня отошлют в Куш”. Поэтому наместники тоже назначались из среды египтизированных нубийцев. Они забирали в свои руки все большие власти и во все большей степени пренебрегали интересами Египта. Уже владыкам XX династии приходилось считаться со стремлением нубийцев к самостоятельности. Прошло то время, когда фараоны беспрепятственно получали из Нубии золото, медь и рабов. Теперь они с трудом удерживали власть. Политика “пряника” доходила до того, что сопровождавший наместника “царский посланец во всякую чужеземную страну” Нефферхор приехал в Напату с подарками для вождей Нубии. В Северной Нубии постоянно зарождались заговоры. Главой одного из таких заговоров был “глава лучников Нубии”, узнававший все тайны двора через свою сестру, находившуюся в гареме фараона. А один из последних наместников –

Панехси, дед Теистере, сосредоточил в руках столько власти, что в конце концов вторгся с кушитскими войсками в Египет, захватил Фивы, после чего сыграл не последнюю роль во внутрививанских разборках. Примерно в эти же годы на исторической арене появляется новое лицо, которому в последующих событиях довелось сыграть первостепенную, если не решающую роль, – Херихор. Он довольно быстро сменил Панехси на посту “Царского сына Куша”, а затем получил или присвоил титул визиря и в конце концов стал верховным жрецом Амона. Но это уже другая история. В этот период страна фактически распалась на две части. Дельтой владел Смендес, чья резиденция находилась в Танисе, а Фивами – Менхеперра. Титул “Царь Верхнего и Нижнего Египта” окончательно превратился в фикцию.

Возможно, Теистере унаследовала от своего деда море нереализованного тщеславия, которое старалась не проявлять, подчеркивая свою безусловную преданность Таисмет, иногда даже выполняя роль ее служанки. Но как известно, в тихом омуте... У меня такое подозрение, что Теистере еще проявит себя на страницах дневника, правда, пока не догадываюсь в каком качестве.

Обратите внимание, что после убийства Тит-Хеперу-Ра власть в Верхнем Египте захватили кушиты. А что, если Теистере, став царицей Савской, подслала убийц к первосвященнику, тем самым решив сразу две задачи: отомстив за своих друзей и расчистив место на троне Верхнего Египта для своих соотечественников? Но вполне возможно, что она причастна и к убийству Таисмет. Смерть подружки давала ей шанс. Как теперь мы знаем – исторический шанс. Заметьте – одна версия не исключает другую. Ее причастность к убийству подружки не исключает, а даже предполагает месть первосвященнику. Особенно если она действовала по его приказу. Но я уже начинаю фантазировать. Судьба Береники неизвестна. Но есть одна загвоздка. Еврейская традиция дает царице Савской весьма нелестные характеристики. Это может быть связано именно с судьбой Береники. Если она хотела стать царицей Сабы, но не стала, то все понятно.

Под наши подозрения может попасть и телохранитель Таисмет. Он ходил за ней по пятам, но почему-то не сумел ее сберечь. Это подозрительно. Но, с другой стороны, он был туп и не мог писать донесения первосвященнику.

Я знаю Ваши подозрения относительно Нефера. Но это уже не моя компетенция. Советуйтесь с Дерридой.

Мое мнение такое: если, как вы говорите, Ной погиб от рук своих, то из круга подозреваемых можно исключать всех, кто был непосредственным свидетелем его убийства. А также тех, кто в это время был рядом с Таисмет. И те, и другие имеют алиби. Если, конечно, убийца действовал в одиночку. Но вряд ли, изучая египетские тексты, можно определить, кто где был во время убийства.

Отвечаю на Ваш вопрос о египетской письменности. Скорописная форма иероглифов, которая используется скрибом, применялась для папирусного нерелигиозного письма. Обобщение письменных знаков было вызвано сложностью изображения плавных округлых черт иероглифов тростниковым пером. А вот сакральные иератические тексты появляются именно во время правления фараонов XXI династии. Поэтому мы и имеем столь подробный текст на стене захоронения.

P.S.

Я нашел упоминание о косметичке, вернее, коробочки из зеленого камня с мазью. Это подарок Таисмет от Нефера. Что касается гончарного хобби. Никто из приближенных Таисмет выделкой кувшинов не занимался. Я не нашел ни одного упоминания об этом.

Эти два вопроса постоянно не давали мне покоя, но я так и не задал их профессору. Он сам догадался.

Аден. Следующий день. 24 ноября

Из дневника Эдда Лоренца

Я спал допоздна, а потом еще долго валялся в кровати.

Потрескивала старая гостиничная древесина, шаги наверху, тихие печальные звуки. Мокрая простыня прилипла к телу. Я попытался вспомнить, что же мне приснилось, в чем там было дело. Но не вспомнил.

Наконец, собравшись, я бодро вскочил, отодвинул занавески и открыл окно. Небо в голубой дымке. Со стороны порта, похожего на гигантскую фантастическую декорацию, доносились гудки машин.

Воды не было. Я нашел Танару и выяснил, что душ сегодня работает только на первом этаже. Но это больше не повторится.

Вернувшись в номер, я взял свежее белье и полотенце. Общий душ на первом этаже уже был занят. Передо мной в очереди стоял господин Дю. Он поведал мне, что в его особняке на Рю де Шанель две ванны – одна золотая, а другая платиновая. Когда я не нашелся, что на это ответить, он описал мне сцену своего утреннего туалета со всеми подробностями.

Было уже что-то около девяти.

За завтраком я оказался в гордом одиночестве. Все уже расположились у бассейна. Официантка принесла меню, но я отрицательно махнул рукой.

– Утром я всегда ем одно и то же: две чашки крепкого чая, поджаренный хлеб – два ломтика, масло, ягодный джем, яйцо всмятку и творог с зеленью.

– Творог с зеленью?

– Да, творог со сметаной, перемешанный с мелко порезанной зеленью.

– Придется немного подождать.

– Ничего страшного.

Официантка исчезла за дверью кухни. Было слышно, как стучат, ее каблуки. Так она и есть копт. Как ее звали? Ах да, Джанта.

Она быстро вернулась.

– Скажите, сколько творога и какая зелень.

Я с досадой почувствовал в ее словах иронию.

– Сто граммов творога и двадцать пять граммов зелени, самой разнообразной, всю массу хорошенько перемешайте. Я буду так завтракать каждый день. Есть проблемы?

– Никаких проблем, – в ее голосе чувствовалось раздражение. – Какие тут могут быть проблемы? Обычно на завтрак мы подаем самбусу. Это такие небольшие треугольные пирожки с мясом, овощами и специями.

– Нет, спасибо.

– А кофе? У нас он почти настоящий.

– Я редко пью кофе.

Официантка ушла. А я начал себя мысленно упрекать. Какого черта я превращаю самый обычный завтрак в представление по мотивам романов Генриха Беля. В результате получился какой-то совершенно не свойственный мне снобизм. Но я сразу же себя оправдал. В этой поездке я могу воплотить мечты юности об удивительном путешествии.

Мистер Гилберт с чашкой кофе в руках направился в мою сторону. Я мысленно чертыхнулся.

– Что вы тут делаете? – спросил он в достаточно агрессивном тоне, – я имею в виду тут, в Йемене.

В отличие от него я был спокоен, как танк.

– Буду делать серию телевизионных передач и, если ничего не помешает, сниму фильм, – ответил я, стараясь выглядеть как можно более мирно.

– Судя по вашему виду, вы снимаете далеко не романтические любовные истории.

– А что такого в моем виде?

– Вы чего-то вынюхиваете.

– Никогда не имел такой привычки.

– Вы будете снимать войну.

– Наоборот. Хочу повторить успех тысячи и одной ночи.

– И кого вы возьмете на роль Шехерезады?

– Да хотя бы вашу жену.

Он стал заразительно смеяться.

– Что-что, а раздвигать ноги она умеет.

– Вот и отлично. А вас я поставлю у дверей, с другой стороны.

Мне показалось, что он сейчас выплеснет кофе мне в лицо.

Я вошел в уже теперь свой офис в половине одиннадцатого. Меня не ждали. Секретарша говорила по телефону и едва удостоила меня взглядом.

– Вы к кому? – спросила она, положив трубку.

– Ни к кому. Я просто так. Проходил мимо.

– Ну и идите дальше. Здесь частная собственность.

Я сел в кресло и перекинул ногу на ногу.

– Зовите всех сюда.

– Да вы что...

Наконец она поняла и вскочила на ноги. Через пять минут весь мой офис расселся в креслах вокруг приземистого стола.

Подчиненных мне сотрудников было пятеро. Уже знакомая мне секретарша, которая теперь прятала от меня глаза, двое мужчин, молодой и постарше. И две дамы неопределенного возраста.

Молодой мужчина, несмотря на кондовую фамилию – Соломатин, внешне принадлежал к небрежному южному типу, неизвестно как занесенному на просторы России. Лицо красного цвета, загоревшее под местным солнцем. Воротник легкой белой парусиновой куртки, подчеркивающей ширину плеч, подпирал косичку, в которую были собраны смазанные жирным волосы. В порах кожи густо чернели точки пробивающейся щетины. На нем были чуть мешковатые штаны, приспущенные на животе. Другими словами, уверенный в себе жеребец с рекламы мужской туалетной воды.

Я прозвал его гаучо.

Другой мужчина – пожилой и почти лысый, был похож на мелкого бюрократа из черно-белого советского фильма. Его волосы, жидкие на макушке, были спутаны, под глазами мешки, над губами пробивались усики, похожие на маленьких черных скарабеев. Он сильно нервничал. Это было заметно по колебанию ноздрей и подергиванию в уголках рта. Его руки не знали покоя: он то ощупывал карманы, то незаметно проводил пальцами по ширинке, проверяя все ли на месте. Когда извинившись он снял пиджак, на рубашке проступили темные полукруги пота, хотя рабочий день только начался. Его лицо выражало лишь одно желание – слить на меня все проблемы.

Первая дама – этакая бабища со взбитой прической и на высоких каблуках. Глаза закрывали большие солнечные очки в тонкой оправе. Она была похожа на выдавшую виды куртизанку после бурно проведенной ночи. Я прозвал ее мадам.

Вторая была помоложе. Все, что положено быть выпуклым, у нее выпирало. Я прозвал ее пышкой.

Мое благостное настроение утра улетучилось, а вдоль позвонков пробежало раздражение. Зачем Боря вообще держит у себя в офисе всех этих мудаков, считающих, что жить за границей – привилегия. Это уже давно не так.

Я решил изобразить из себя чистильщика, с безупречными манерами, холодными глазами и серной кислотой в кейсе.

Лысый предложил подняться на второй этаж. Я согласился. Секретарша шествовала впереди в поскрипывающей кожаной юбке, облегающем тонком свитере и в изящных туфлях на высоком каблуке. Весьма фривольный наряд для Востока. Гаучо шел, воткнув большие пальцы за ремень и поглядывая по сторонам с беззаботностью успешного голливудского актера. Лысый поднимался по лестнице отдуваясь. Мадам демонстрировала некогда весьма недурные ноги. А пампушка оказалась на удивление резвой. Замыкая шествие, я наблюдал за тем, как у нее растягиваются швы на льняной юбке. Везде крутились вентиляторы. Мой расстегнутый пиджак развевался позади, как судебная мантия.

Мы прошествовали пустым коридором до переговорной комнаты. Там лысый сообразил спросить у меня документы. Он нервно поглядывал то на мою фотографию, то на мою равнодушную физиономию, то на женщин, призывая их разделить с ним ответственность по выяснению моей личности. Я предложил всем кофе, и секретарша быстро ретировалась.

Лысый взял инициативу на себя и затараторил, то и дело прерывая себя взволнованным смешком.

– Хочу представиться, – начал он. – Меня зовут Михаил Борисович, старший менеджер компании. Это моя жена Елена Дмитриевна, – он показал подрагивающей ладонью на мадам. Она юрист. А это Сонечка, наш переводчик. А этот, – он показал на гаучо, – наша охрана. Бухгалтер еще не вернулась из Саны, и боюсь, не вернется.

Я сидел, уставившись в пространство.

– Бухгалтера у нас нет! – повторил Михаил Борисович с преувеличенным драматизмом в голосе.

– Не страшно. Меня учили не только читать, но и составлять баланс, – я сказал это так, словно занимался этим каждый день.

Личные дела сотрудников офиса я прочитал еще в Риге. Михаил Борисович начинал карьеру с мелкого служащего советского торгпредства. Характер слабый, трусливый, ворует по мелочам. Дело знает, но бестолков, разбросан и суетлив.

Елена Дмитриевна, юрист, типичная язва, считающая, что весь мир ей чего-то должен.

Гаучо – спортсмен-разрядник, тренирует местную баскетбольную команду и подрабатывает в офисе охранником. В России его, как мусор, носило по стране, пока Боря его не пригрел.

Сонечка, делопроизводитель, замужем за местным арабом, отъезла задницу и изучила арабский язык. Больше всего боится остаться на улице.

– Мы очень просим вас, – замямлил Михаил Борисович, – отнестись внимательно к тому, о чем мы сейчас вам расскажем. Произошло нечто ужасное. Ситуация очень опасна.

Наступила пауза. Я выдержал ее, а потом вдребезги разбил все их надежды:

– Для кого?

– Что для кого? – недоуменно переспросил Михаил Борисович.

– Для кого конкретно опасна создавшаяся ситуация? – я глядел на свою команду в упор.

Все стали испуганно переглядываться. Впервые в жизни я занимался тем, что нагонял страху.

– Думайте быстрее! Быстренько, быстренько, – я произнес это отрывисто, словно кричать на людей было для меня обычным делом.

Михаил Борисович скукожился в кресле и выдохнул: «Все пропало!» Елена Дмитриевна поспешно перекрестилась. Сонечка колыхнула всеми своими формами. Да, тут было на

что посмотреть, силиконовая грудь так колыхаться не может. Гаучо безучастно обрабатывал жвачку.

Я принялся разглядывать Елену Дмитриевну. Судя по всему, ее характеристика в личном деле довольно точна. Стерва, каких поискать. В ней было что-то такое, что меня жутко бесило в женщинах, хотя я не мог понять, что именно. Крашенные волосы и накладные ногти? Мелочная зависть?

Отношения Елены Дмитриевны с Михаилом Борисовичем я мог досочинить сам. Она не дает ему расслабиться ни на минуту, постоянно думая об упущенных возможностях и требуя денег. А он не оправдывает ее надежд. На его лице уже заметны следы разрушений, причинять которые умеют только женщины. Бедный парень.

Мне стало всех жаль, и я изменил тон.

– Итак, – произнес я бодрым голосом, словно настало время подвести итоги и отправить всех по домам. – Как вы сами видите, господа, у нас забот выше головы. С грузом, который занесло в Ходейду, я разобрался. Можете расслабиться. Как-нибудь расскажу подробности. Наша главная задача сохранить рынок. Если Юг останется независимым от Севера, спрос на наши «лады» сократится на четверть. Если нет, то вряд ли мы вообще сможем конкурировать с японскими джипами. Надо быть готовыми к любой ситуации. Борис Исаевич уже ведет переговоры в Токио.

Я коротко обрисовал перспективу. Все успокоились. Михаил Борисович отчитался.

– Молодцы, – похвалил я всех. – Думал, приеду, а вы тут дурью маетесь. Теперь о Жорже. Михаил Борисович снова побледнел.

– Под прикрытием нашей фирмы Жорж Доде занимался своими делами, оружием и... – я не стал уточнять чем, но сделал вид, что в курсе. – Не знаю, какое отношение к его делам имел каждый из вас. Если имел, то жду чистосердечного признания.

– Я не знаю, клянусь, я ничего не знаю, – вскричал Михаил Борисович, его лицо превратилось в высохшую коровью лепешку. – Жорж как-то проговорился, что ищет какое-то древнее захоронение, и его преследует тоталитарная секта. Недавно у него появились друзья, которые дали ему денег. Он хотел полностью посвятить себя поискам.

Это была новость.

– Какое захоронение? – я подозрительно посмотрел на Елену Дмитриевну.

– Откуда мне знать? – она раздраженно отвернулась, но затем, словно под гипнозом, вновь глянула на меня. – Ему постоянно приходило в голову невесть что и непонятно как! У него шило в заднице.

Я перевел взгляд на гаучо.

– Вы знали Жоржа?

Он ответил соломоновой фразой:

– Часто не знаешь и самого себя.

Я посмотрел на пампушку и спросил наугад:

– Сударыня, что с вашим мужем?

Гаучо вдруг ни с того ни с сего начал смеяться.

– Безумно смешно, – огрызнулась пампушка, – посмотрим, как ты засмеешься, когда он вернется. – Она повернулась ко мне. – Мой муж в командировке.

– Где?

– Спросите у Жоржа.

– Вы что, издеваетесь надо мной?

Секунды на три установилась полная тишина. Затем я услышал голос Михаила Борисовича:

– Мы не верим, что Жорж мертв, он вовремя унес ноги. Сволочь.

– Эту версию я прочел во вчерашней газете.

– Вы считаете виновным меня, – Михаил Борисович был близок к истерике. – Не доглядел, не проверил. На вашем месте я бы тоже так думал. Но я тут совершенно ни при чем.

Интересно, куда удрал муж пампушки. Что-то тут не так. О чем-то они молчат как партизаны. Надо колоть гаучо.

– Все, расходимся по своим делам. Бумаги за последний год ко мне на стол.

Я попросил гаучо остаться. Сначала он рассказал мне сказку о местных шайтанах, крышующих рынок легковых автомобилей. Потом о Жорже. Оказалось, что он не только занимался контрабандой оружия но и содержал бордель. Вместе с какой-то шайкой полных идиотов. Почти все из них русские и прибалты, ходят в футболках и спортивных штанах, пьют и пугают местное население. Об археологических изысканиях Жоржа гаучо ничего не знал.

Что ж! Чтобы разгрести завалы, мне придется стать сутенером и участником оружейного трафика. Не хило!

Я закрылся в кабинете и принялся изучать документы. Много меня удивило, а кое-что не понравилось. Оказалось, что треть поставленных в Йемен автомобилей отправляется обратно в Россию. Поскольку на внутреннем рынке России цена на отечественные автомобили в полтора раза выше, чем субсидируемая государством экспортная цена, такая операция давала хорошую прибыль. Понятно, что автомобили туда-сюда не возили. Перевозили только документы. Ай да таможня! Ай да Боря! Это то, что меня удивило. Но то, что не понравилось, было куда серьезней.

Время от времени я выходил из кабинета и с улыбкой наблюдал, как моя горе-команда изображает бурную деятельность.

«Начальство как всегда дурью мается», – услышал я шопот, закрывая дверь, не сообразив сразу, что начальство – это я.

В конце рабочего дня позвонил Боря.

– Ну как? – спросил он.

– Я ожидал увидеть более рабочую обстановку. И вообще, когда эта советская глупость с разницей экспортных и внутренних цен закончится.

Боря все понял.

– Надеюсь, не скоро, чистоплюй несчастный. Помощь нужна?

– Ради бога! Только не присылай сюда очередную бестолочь. Лучше подними мне зарплату.

Вечером мы со штабс-капитаном вышли в город. Нас подхватил поток разноликих людей в самой разнообразной одежде. Воздух был напоен запахами алоэ, специй и соли.

Ветер с моря почти не приносил прохлады, и я покрылся липким потом.

– Вы хорошо говорите по-английски. Почти без акцента, – похвалил меня штабс-капитан, хотя мы говорили по-русски.

– Я был на курсах делового английского. Группа разговорного языка уже была укомплектована. Преподавательница уделяла большое внимание хорошему произношению, особенно звуку th. Я немного помучился и заговорил.

На площади толпился народ. Из ближайшей харчевни пахло чем-то вкусным. Продавец сладостей мелодичным голосом созывал покупателей. Издалека доносились крики таксистов. Муэдзин читал с ближайшего минарета Эбед: «Я славлю совершенство Бога, вечно Сущего». Фраза прозвучала трижды и каждый раз все медленней.

Штабс-капитан рассказывал о Южном Йемене 70-х годов:

«Аден даже при социализме оставался свободным портом. Сюда привозили товары со всех стран и продавали очень дешево. Ваши специалисты, все поголовно, превратились в спекулянтов. А когда в гавань заходили советские пароходы, то команды моряков под присмотром капитанов толпой вываливались в город и скупали все подряд. Разница в цене здесь и в Союзе была невероятная. Раз в двадцать. Я этим тоже пользовался. Сначала продавал вашим газомые

косынки. Потом в моду вошли итальянские плащи. У вас их называли болоньями. Матросы скупали их тюками. Вначале 80-х началась кримпленовая лихорадка. Потом пошли японские транзисторы, магнитофоны, фотоаппараты, часы, китайская посуда. Короче говоря, я сделал неплохие деньги».

В небольшом переулке торговали катом. Торговцы, обнаженные до пояса, сидели на своих прилавках, а их керосиновые лампы отбрасывали яркий свет на лежащие рядом зеленые пучки.

– На кат нет твердых цен, – рассказывал штабс-капитан. – Торговцы всегда приспосабливаются к спросу. В праздники и в дни полочки цена на кат очень высока. Но у торговцев «добрые сердца» – они отпускают кат даже в кредит.

– У меня печальный опыт жевания ката.

– Понимаю. Вначале производимое катом действие неприятно: наступает головокружение, сердцебиение, бессонница. Но затем ум приобретает ясность, появляются энергия и бодрость, настроение становится доброжелательным и совершенно спокойным. Каждый испытывает желание рассказать свою историю. Имеется кат «бродячий», который побуждает к ночным прогулкам без определенной цели. Раньше имелся кат «кровожадный», порождавший насилие.

– Чем таким зеленым вы меня напоили вчера за ужином?

– Это tonique Abyssin, Абиссинский тонизирующий напиток. В 1910 году фармацевты города Лиона изготовили его из листьев ката, добавив алкоголь. Лучшее тонизирующее средство когда-либо изобретенное человеком. Но потом оно было запрещено. Я сократил количество ката, увеличил градусы и добавил разных настоек. Никаких галлюцинаций, никакого привыкания. Проверено.

– Это лучше абсента?

– Намного лучше. Но если хотите улететь, рекомендую так называемый эфиопский чай. Высушенные листья ката смешиваются с медом и заливаются кипятком. Если добавить немного кардамона и сахара, получится очень здорово. Только не надо злоупотреблять. В больших количествах кат вызывает анафродизию. мрачное настроение, хочется спать, ничто в мире не радует.

– Нет, спасибо.

– Напрасно. В небольших количествах можно. Тем более что сегодня Аль-хамис – четверг, день ката. В отличие от Севера на Юге «катуют» не каждый день, а только по четвергам и пятницам. А здесь, в самом Кратере, жуют не кат, а тумбль – табак, смешанный с известью на зеленом листе колы. Эта смесь придает рту верблюжью плевучесть.

Мы поднялись на гребень небольшого искусственно насыпанного холма. Порыв ветра разогнал вечерний туман, и я замер, пораженный открывшейся взгляду картиной. Солнце уходило за морской горизонт, оставляя за собой кроваво-красные полосы.

– В этих местах так и говорят: солнце погружается в море, чтобы омыть свои раны.

– Что это за холм? – я обвел рукой вокруг себя неполный круг.

– По преданию, легендарная царица Савская, которую арабы зовут Балкис, наблюдала отсюда за работой моряков, строивших суда для ее флота. А вон там когда-то стояли древние бронзовые пушки. Англичане увезли их в подарок королеве Виктории, и теперь они стоят возле Тауэра.

– Вы воевали?

– Да. Когда я окончил кадетскую школу в Белграде, началась война. Югославия, Греция, но там все быстро закончилось. Я отправился в Северную Африку, где воевал в составе польского батальона. Поляки принимали меня за своего. Я хорошо владею польским языком, да и фамилия у меня, как у шляхтича. Моя мать урожденная Закржевская. Под Эль-Аламейном я познакомился с капитаном Даррелом, его батальон шел в атаку слева от нас. Там мы все

и полегли. Мне было двадцать лет, капитану двадцать один год. Поэтому выжили. Но раны мучают до сих пор.

– Мое поколение получило Афганистан.

– Понимаю. После войны мы с капитаном поставляли в Йемен рог носорога в обмен на старое английское оружие. Этого добра здесь было полным-полно, а в Африке начались кровавые межплеменные ссоры. Потом рынок обмелел. В начале шестидесятых уже свободная Африка стала покупать автоматы Калашникова. Но денег мне хватало. Капитан занялся спекуляциями на фондовом рынке, а я своим пансионатом.

Что-то меня беспокоило, но я не мог понять – что. Рог носорога. При чем тут носорог. Но я все же спросил:

– Зачем йеменцам так много рогов носорога? У них что, проблема с потенцией?

– Вы видели когда-нибудь историческую джамбию? Нет? Извините, глупый вопрос. Все они наперечет. У них рукоятка из рога носорога. И современные джамбии могут иметь такие рукоятки. Но старая кость по цвету напоминает перламутр.

Так вот в чем дело, подумал я. Осколок кости на месте гибели Юры – это осколок кости носорога, отколовшийся от рукоятки исторической джамбии. Тогда все становится понятным. Надо искать не человека, а джамбию. Исторических джамбий не так много. Как сказал штабс-капитан, они все наперечет. Найдя джамбию, можно найти человека.

Я пытался осмыслить ситуацию, продолжая поддерживать разговор.

– Здесь, на юге, был самый настоящий марксистский социализм, – продолжал штабс-капитан. – Мой сосед болел простатитом и мог поссать только под звуки «Интернационала». А Салех, на севере, проповедовал прямое народовластие по «Зеленой книге» Каддафи. Это такая маленькая зеленая книжечка.

– Да, знаю.

– Советский Союз подал Йемену плохой пример.

– Согласен. Союз был бестолковым режимом. Пустоту заполняла беспечность мечты. Но были и смыслы. Возможно, ложные, но были. А что теперь. Вся страна сидит в лопухах и матерится.

Штабс-капитан снисходительно улыбнулся:

– Прошлое всегда романтизируют. Когда оно было настоящим, то обладало той же пустотой.

Когда-то я уже слышал эту фразу и сменил тему разговора:

– В вашей гостинице действительно когда-то жил Артюр Рембо?

– Да, это так. Все, что от того времени осталось, – у меня на чердаке. Вам нравятся его стихи?

– Я плохо их знаю. «Пьяный корабль», вот, пожалуй, и все.

Штабс-капитан что-то для себя решал.

– Некоторое время в моей гостинице жил некий Жорж Доде. Вы его ищете, я знаю. Не спрашивайте, откуда я знаю. Я знаю все, что здесь происходит. Так вот. Он очень интересовался историей Артюра Рембо, даже стал неумело и глупо подражать ему.

– Вы знали Жоржа?

– Да. Он облазил весь мой подвал и чердак в поисках артефактов. Не знаю, что он там нашел, но все было перевернуто вверх дном.

– Тогда все понятно.

– Что понятно?

– В рыбацкой деревне, здесь поблизости, я нашел сборник стихов Верлена с дарственной надписью, адресованной Рембо. Представляете. Это тянет на десятки тысяч. Мне удалось выяснить, что год назад в эту деревню приезжал какой-то европеец. Возможно, это был Жорж.

– Оставьте эту книгу себе. Я никогда не смогу доказать, что эта книга с моего чердака.

– Эта книга отлично впишется в интерьер вашей гостиницы.

– Что ж, возьму. И сбавлю вам плату за постой. Оставайтесь. Здесь тихо. Белый песок, теплая прозрачная вода, красивые женщины, крепкие напитки, мясо, приготовленное под открытым небом.

– Что еще нужно человеку, чтобы пережить кризис среднего возраста, – добавил я.

Штабс-капитан думал о своем.

– Для меня главное значение имеет свобода, – сказал он. – Но только та свобода, которая рождается внутри. Бедуины самые свободные и поэтому самые счастливые люди на земле. Счастью, как и страданию, нужно время. А времени в пустыне нет. Свобода от времени и есть подлинная свобода. Похожее чувство освобождения возникает в горах Северной Индии. Там, в горах, как и здесь, в пустыне, окружающий мир существует в первозданном, сыром виде. Именно в пустынях Аравии и на голых скалах Тибета люди обрели Бога.

Второй раз за два дня я услышал об отсутствии времени. Наверно, его тут действительно нет.

– Где боги, там и демоны, – сказал я. – Пустыня всегда была прибежищем демонов. В пустыне они искушали Иисуса. Иуда повесился в пустыне. Здесь же резвилась Лилит. Тут недалеко могила Каина. Согласен, пустыня создает ощущение вечности. Но этим она чем-то похожа на женщину.

– На Лилит? – улыбнулся штабс-капитан. – Возможно. В пустыне нет ярких цветов, но она склонна к самолюбованию. Вы сами с севера?

– Да, из Латвии. Но туда я больше не вернусь. И в ельцинскую Россию тоже. К Европе я испытываю экзистенциальную тошноту. Остается пустыня. Дикие нравы, дикие люди. Но что поделаешь?

– Я бы не сказал, что дикие. В отличие от России, в Йемене не убивают. Могут похитить, но потом отпустят. Но это не главное. Йеменцы любят, когда гости принимают участие в их повседневной жизни. Поэтому от Йемена остаются самые сильные впечатления. Я подарю вам свою книгу. Это руководство по Йемену, чтобы вновь прибывший не попал впросак. Йеменцы своеобразный народ. Соотечественников они называют ах – брат, друг, иностранца – садук, товарищ, но это слово содержит и негатив. Часто к европейцам обращаются словом «назрани». Это производное от «назарян» – Иисус из Назарета. Лучше, когда к тебе обращаются просто мистер.

Я услышал протяжные звуки. Это был призыв муэдзина на вечернюю молитву. Призыв звучал с минарета пять раз в день, и я уже привык к этому экзотическому песнопению. Обычно транслировалась магнитофонная запись, но сегодня это был, без сомнения, живой и проникновенный человеческий голос:

«Аллау акбар... Ла илаа иль Аллау...»

– Это первые слова, которые шепотом произносят на ухо мусульманским младенцам, – сказал штабс-капитан, – и последние слова, которыми провожали умирающего в мир иной. С них начинался каждый день, и ими он заканчивался. «Бог велик... Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его».

В кофейне было полным-полно народу: арабы, индусы, китайцы, мужчины и женщины с открытыми лицами. Большинство сидели за мраморными столиками на литой ножке, похожими на те, что украшали залы французских кафе тридцатых-сороковых годов. Вдоль стен стояли скамейки и тростниковые диванчики, на которых можно было сидеть, поджав под себя ноги. Кто-то играл в кости, кто-то танцевал под звуки музыкального автомата. Все пили кофе и курили. Гортанный говор сливался в неопределенный гул. Пахло табаком и живым телом.

Наше появление произвело впечатление. Публика загудела. Мы прошли в небольшую нишу, где дымились высокие кальяны.

Официант разлил из большого медного кумгана кофе и поставил перед нами высокие стаканы с водой и льдом.

– Предпочитаю кофе по-турецки. Настоящий кофе сушит не хуже нашей водки. Что будете есть? Могу предложить лангустов, вымоченных в кокосовом молоке. Разноцветные коктейли. Не беспокойтесь, мы их немного разбавим, – штабс-капитан вынул из заднего кармана плоскую флягу. – Незабвенный Neo tonique Abyssin.

– Как быть с сухим законом?

– Со мной можете пить без малейшего риска.

– Здесь совсем не пьют?

– Почему, пьют, но только подпольно. В Хадрамауте втихую пьют крепкое финиковое вино.

– А кофе?

– Хорошего кофе в Адене нет. Варят шелуху от кофейных зерен, на углях в медных кофейниках. Получается темный напиток с довольно насыщенным вкусом. Но это не кофе, это – гышр.

– Меня предупредили, что за отказ выпить гышр могут камнями закидать.

– Могут, – штабс-капитан с улыбкой разлил по стаканам «абиссинию». – Но мне здесь нравится. В Йемене еще сохранились настоящие «неиспорченные» арабы. Они спокойны. Они не хотят казаться лучше, чем есть на самом деле. Их спокойствие передается другим. Здесь легко выращивать фрукты и овощи, легко строить дома, легко уговорить женщин.

Мы выпили.

– Из этого заведения Рембо каждую субботу отпраплялся домой, иногда ползком, – сказал штабс-капитан, любовно обведя взглядом свое заведение. – Говорят, он читал здесь свои стихи, изысканные и упадочные, радуясь аудитории в два-три человека. Никто больше не знал французского.

Я обратил внимание на группку симпатичных женщин всевозможных темных оттенков. Они посматривали в мою сторону, как тогда в Сане.

Штабс-капитан перехватил мой взгляд.

– На этом тарабарском побережье перемешана арабская, индийская, китайская, английская и негритянская кровь. Здесь можно встретить изумительных женщин. Правда, у большинства зад немного низковат, но это на европейский вкус. Зато какие великолепные переходы, ни одного острого угла. И довольно дешево. Всего 20 долларов за раз.

– Я думал, что в исламских странах местные женщины недоступны.

– Да, в традиционной культуре женщина не имеет почти никаких прав, кроме права поесть сладости в любых количествах. Поэтому в восточных сладостях сквозит гаремное одиночество. Но здесь, в Адене, нравы довольно свободны. Проститутки появились сразу, как только Юг объявил об отделении от Севера. Они были и раньше, но не так заметно. А в Хадрамауте нравы еще свободнее. Вам надо съездить в Хадрамаут. Это незабываемо.

– Никогда бы не подумал, что Аден такое веселое место.

– У местной проституции очень богатая история. Прабабушки аденских шлюх были привезены сюда из Египта, Судана и Сомали на потребу наемников, нанятых англичанами в различных частях империи. Теперь здесь есть и русскоговорящие проститутки из всех этих нелепых стран, возникших после развала Союза.

Я решил включиться в игру.

– Своих не хочу. А к черным женщинам еще надо привыкнуть.

– Начните с бедуинок. Их предлагают на сексуальном рынке наравне со всеми прочими. Они посветлее, не закрывают лица, но если клиент хочет, то одевают никаб. Европейцы заводятся от закрытого лица и открытой задницы. У меня есть тут одна. С гарантией. Великолепная фигура, сумасшедшие глаза.

– Нет, в другой раз. Вообще-то, мне никогда не приходилось женщине за это платить.
– Можно, конечно, и так. Но с бедуинками так не получится. А вот сомалийки и эфиопки отдадутся и за просто так. Достаточно угостить их восточными сладостями.

– Мы пойдем с тобой в «Лидо», только «после», а не «до», – продекламировал я.

– Откуда такая поговорка.

– Из Латвии. В Риге был популярный ресторан «Лидо». Мы с друзьями водили туда девушек.

– Для начала можете приударить за одной из моих пианисток. По четвергам и субботам они играют в фойе гостиницы. Понятно, играют все, кроме «Хава нагила», – штабс-капитан рассмеялся своей шутке. – Им здесь скучно. Регина бросила своего мужа-катаеда. Весь доход семьи уходил в плевательницу. Дина сбежала из борделя без денег, без документов и спряталась у меня. Сидела в углу, вспоминала свою родную ткацкую фабрику и плакала. Дуры! Но обе умеют петь, играют на фортепьяно и гитаре. Чтобы перепихнуться – самое то. Я обратился в российское консульство, чтобы им оформили временные паспорта. Не тут-то было. В новой России, оказывается, свобода выбора! Каждый за себя. Консульские чиновники мне так и сказали.

– Да. России сегодня не до заблудших своих дочерей, – подхватил я. – Если российский министр иностранных дел говорит, что у страны нет своих национальных интересов, то почему бы не продавать девок вместе с черноземом.

– Если это демократия, то я коммунист. Белый коммунист.

Мы засмеялись.

– Вот мы и породнились, – сказал я, облизывая подсохшие губы, – сын белого офицера и внук красного комиссара. Этим революцию 17-го можно считать законченной. За что и выпьем!

Мы выпили. Я замолчал, погруженный в невеселые мысли.

– Здесь, в Адене, много русских?

– Судя по количеству валяющихся на пляже бутылок, окурков и остатков пищи, около сотни. Аден – город авантюристов. Ваши здесь чувствуют себя как дома. Когда Северный и Южный Йемен объединились, почти все русские специалисты уехали, как говорится – от греха подальше. Потом некоторые вернулись. А год назад сюда из России, как саранча, налетели какие-то бандиты.

– Бандитский Петербург на йеменских выселках? – пошутил я.

– Мне трудно сравнивать.

– Чем они тут занимаются?

– Всем. Торгуют оружием, выбивают из африканских стран советские долги. Одна группировка ухитрились взять в аренду портовые склады в счет йеменского долга. Что они там хранят – не знаю. Торгуют девушками. Год назад я пытался организовать в одном из своих кафе подпольный кафешантан. Ведь Аден – проходной двор. Набрал русских девиц. Они мне руки целовали. Так вот, ваши «крутые» после представления вломились за кулисы и чуть было их всех не перетрахали. Никто из этих отмороzków не хотел верить, что девочки просто танцуют.

В кафе вошла стройная девушка в длинном цветастом платье, в платке, ее лицо ниже глаз закрывало нечто похожее на медицинскую марлеву повязку из цветного шелка. Я подумал, что эта та самая девушка, которая следила за мной в Ходейде. Но тогда она была в хиджабе. Я краем глаза наблюдал за ней, стараясь не потерять нить разговора со штабс-капитаном. Девушка осмотрелась, а потом напрямик отправилась к нам:

– Salut cheri, – штабс-капитан расплылся в широкой улыбке. – Знакомься! Это мистер Лоренц из России, – представил он меня на английском.

– Salut! Пьете? Насколько я знаю, русские не пьют без повода.

Девушка посмотрела на меня своими чуть подведенными восточными глазами. А я на нее. Глаза были не совсем восточные, но это их не портило.

– В русской жизни всегда есть место поводу, – услышал я голос штабс-капитана.

Они о чем-то поговорили на арабском. Потом девушка ушла в противоположный конец зала и оказалась в обществе молодого парня. Он почти кричал, размахивая руками, и, казалось, в чем-то ее убеждал. Но она проскочила у него под мышкой и прыгнула на сцену.

– Вот такие мне нравятся, – сказал я штабс-капитану. – Кто она?

– Не знаю. Она, как царица Савская, приходит ниоткуда и уходит в никуда. Мне так и не удалось ее выследить. Да и зачем? Я плачу ей десять долларов за выступление.

Девушка вскинула руки над головой и закружилась в медленном танце.

– Как вы думаете, она согласится? – спросил я.

– Возможно. Но не с каждым.

Я решил сменить тему разговора.

– А кто такие миссис и мистер Гилберт.

– Хм, – штабс-капитан добродушно посмотрел на меня. – Она интересная штучка. Но будьте осторожны. Ее муж каждое утро пьет кофе в пиджаке и при галстукке, после чего, взяв портфель, садится в ожидающее у двери такси. Возвращается под вечер, когда его жена купается в бассейне. Потом они усаживаются на террасе и пьют дорогие коктейли. Он сам их делает. За стеной их номера постоянно слышится занудная перебранка. По-моему, она его бьет. Плеткой. У нее есть плетка. Я сам видел. – Штабс-капитан немного засмутился. – Судя по всему, он уже десять лет полный импотент во всех смыслах этого слова. Вы будете обедать у нас?

– Не знаю. Я люблю есть один. Когда кругом люди, у меня расстраивается пищеварение. И вообще...

– Понимаю.

Вернувшись в гостиницу, я порылся в библиотеке штабс-капитана и нашел сборник стихов Верлена на английском. Мне хотелось прочитать хоть одно стихотворение из старого французского сборника, пока он еще у меня. И я нашел такое стихотворение в английском сборнике. Оно было про мое недавнее прошлое:

*Я – уцелевший воин среди разгрома,
Иду как проклятый, не ведая пути;
Отчаявшись, без родины, без дома,
В слюнях измазавшись, в исподнем и в грязи.
Иду во тьме, по прихоти дороги,
Понуря голову, потупя тусклый взор,
Осталось мне лишь обивать пороги,
Глотая стон бесчестья и позор.*

Нет, что не говори, Йемен прекрасное место на земле.

Я с наслаждением погрузился в постель. Вот и все. Я достиг пределов познаваемого мира, где все загадочно и непостижимо.

Аден. 2 декабря 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

Мне приснились сосны, дюны и серое море. Потом Подмосковье, участки, разгороженные высокими заборами, мой дом, Марсо, суетящаяся на кухне, дочь, ухаживающая за розами. Дюн больше не было, их срыли бульдозерами. Развороченная колея сворачивала в никуда.

Ближе к утру я прорвался через отмель и начал бесконечное плавание от одного острова к другому. Паруса мягко хлопали от слабого ветра. Курс на Борнео.

Встав с постели, я принял душ и спустился вниз. К моему приходу как раз доставили булочки. Однако завтрак начинался только в семь, поэтому я решил немного поплавать. Потом сел за столик на веранде, наслаждаясь утренним солнцем и пробегая рассеянным взглядом заголовки газет.

– Как обычно? – спросила Джанта.

Я согласно мотнул головой. А когда мне принесли творог с зеленью, то понял, что хочу теплых булочек.

– Что-то не так? – Джанта произнесла это тоном английской колонистки, привыкшей с юмором относиться к любым проявлениям экзотики.

Я попросил булочек.

Недалеко от меня сидела миссис Гилберт. На ней было довольно красивое платье, гладко причесанные волосы собраны в пучок, глаза оттеняла полоска туши у самых ресниц, а щеки розовели тонко наложенными румянами. Вероятно, на макияж у нее ушло все утро.

Я понял, что атака на меня началась.

Когда официантка принесла булочки, я попросил ее присесть за мой столик.

– Тебя зовут Джанта?

Официантка утвердительно качнула головой и спросила:

– Вам нужна женщина?

Я немного опешил, но решил, как обычно, включиться в игру.

– Женщина всегда нужна. Ты согласна?

Джанта была само спокойствие.

– Я не упускаю шанса заработать, переспав с красивым парнем. Если же вам жалко денег, то обратитесь к Танаре. Она не откажет.

Кто бы мог подумать, что здесь такой широкий выбор. Джанта, Танара, две пианистки, миссис Гилберт, а возможно, еще и волонтерка. Пора вывешивать над дверью пансионата красный фонарь.

– Об этом – потом. Мне надо, чтобы ты перевела несколько слов с древнеегипетского. Говорят, что язык коптов унаследовал древнеегипетскую лексику.

Джанта пожалала плечами. Я протянул ей бумажку, на которой рукой археолога были нацарапаны вылетевшие из его аппарата слова. Она некоторое время их разглядывала.

– Это какая-то бессмыслица.

– Не спешите. Может, это больше или меньше слов. Подключите ассоциативное мышление.

Я осекся. Какие у официантки могут быть ассоциации. Но Джанта спокойно сказала:

– У меня одна ассоциация. Убийство. Если эту белиберду разделить на три слова, то, возможно...

– Что возможно? – нетерпеливо переспросил я.

– Это может означать: «ты и убил».

Так! Это было уже слишком. Я ожидал всего, но только не Достоевщины. Хотя, почему не ожидал. Ведь у меня было подозрение насчет скриба. Если он ищет наказание после смерти, то

вот она – улика. Но почему я так уверен, что эти слова обращены к нему? А как быть с отпечатками пальцев. Что они означают. Можно предположить, что если косметичка принадлежала Таисмет, то гончар, забравший у нее эту ценную вещь, и есть убийца. Гончар? Вряд ли. Его бы не подпустили к ней близко. Это был кто-то из ближнего окружения. Тот, кто любил подливать кувшины. Имел такое хобби. И еще. Откуда известно, что косметичка принадлежала Таисмет? Надо попросить профессора, чтобы он еще раз прошелся по тексту. Мне нужна не только фабула событий, нужны детали. Сможет ли профессор найти эти детали? Как будет косметичка по-древнеегипетски? Никак! Коробочка сделана из зеленого полудрагоценного камня. Это уже лучше. В тексте дневника скриба должно быть упоминание коробочки из зеленого камня. Иначе зачем мне подсунили этот артефакт? Кто подсунил? Сам скриб? А если не он? Нет, скорее всего, он. Ведь у меня нет другого собеседника. В тексте дневника должно быть и упоминание о гончарных способностях кого-то из действующих лиц. Почему все это не пришло мне в голову раньше. Надо было оказаться в Йемене, чтобы до всего этого допереть. Больше нельзя пускать это дело на самотек. Все подсказки сделаны. Теперь мой ход.

Все эти мысли пронесли у меня в голове, пока Джанта убирала со стола.

После завтрака ко мне подошел штабс-капитан.

– Пойдемте, я познакомлю вас с одной из моих пианисток, с Региной. У нее небольшая депрессия, а так, ничего. Очень милая девушка. Вам она понравится. К тому же натуральная блондинка.

– Везде.

– Ха!

– Извините! Одна из двусмысленных латышских шуток.

– Что тут извиняться. Я тоже выступаю в непривычной мне роли сводни. Вторая девушка немного попроще. Но тоже ничего.

– Может, мне ту, которая попроще?

– Сами выберите.

Регина лежала на диване и разговаривала по телефону на арабском. На ней были красного цвета блузка с открытым воротником и волнующе короткая юбка. На журнальном столике стоял стакан с темной жидкостью – судя по всему, борьба с депрессией шла полным ходом.

Увидев меня, ее глаза расширились, а на губах заиграла неуверенная улыбка.

– Приготовь нам кофе, настоящий, – попросил штабс-капитан.

Регина пошла на кухню чуть виляющей походкой. Через некоторое время она поставила поднос на стол и стала разливать кофе по чашкам. Комната наполнилась крепким ароматом.

– Молодого человека зовут Эдд Лоренц, и в Адене у него никого нет, – беспечно сказал штабс-капитан, будто сватать постояльцам своих пианисток было для него в порядке вещей. – Он пробудет в городе, возможно, несколько месяцев.

– Я понимаю вас, – улыбнулась Регина. Кто-то должен позаботиться о том, чтобы он не скучал.

С момента достижения зрелости я всегда мечтал встретить женщину, которая возьмет на себя инициативу, и теперь смотрел на такую, хлопая глазами. Она была по-русски симпатичной. Но мне хотелось только одного – свободы, еще раз свободы и никаких пустых разговоров.

– Хорошая девка, – сказал штабс-капитан, когда дверь за ней закрылась. – Сходите, погуляйте по Кратеру. А там уж как получится.

– Ближе к вечеру, – как бы согласился я. – Мне надо в офис, потом в полицейский комисариат. – Да, еще один вопрос: Регина бывшая проститутка?

– Нет, не успела ею стать, – штабс-капитан шмыгнул носом. – А вот вторая хлебнула горя. Посылала все заработанные деньги домой. Проституция оказалась единственным способом отблагодарить родителей за счастливое детство.

Мои сотрудники, как всегда, бездельничали, плевали в потолок и ругались. Перебранка между ними возникала по каждому поводу. Особенно отличалась мадам. У нее было неважно со здоровьем и совсем плохо с характером. Она ругала попеременно то мужа, то пышку, то секретаршу, доставалось и гаучо.

Михаил Борисович мелко воровал. Так как у меня не было возможности предать его шариатскому суду, то я просто отобрал у него ключи от сейфа и дал пинком под зад. Через несколько дней мы случайно столкнулись в морском клубе. Он сидел за столиком, двумя руками вцепившись в помятый сэндвич. Я заставил его дать обещание не воровать. Он пообещал и вернулся в офис.

Пышка мечтала только о прямых волосах и ежедневно вела войну со своими черными кудрями. Она не хотела быть похожей на местных даже в этом и постоянно вспоминала покой своего детства в глухом городишке недалеко от Саратова.

Секретаршу я прозвал елкой, поскольку о своем прошлом она молчала как пойманный в еловом лесу партизан. Я запросил информацию у Бори, но он ничего не знал и посоветовал мне установить за ней слежку. Только этого мне не хватало.

Бухгалтерша в офис так и не вернулась. Как сказал гаучо, она хотела выйти замуж за хорошего араба, и чтобы дети были не слишком черные. Судя по всему, кого-то нашла.

Я просмотрел записную книжку, где был записан распорядок дня на сегодня. В час – встреча с арабским коммерсантом, который мог забрать все не распроданные «нивы». В три часа – звонок Марсо. В четыре – встреча в полицейском комиссариате с неким Мунасаром Аль-Рахманом.

Ровно в полдень елка поставила передо мной тарелку с овсянкой на молоке.

– Я должен это есть?

– Для вашей же пользы. Я ведь вижу, что у вас болит желудок.

– Здесь, в Йемене, болит намного меньше, чем в Риге.

Секретарша мне нравилась все больше. Она знала арабский и прекрасно разруливала ситуации с клиентами.

Съев кашу, я взял с подноса чашку чая. Елка одновременно говорила по двум телефонам. Фирма была скорее жива, чем мертва.

На организованной мною вечеринке неделю назад все мои сотрудники показали, что умели. Михаил Борисович проникновенно читал стихи, мадам неплохо играла на фортепьяно, а гаучо – на трубе. Пышка приготовила абу макасов. Я сыграл на гитаре и спел застольную латышскую песню о водяных розах. А елка надела шелковые шаровары с завязками внизу и станцевала танец живота. После танца она потянула шаровары вверх и почти скрылась в них с головой. Я сказал, что с ее параметрами ей надо поискать жениха среди новых русских. Она как-то странно на это отреагировала. Наверно, у нее уже был такой, но он бросил ее здесь на произвол судьбы.

Ровно в час пришел арабский коммерсант, оказавшийся армянином.

Мы быстро обо всем договорились и перешли на «ты». Елка принесла кофе с коньяком. На ней были туфли без каблучков. Но от этого ее ноги только выигрывали. Армянин посмотрел ей вслед.

– Красивых девок нанимаешь. А я предпочитаю их держать подальше от своей работы и поближе к спальне.

В четыре часа я почувствовал себя усталым и с раздражением посмотрел на гору бумаг. Елка принесла мне еще несколько папок, но я поднял руки и перенес эту тяготину на следующее утро.

– Все, меня нет и не будет!

Было жарко. Потягивая холодный сок, я вспомнил жаркое лето 1983 года в Праге. В городе кончилось пиво, впервые за более чем сто лет. В общественном транспорте женщины

проветривали себя, тряся подолом коротеньких платьев. А здесь от жары женщины кутаются в черную абаю. Да, мир разнообразен.

Аден. 3 декабря 1993 года

Из дневника Эдда Лоренца

Поздно вечером я получил от профессора очередной кусок расшифрованных древнеегипетских текстов и нетерпеливо распечатал бандероль. Чтение растянулось на всю ночь.

Наступил месяц хойяк²¹, воды Нила достигли самого высокого уровня и начали чуть заметно убывать. Деревья зацвели во второй раз.

Корпус Сета, сформированный в Танисе, подходил к Фивам. По дороге к нему присоединялись все новые и новые отряды войск, отобилизованные номовой знатью, а также огромное количество проходимцев. Особенно много людей дал Мемфис и Абидос.

Лагерь нубийского корпуса, которым командовал Ной, не спал. В белом свете луны крыши палаток напоминали холмы, покрытые снегом. Воины сидели у костров. Ходили по кругу кувшины с вином, на вертелах жарилось мясо. Кто-то играл в кости. Было весело и шумно.

Вместе с Ноем ужинали его высшие офицеры. Всего пять человек. Будучи опытным полководцем, Ной четко обрисовал положение дел: «Мы можем сокрушить корпус Сета, но подойдут новые силы и нам придется оставить Верхний Египет. Никакой паники! Задача нубийского корпуса – нанести удар и отступить к казармам. Пловцы должны сжечь все лодки на левом берегу, чтобы фиванский корпус не ударил по тылам. Как только к Фивам подойдут корабли из Таниса, захватить их. На этих кораблях наши семьи и часть гарнизона Фив отплывет на Юг, вверх по Нилу. А наш корпус пойдет на Юг пешком, по пустыне, пересечет излучину Донгола и встретится с кораблями за Напатой».

Обливаясь потом и покрытый пылью с ног до головы, в комнату вошел Гор и коротко доложил:

– Головные отряды корпуса Сета в ночном переходе от Фив. Они идут налегке, оружие едет следом на повозках, а повозки вечно отстают. В отрядах много всякого сброда, который оставляет за собой запах пота и говна. А ливийские лучники пердят, как козлы, непонятно чем их накормили. Завтра утром они будут здесь.

К середине ночи лагерь успокоился и заснул.

Перед битвой в каждом отряде нубийского корпуса пропели молитвенные гимны и зарезали жертвенных животных. Перед боевыми порядками пронесли изображения богов, фиванскую троицу, бога войны Монту и богиню победы Нехебт.

Слуга приготовил Ною нагрудные латы, покрытые металлическими пластинками. Он надел их прямо на свою льняную рубаху с широкими рукавами. Второй слуга набил стрелами колчан.

Ной вышел к войскам, от волнения прокручивая на пальце кольцо со священным скарабеем. Он знал почти каждого солдата. И верил в успех.

Передовой отряд обогнул холм и вышел из его тени на освещенную солнцем равнину. Перед ним до самого горизонта простиралось бескрайнее желто-красное пространство. Вибрирующий воздух искажал линию горизонта, но постепенно он выравнился и стал приближаться.

Сначала появились всадники. Они то собирались в боевой порядок, то снова рассыпались по пустыне. За ними катилась невероятная по размерам толпа орущих людей. Ближе, ближе, еще ближе.

²¹ С половины сентября до половины октября.

Ной взмахнул рукой, и на толпу обрушилась туча стрел. Когда колчаны опустели, корпус пошел вперед, обращая всадников и толпу в бегство.

Ной прошелся по полю боя, срывая с лежащих тел медальоны с названиями номов, откуда они были родом, а также мешочки с защитными в них спасительными изречениями.

Кроме египтян, на земле лежали светлокожие сардинцы в металлических шлемах, вооруженные огромными мечами, ливийцы, с покрытыми татуировкой руками и пучками страусовых перьев на макушках, смуглые арабы с остроконечными бородами.

К Ною подошел Гор.

– Против нас ополчился не только весь Египет, но и весь мир. Может, мы в чем-то неправы.

Ной повертел в руках только что сорванный с убитого офицера амулет красного цвета в форме петли, на котором были высечены слова из «Книги Мертвых»²².

– Я постоянно убеждаюсь лишь в том, – ответил он, – что миром правит не Маат, не Исет, а Исефет²³. Только она реальна. Для этого офицера, который искал защиты у Исет, мы – зло. Но он и сам есть зло. Еще большее зло, чем мы. Все есть зло.

Гор окинул взглядом горы трупов.

– Меня учили, что борьба между тьмой и светом не прекращается никогда.

– Да, но это не великая битва богов, а грязная драка людей.

– Но тогда... я не понимаю, что есть свет и что есть тьма. Возможно, зло есть тень добра.

– А может – наоборот? – Ной сжал в кулаке собранные амулеты и кинул их на труп лошади. – Все решают боги. Но они не всегда знают, чего хотят. Поэтому правда и ложь постоянно меняются местами. В этот раз им взбрело в голову объявить злом не этих мародеров, которые хотели разграбить Фивы, а нас с тобой.

– Зачем?

– Может, так надо. Может, наше предназначение в чем-то другом.

Вечером посланец от Береники доставил Ною кубок, украшенный драгоценными камнями. В знак победы. Еще посланец сообщил, что, по сведениям ипшионов Береники, завтра корпус Сета пополнится еще двумя тысячами воинов. Они обойдут Фивы с востока.

Таисмет чувствовала себя совершенно потерянной. Ей было тоскливо и страшно. Мир уходил из-под ног. Ей обещали все, а отняли даже ее маленький уютный мирок, где можно было предаваться мечтам.

Она сидела на берегу Нила, недалеко от причала под тростниковым навесом. Кругом были расставлены кувшины с водой и вином, корзины с сухарями, пирогами и кусками вяленого мяса. Писец отмечал в списках людей, получающих провизию.

Теистере сидела рядом, обнимая Таисмет за плечи, словно защищая от враждебного ей мира. Подошел Нефер и сел рядом с ними.

– Ты не должна опускать голову, – тихо и настойчиво повторяла Теистере, еще крепче обнимая подругу. – Я всегда буду рядом. Куда ты, туда и я!

Таисмет кивнула головой, но выражение ее лица не изменилось. Она тупо смотрела перед собой и тихо сказала:

– Кормилица всегда говорила, что придет день, когда мне надо будет взять то, что мне принадлежит по рождению, и спасти Египет. Почему боги отвернулись от нас?

Теистере повернулась к Неферу, словно заметила его только сейчас. В ее глазах промелькнула странная решимость. Неферу даже немного отстранился. Ему показалось, что он прочитал ее мысли: «Если это не удалось ей, то это сделаю я».

²² Амулет, изготовленный из халцедона, символизирующий кровь Исиды.

²³ Богиня, символизирующая хаос, беспорядок и зло.

Пришел Нем и пригласил Таисмет идти за собой: «Тебя ждут».

Она не хотелось никуда идти. Хоть бы быстрее наступила ночь, в которую можно закутаться как в одеяло, прямо с головой, и думать только о том, что никто тебя не видит. Ее губы чуть шевелились, произнося молитву: «Я шла по пути света, ведущего вверх. Да, я проиграла, но зато один день моей жизни был совершенным. О, Исет! Твои деяния сокроверны. И я не ропщу. Есть Судьба и Высшая Справедливость. Дай теперь мне силу, чтобы я могла покинуть Египет, а если нет, то подняться к небу и стать сияющей звездой на Востоке».

«Идем», – повторил Нем.

Вход в огромную низкую хижину, похожую на конюшню, был занавешен грубым холстом, сквозь который пробивался пар только что приготовленной еды.

Таисмет на минуту задержалась перед входом, чтобы стереть с лица следы сомнений и принять гордую осанку. Теист расправила складки ее плаща и пригладила локоны парика. Последнее слово всегда оставалось за ней. Так повелось с самого их детства. Хатхорити никогда не жалела, что приняла хромоножку к себе в дом. Теист пробуждала в Таисмет неужерасимое честолюбие.

Самой Теист вознесение подруги на египетский трон могло принести безбедную жизнь и престижное замужество.

Теист еще раз придирчиво оглядела Таисмет и удовлетворенно склонила голову, пропуская ее в двери хижины.

На пыльном полу казармы, покрытом кусками ковра, рядами сидели на корточках вооруженные мужчины и ели из мисок дымящуюся похлебку. Хатхорити в походной накидке хлопотала вокруг них, раздавая лепешки и лук. Те, кто уже поел, склонялись над кружками пива, как плакальщицы над саркофагом.

При появлении Таисмет все поднялись на ноги. Хатхорити приветствовала ее поклоном и тихо спросила:

– Устала?

– Я не устала и не боюсь. Боги не устают и не боятся.

Таисмет села в поданное для нее кресло, наподобие трона, отделанного бирюзой. От печали и смятения не осталось и следа.

Нем громко хлопнул в ладоши, и все, как по команде, повернули головы в его сторону.

– Переговоры с командирами фиванского корпуса и корпуса Сета закончились ничем. Мы уходим. Там, у причала, нас ждут десять кораблей и четыре баржи с оружием, запасами воды и пищи. Корабли пришли с Севера и нам удалось их захватить. Мы поднимемся вверх по реке, пока еще достаточно воды. Не теряя времени.

– А Ной и нубийский корпус? – спросил кто-то.

– Они уничтожат остатки танисского флота и пойдут караваном прямо через Нубийскую пустыню.

В казарме повисла тишина. Все присутствующие понимали, что покидают Египет навсегда.

Нем разложил на столе рисунок. Несколько мужчин склонились над ним.

– Сначала мы поплывем по Нилу на юг, а потом на восток, туда, где восходит солнце. Мы дойдем до пределов мира и создадим новое государство у подножия обиталища богов, – Нем накрыл ладонью правую часть рисунка. – Это будет государство божественной Таисмет.

Он повернулся к Таисмет, поднял руку в знак почтения и прижал ее к сердцу. Таисмет высоко вскинула голову.

Вошел Ной:

– Боги зовут нас! Мы не оглядываемся, мы идем вперед, на новую землю, повинуюсь их воле, и поставим там новые храмы! Вы лучшие воины Та-Кемта, вам нет равных, вам хватит сил и смелости дойти до края земли, чтобы прославить наших богов и свою царицу!

Его речь прозвучала так сильно и уверенно, что по рядам солдат прошел одобрителный гул.

Таисмет вышла из казармы вслед за Ноем.

Теистер подошла к рисунку, разложенному на столе.

«О боги! Это же за Кушем! Эфиопия! – прошептала она. Ее начал бить озноб. – Я даже не знаю, где это». Она села у входа и, наклонившись вперед, опустила голову между коленями.

У причала стояли корабли и баржи, сделанные из твердого дерева, с высоко задранной кормой. Крепкие мачты, похожие на перевернутую рогатку, несли широкие четырехугольные паруса, укрепленные на двух реях. В отсеках, сколоченных из досок, томились ослы, привязанные к закрепленным на палубе кольцам. Одна из барж была доверху нагружена изделиями египетских ремесленников – оружием, украшениями, зеркалами, тюками льняной ткани, все это можно было использовать для обмена.

На набережной под тростниковыми навесами шла бойкая торговля. Отъезжающие покупали всякую всячину. Толпа, собравшаяся на берегу, выкрикивала имя Таисмет, желая ей счастливого плавания.

С берега на корабли и обратно сновали носильщики с корзинами, тюками и кувшинами.

Нем следил за тем, как матросы загружают на баржи продовольствие, а плотники приколачивают доски и наращивают борта.

– Откуда это зерно? – спросил Нем командующего погрузкой офицера. – Я не хочу уходить отсюда с долгами.

– Мы забрали его из зернохранилищ Буль Бура. На Юге зерно дороже золота. Мы заплатили за все одно золотое кольцо, – офицер с улыбкой протянул Нему документ с неразборчивой печатью. – Предъявим это на суде Осириса.

Таисмет грустно смотрела на огромный изогнутый форштевень корабля, который должен был надолго стать ее домом. Почти все свободные места занимали складские отсеки.

Нем дал рабам команду нести ее носилки на палубу под навес, расположенный недалеко от огороженного перилами помоста.

На палубе Таисмет встала с носилок. Под ее ногами пылилась свернувшаяся кровь.

– Что это? – она запрыгала в поисках чистого места.

– Иди на корму, – приказал Нем. – Здесь тебе нечего делать.

Стоя на корме, Таисмет увидела, как с берега на один из кораблей со своей свитой переехала Береника. За ней гуськом тянулись заговорщики. На носилках занесли Кагемни, который решил променять пыльное погребение на несколько глотков свободы.

Таисмет подозвала Теист и указала ей пальцем на Беренику:

– Эта высокомерная дрянь едет вместе с нами? Я хочу знать, почему?

Нем долго всматривался вниз по течению реки, пока не убедился в том, что там никого нет. Можно было отплыть.

Гребцы расселись по своим местам, рулевые – на кормовые весла. Смотрящие устроились на реях. Кормчий занял свое место на носу головного корабля, приготовившись измерять дно длинным шестом.

На палубе под навесами расселась вооруженная охрана.

Гребцы налегли на весла с такой силой, что привстали на ноги. Из одежды они имели на себе только короткие штаны, сделанные из циновки, с квадратным куском кожи на задней части, защищающим ягодицы от трения. При выходе весел из воды их с огромной силой бросало обратно на скамью. Кто-то что-то напевал.

В середине реки северный ветер надул паруса и, преодолевая силу воды, погнал корабли вверх по течению.

Ваал и шесть боевых пловцов тихо соскользнули с лодок в воду.

В окнах караулок не было видно ни огонька. Значит, доблестных воинов фиванского корпуса удалось подпоить пивом, и они спят мертвецким сном. Можно будет обойтись без кровопролития.

В казармах нубийского корпуса все было готово к походу. Ной осмотрел свою армию. Две с половиной тысячи человек, все, что осталось от корпуса численностью в пять тысяч. Кто погиб, кто решил остаться в Фивах. Ной никого не держал. Каждый должен был принять решение самостоятельно. Остались самые сильные и опытные воины. Почти все были в панцирях из мягких материалов – несколько слоев льняной ткани, проложенных очесами. В руках топоры, ножи, копья и дротики. Луки были склеены из пластин дерева разных пород, обеспечивающих дальность и меткость стрельбы. Ной лично проверил заточку клинков, надежность крепления рукояток, прочность веревок.

Они ждали. Но ничего не происходило. Корпус Сета расположился лагерем недалеко от Фив. Фиванский корпус оставался на другом берегу реки.

Ной повернулся к своим солдатам.

– Мы больше никогда не вернемся в свои дома. У нас два пути – в страну смерти и вечности или в страну жизни и света. Я выбираю для нас второй путь. Мы пройдем через пустыню и вступим на неизведанные земли. Боги послали нам испытание, и мы его выдержим. Уходим! Во славу Амона!

Вся поклажа отряда разместилась на ста ослах. В длинных узких сосудах хранилась ячменная мука, в корзинах лежал запас ячменных лепешек, в бурдюках свежая вода из расчета два кувшина воды и двадцать лепешек каждому человеку на каждый день. По горшкам были разложены лук, чеснок и яйца, в остродонные сосуды налито масло.

Отряд вытянулся в длинную цепочку, каждый солдат со своим мешком. Процессию замыкали ослы и погонщики.

Пройдя вдоль насыпи, ограждающей западный берег канала, отряд вышел на дорогу, ведущую на юг.

На темном небе Ной увидел зарево. Это догорали лодки и баржи фиванского корпуса. Ваал выполнил свою задачу.

Четыре часа отряд шел берегом реки, зеленоватая вода которой приветливо сверкала в свете луны, затем миновал скалистый выступ и свернул в пустыню.

Ной чувствовал пустыню не только вокруг себя, но и в душе. Это все, что осталось от его грандиозных планов.

Однако здесь были его воины. Почти каждого второго он знал по имени.

Ной остановил слуг, спустился с носилок и встал в общий строй. Каждый его шаг должен был внушать бодрость и веру в успех.

Палуба под навесом была устлана толстыми тростниковыми циновками.

Таусмет пребывала в унынии. Слишком долго честолюбивые планы без удержу резвились в ее душе, теперь ей надо было заполнить пустоту.

Она велела принести икатулку чеканного серебра и извлекла оттуда ожерелье из ядовитых зубов кобры и диадему в виде двух змей с сапфировыми глазами, сплетенных из золотой проволоки.

– «Почему это?» – спросила Теист.

– Тебе ли не знать?! – Таусмет надела ожерелье и диадему себе на шею. – Этот знак нового состояния моего души.

По обоим берегам реки широко раскинулись поля, отливающие изумрудной зеленью молодых посевов. Цветы апельсиновые и гранатовые деревья. Пели птицы. Вдоль берега шли кре-

стьяне с тяжелыми вязанками стеблей папируса на спине. Кто-то сидел в тени деревьев, прижав к себе корзины с хлебом и кувшины с водой.

На восточном берегу показалась Сиена²⁴. Мимо проплывали знаменитые каменоломни. На берегу валялся недоконченный обелиск огромного размера.

За Сиеной Нил сжали нагромождения гранитных скал, среди которых были установлены большие стелы с текстами торжественных гимнов в честь Нила.

В полдень посреди реки всплыл остров Элефантина²⁵ – гранитная скала, покрытая вековыми наносами ила. За ним, словно призрак, появился опьяняюще красивый остров Филе, на котором Исида в глубочайшей тайне предала земле останки Осириса.

Корабли обошли остров с востока, проплыв в нескольких метрах от пилонов и колоннад древних храмов, заросших пальмами, акациями и пышными белыми и алыми гроздьями цветов олеандра. Все это отражалось в водах реки, как прекрасный мираж из прошлого.

За Филе простирался остров Битче, с еще более древними храмами, покрытый яркой зеленью лугов. Это был древний предел Египта.

Перед первым порогом они проплыли мимо города, лежавшего среди подступающих к левому берегу реки холмов. Это была Хенна, где находилась знаменитая школа жрецов.

Появились отмели, на мелководье проступали камни с острыми краями. Волны кипели. Вокруг подводных камней возникали водовороты.

Первый порог они миновали незадолго до сумерек по обводному каналу. Он был заброшен и забит камнем, но благодаря высокой воде кораблям все же удалось пройти.

Стоя на палубе, Таисмет задумчиво смотрела, как солнце спускается за громады Ливийских гор. Их отроги то подходили к реке, то отклонялись от нее. С каждым движением корабля они принимали различные химерические формы.

Привыкнув к желтизне египетских берегов, она была поражена мрачностью этих мест, обозначающих переход из одной страны в другую.

Постепенно горные вершины приобрели более резкие очертания, четко выделяясь на фоне темнеющего неба, а скалы теряли свой ослепительный блеск, покрываясь лиловыми оттенками.

Последние лучи солнца блеснули из-за гор, и тьма закрыла от Таисмет обратный путь на родину.

Из ее груди вырвался тяжелый вздох, по щекам покатились слезы. Конец – и вновь начало. Прочь сомнения! Вперед, вглубь Нубии!

– Земля твоих предков, – кивнула она Теистере. – Ты должна быть рада, что увидишь ее.

– Я родилась в Египте, – лицо Теист напряглось. Ее слова заглушили удары весел и плеск воды, но Таисмет расслышала.

– Ну прости, прости, – она погладила руку подруги. – Я полна горечи.

– Там за Нубией есть и твоя земля, купленная Амон-Асет, – Теист неопределенно махнула рукой. – Когда доберемся до нее, ты построишь там новое царство.

– Мы построим его вместе! – Таисмет крепко сжала ладонь подруги и попыталась заглянуть ей в глаза. Но Теист опустила голову:

– Ты великая. У тебя есть власть и богатство. А у меня нет ничего, кроме тебя.

– Но мне всегда кажется, что ты старше и мудрее меня, – улыбнулась Таисмет.

– Я перед тобой ничто! – Теист еще ниже опустила голову.

– Мир таков, каким его создали боги, а построили люди. Мы создадим царство, в котором все подданные будут сыты и счастливы. Мы воздвигнем храмы, которые поспорят с веч-

²⁴ Греческое название египетской крепости Суану, расположенной у первого порога – современный Асуан.

²⁵ Остров на Ниле около первого порога. Египетское название «Абу» – «слоновый», так как через этот город ввозилась в Египет из Центральной Африки слоновая кость.

ностью. Города будут ярко освещены даже ночью и украшены цветами. Я знаю, Ной мечтает о том же! О великой и справедливой стране. А тебя я назначу визирем папирусов, ремесел и искусства. Ты ведь делаешь вышивки и рисунки. Нефер научит тебя большому. Ты веришь мне?

К утру берега реки изменились. На востоке простирались пальмовые рощи, успокаивающие глаза необыкновенной прозрачностью, за ними возвышались лазоревые горы, на западе торчали скалы, засыпанные ярким песком Ливийской пустыни. Впереди по Нилу зеленели острова. Усилившийся ветер охлаждал воздух.

Стройные нубийцы с шестами в руках плыли по Нилу на связках из амбеча.

Нем хорошо знал историю этих земель. Полторы тысячи лет назад царь Усеркаф отважился пуститься в путь через скалы первого порога и утвердил на этих землях свою власть. Вчера они проплывали мимо того места, где на скалах было начертано его победоносное имя. Тысячи египтян двинулись тогда на Юг осваивать эти земли.

Река протискивалась между разодранными отвесными скалами. На одной из них проступил древний рельеф – царь стоит, опершись на посох, в окружении свиты, а перед ним в почтительном трепете склонились нубийские вожди.

В семье Нема из поколения в поколение передавался старый папирус с воспоминаниями о великих делах предка, управляющего городом на острове Элефантина: «Его Величество послал меня, чтобы вырыть канал в обход первого порога на пути в страны Ирчет, Вават, Иам, Сечу, Теререса²⁶, и снабдил деревом для этого. Сделал я все это за один год. Открыта дорога прекрасная, чтобы покорить Куш презренный и попасть в золотую страну Амона».

Нем знал, что его далекий предок не выдержал испытание славой. Элефантина была окраиной Египта, и глава города самостоятельно решал многие вопросы. Когда в городе скопились огромные богатства – слоновая кость, золото, медь, его предок решил объявить себя правителем Юга. И был казнен.

Река изогнулась к западной пустыне и стала огибать каменистую равнину с заброшенными храмами, построенными здесь еще Рамсесом Великим, с обвалившейся цветной штукатуркой и поваленными шестами.

Стоя на носу корабля, Нем взглядывался в величественные очертания храма Абу Симбела²⁷, высеченного в толще скалы, круто спускающейся к берегу реки. Между пилонами, обегая вход в храм, возвышались шесть величественных статуй – четыре мужские и две женские, уже засыпаемые песком. Рамсес и его жена Нефертари загадочно улыбались тем, кто проплывал мимо.

Романтическое очарование этих мест портили редкие лачуги ремесленников и крестьян, облепившие береговые склоны, спасаясь от напалзающих с запада безжизненных песчаных просторов Ливийской пустыни.

Корабли подходили ко второму порогу.

Начался унылый пейзаж, усеянный валунами. Справа небольшие унылые холмы с плоскими вершинами, слева развалины среди кустов и песка. На обоих берегах царил мрачная атмосфера одиночества и удручающая тишина. На восточном берегу постепенно проступали укрепления крепости Бухен, еще одной исторической границы Египта.

Шум воды нарастал. Русло реки резко расширилось, пенистые воды неслись среди хаоса скал и камней, искрясь на солнце. Появились рассеянные каменистые уступы, рифы и стремительные перепады.

Северный ветер гнал корабли вперед. Но было ясно, что несмотря на высокую воду, второй порог придется обходить по суше.

²⁶ Области Нубии между первым и вторым порогом.

²⁷ Построен Рамсесом Великим. Перенесен при строительстве Асуанской плотины.

Волок, проложенный бревнами и укрепленный по сторонам досками, был более или менее в приличном состоянии. Часть солдат, выстроившись в цепочку, стала заполнять ложе волока толстым слоем нильского ила, другая часть тянула корабли.

Эта работа заняла восемь дней.

За вторым порогом течение Нила опять сжали высокие скалы.

Справа по ходу кораблей появился город Семна, окруженный тремя фортами. Это была третья историческая граница Египта на юге. Отец Нема рассказывал, как он приказал обновить надпись, высеченную на камне в крепости. Надпись гласила: «Нубийцам, их судам и их стадам запрещено пересекать эту черту». Размещенный в Семне гарнизон должен был следить за соблюдением этого запрета. Теперь город был пуст. Из него ушли египтяне, но еще не пришли нубийцы.

За Семной начиналась цепь крепостей. В каждой крепости когда-то были расквартированы вооруженные отряды. Теперь они были пусты.

Между вторым и третьим порогами река снова протекала по безжизненной местности.

Справа теснились дикие мрачные скалы, они то заходили в воду, то выходили из нее. За ними высились горы, их ребристые склоны разрезали овраги, в долинах громоздились высокие конусы песка. Все было выжжено солнцем. Скалы накалялись днем и остывали по ночам. Вечером было слышно, как они с шумом лопаются и как обломки камней катятся под гору, падая в Нил.

Слева низкие каменистые берега были засыпаны песком. Ощущалось смертоносное дыхание двух пустынь. Селения встречались редко. Нагие нубийцы бродили со своими стадами вдоль берега или сидели толпами без всякой защиты от тропического солнца.

Вдалеке показались две линии мощных крепостных стен Миргиссы, построенной в форме прямоугольника. Внутренняя стена достигала высоты 10 метров и охватывала крепость с трех сторон, с четвертой стороны крепость охраняла круто обрывающаяся к реке скала.

В Миргиссе еще сохранился гарнизон. Начальник гарнизона был хорошо знаком Нему, и он вместе со своим отрядом присоединился к беглецам.

Третий порог удалось пройти по воде. За ним лежала широкая, зеленая долина – излучина Донгола. По берегам простирались зеленые луга и роицы развесистых пальм.

Царь Тутмос добрался до этих земель тысячу лет назад. Теперь вокруг могучих стен брошенных крепостей гнездились дома нубийцев, как муравьиные кучи на корнях могучей сикоморы.

Нем знал, что на востоке за этой зеленью лежат волны песка, тянущиеся в глубину Нубийской пустыни до самой Великой Зелени, и они погребли под собою не одну армию, пытающуюся спрямить путь по Нилу на юг. Теперь по этому пути бредут остатки нубийского корпуса. Что с ними?

О том же думала и Таисмет. Она постоянно обращалась к богам и требовала от Хатхорити истолкование знамений. Раньше это делал Секененра. Но в последнее время он говорил лишь то, что она хотела услышать.

В одну из звездных ночей Таисмет, закинув голову, спросила Секененру:

– Неужели мы рождаемся на свет и живем непонятно зачем, а потом умираем, и все? Так просто. Я всегда верила в бессмертие. То, что мы уходим в поля Иару, а потом улетаем туда, к звездам. Но сейчас не знаю.

– Первое условие бессмертия – смерть, – ответил Секененра. – Ничего больше я сказать не могу. Что там, на небесах, – никто не знает.

Теистер использовала время для своих любимых занятий. Она расшивала орнаменты на тканях и приставала к Неферу, упрашивая его дать ей уроки мастерства. Тот отказывался. Но когда он наконец согласился, один из уроков закончился в постели.

С борта корабля, где плыли Береника и заговорщики, постоянно звучала музыка. Там явно наслаждались полнотой жизни, не думая о том, что будет завтра.

В один из дней Таисмет письменно пригласили к Беренике на званый обед. Но она в раздражении швырнула свиток за борт.

– Что она себе позволяет? Кто она такая? Бывшая фараонша, надоевшая своему мужу?!

О побеге Береники из Таниса Таисмет знала во всех подробностях. Нем рассказал ей, что она привела к Нюю какого-то чужестранца из страны неведомых адитов, который позвал его на службу к своему господину. Это вызвало в Таисмет еще большую ярость к Беренике. Им с Ноем боги повелевают создать новое, прекрасное государство, где будут счастливы все. А эта шудейка пытается низвести Ноя до положения обычного наемника.

Таисмет начала подозревать, что у Береники нехилые планы в отношении ее мужа. Ной должен был отправить ее обратно на Север, и дальше – в Иудею, а не брать с собой. Почему он этого не сделал? Таисмет отвернулась, чтобы Теист не заметила, как она кусает губы от злости.

– Перестань злиться и прими приглашение. – Теист оглянулась на двигавшийся следом за ними второй корабль. – Надень свой плащ, расшитый золотым орнаментом, и тиару с Уреем, которую ни разу не надевала. Надо же как-то показывать себя.

Но Таисмет явно обдумывала что-то свое. После долгого молчания она сказала:

– Прежде всего, я должна поставить эту дрянь на место.

Отряд Ноя шел по двенадцать-тринадцать часов в сутки почти без потерь, подсыхая на солнце. Колючий удушливый воздух, сухие губы, растерзанные песком глаза, немые пророчества одиноко стоящих выветренных скал, песок, оседающий на поверхности песка. Время от времени ветер падал вертикально сверху и закручивался вихрем.

В полдень небо переместилось выше и стало темно-синего цвета. Песок жег пятки даже через подошвы сандалий. Когда Ной устремлял взор в одну точку, пространство вокруг нее выцветало, а с горизонта накатывала тьма. Раскаленный воздух прогонял любые мысли, кроме мыслей о прохладе.

Этой дорогой пользовались с незапамятных времен. Но дорогой она была только для тех, кто хоть раз прошел по ней. Для отряда все кругом было однообразной пустыней, покрытой песком и камнями. Лишь по торчащим из песка костям можно было узнать места дневных стоянок проходивших здесь когда-то караванов.

Все переходы были похожи один на другой: вокруг плоские приземистые горы до половины занесены песком, напоминающие гигантские могилы. Вечные камни и столь же вечные пески, страх разрушения и смерти.

Нюю казалось, что окружающие его скалы похожи на статуи львиноголовой богини Мут из черного базальта на берегу священного озера в Фивах. В мареве дневной жары они оживали, шевелились и разевали свои страшные пасти. Сквозь шум в ушах он словно слышал их грозное рычание, а дневная ноша, непомерно тяжелая даже для него, отдавалась в предплечьях страшными объятиями этих кошмарных чудовищ.

Вода в кожаных мешках высыхала от жары. На губах появились болезненные трещины. Ной приказал тщательно смазывать лицо специальным кремом, чтобы избежать ожогов.

Так проходил день за днем. Пустыня печально дышала под ноги и убивала своей безысходностью.

На половине пути около горько-соленых колодцев они, наконец, наполнили кожаные мешки водой, грязной, соленой, пахнущей тухлыми яйцами.

В один из дней ветер резко усилился, и налетела песчаная буря. Сначала ветер катил по земле небольшие камни, поднимал пыль, срывал с ослов поклажу. Ослов заставили лечь, а люди укрылись за ними с подветренной стороны вместе с глиняными кувшинами, кото-

рые могли быть побиты летящими камнями, и накрылись циновками, чтобы не задохнуться. Песок накапливался с одной стороны и сметался с другой.

Потом в небо белым столбом поднялся смерч, напоминающий толстый скрученный канат. Ной плотно зажал обеими руками глаза и уши. Смерч двигался прямо на него. Все ближе и ближе. Он кожей почувствовал, что ветер еще далеко, но уже давит на него с невероятной силой. За несколько минут песок заполнил все. Но на этом все и закончилось.

По тому, как слаженно отряд встретил опасность, Ной понял, что сможет дойти до цели. Если эта цель вообще существует.

Переползая между группами солдат, Ной наткнулся рукой на огромный обломок сосуда с магическими заклинаниями, которые должны были погубить кочевников, приходящих на границы Египта из бескрайних пустынь Нубии. Теперь только эти заклинания вместо крепостных стен охраняли Египет.

Нефер работал целыми днями, сидя на корме корабля.

Он понял, что мир создан из мук и раскаяния. Поэтому настоящим искусством может быть только боль. От этой мысли его охватил безудержный поток идей. Он набросал эскиз рисунка. Одного, другого.

В один из дней он начал писать портрет Теист. Когда портрет был готов, глаза девушки вдруг засверкали диким, неукротимым блеском, а ее губы оказались около его уха:

– Тебе больше не будут нужны Небет и ее толстогубые нубийки. Если ты такой богатый, то лучше побереги деньги для меня.

Вечером Нефер смотрел на проплывающие мимо мрачные скалы и глубокие каньоны, которые под лучами заходящего солнца переливались всеми оттенками – от пламенеющего красного до нежно-розового. Он понял, что изменение наклона солнечных лучей может создать причудливую игру цвета. У него впервые зародилась мысль высечь на скале имя прекрасной египтянки, которое будет появляться в определенные часы, а может, и дни, как бы ниоткуда, чтобы на окружающий мир снизошло умиротворение.

Нем обратился к Секененре:

– За эти дни ты ни разу не обращался к нашим богам, почему?

– Мы все время спешим, а разговор с богом не терпит поспешности.

Вечером корабли пристали к топкому берегу, недалеко от деревни, тихо спящей под навесом пальм. С десятка нубийских женщин, завидя плывущую процессию, разбежались, но потом вернулись на берег, влача за собою черные покрывала с детьми.

Солдаты быстро очистили часть берега от острых камней, а отряд охранения во главе со своим командиром, высоким темноволосым ливийцем с обожженным солнцем пустыни лицом, обошарил тростник вверх и вниз по реке. Женщины принялись за стряпню. Стремительно темнело. Гребцы первыми повалились спать, укрывшись короткими циновками, не обращая внимания на москитов, грызущих их изъеденные язвами ноги.

Нем зажег факел и в сопровождении двух солдат пошел в деревню. Три десятка хижин и столько же пальм, лениво шевеливших ветвями, истерзанные склоны холмов, руины плавильных печей, заброшенные огороды, истлевшие меха под ногами.

Пахла примятая сандалиями трава. По ее запаху Нем узнал одну из приправ к мясу, которой он давным-давно пользовался в Нубии. В Египте такой травы не было. Он нагнулся, сорвал пучок и положил его в рот.

С горящим факелом в руках Нем обошел самое приличное здание с плоской крышей, грубо и неумело разрисованное голыми танцовщицами. Осыпавшаяся глина обнажила тростниковую основу стен. Нем понял, что это бывшая казарма. Аккуратно заваленные ворота говорили о том, что об этой казарме не забыли, и в случае нужды в нее вновь мог быть посажен гарнизон. Неужели эти места еще когда-нибудь войдут в состав Египта?

Нем приказал одному из солдат привести женщин и детей и разместить их в бывшей казарме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.